Германия

- Aachen – Аахен
- Annaburg – Анабург
- Beiten – Байтен
- Berlin – Берлин
- Berchtengaden– Берхтенгаден
- Bochum – Бохум
- Bremen - Бремен
- Gamgaft– Гамгафт
- Grünau – Грюнау
- Dartman – Дартман
- Dessau – Дессау
- Dresden - Дрезден
- Duisburg – Дуйсбург
- Düsseldorf – Дюссельдрф
- Essen – Эссен
- Frankfurt am Main – Франкфурт на Майне
- Fürstenwalde – Фюрстенвальде
- Gröditz – Гредиц
- Hamburg – Гамбург
- Hamhaft – Гамгафт
- Heilbronn– Хальброн
- Hom – Гом
- Kappen – Капен
- Kassel – Кассель
- Kenzberg – Кенцберг
- – Kirhwei Кирхвай
- Kolgen – Колген
- Konniza – Конница
- Landshut – Ландсгут
- Lüneburg – Люнебург
- Mainz – Майнц
- Meppen – Мепен
- Moischeid – Мойшайд
- Münster – Мюнстер
- Neustadt – Нойнштадт
- Oldendorf – Ольдендорф
- Ottoburg – Оттобург
- Parchim – Пархим
- Regensburg – Регенсбург
- Schneusberg – Шнойсберг
- Sommerfeld – Зоммерфельд
- Sonthofen – Зонтгофен
- Staaken -Штакен
- Straßengbrazen – Трассенгбрацен
- Torgau – Торгау
- Wetten – Веттен
- Wetzlar – Вецлер –
- Wuppertal – Вуперталь
- Zamerta – Замерта
- Ziegelhals – Цигенгальс
- Zwickau – Цвикау
- Wustermark – Бустермарке
- Jüterborg – Ютерборг
-

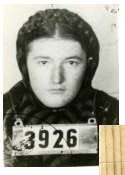
Hiddenhausen – Гиттенгаузен, Günzburg – Гюнцбург, Dachau – Дахау, Leibheim – Лейбхайм, Lerta – Лерта, Matufei – Матуфей, Nord-Kap – Норд-Кап, Orienta – Орьента Rombach – Ромбах, Ravensbrück – Равенсбрюк, Reischportfel – Райшпортфель

Пруссия Preußen

- Breslau – Бреслау
- Bunzlau – Бунцлау
- Grandenz – Груденск
- Königsberg – Кенигсберг
- Luzin – Люцин
- Pechendorf – Печендорф

Австрия Österreich

- Graz – Грац
- Krems – Кремс
- Mauthausen – Маутхаузен
- Wien – Вена

Детство войны 1941-1945 гг.:

живые свидетельства Беларуси

Kriegskindheit: lebendige Zeugnisse von Belarus

Беларусь

- 5-й полк – Regiment 5
- Березовка – Berezowka
- Бобруйск – Bobrujsk
- Борисов - Borisow
- Брест - Brest
- Колдычево – Koldytschewo
- Красный Берег – Krasnyj Bereg
- Лесная – Lesnaja
- Малый Тростенец – Maly Trostenez
- Марьина Горка – Marjina Gorka
- Минский лагерь (ул. Широкая) – das Lager in der Schirokaja-Straße in Minsk
- Минское гетто – Minsker ghetto
- Молодечно - Molodetschno
- Озаричи – Ozaritschi
- Орша - Orscha
- Скобровка – Skobrovka
- Черновчицы – Cernovczizy

Литва

- Шауляй – Schaulaji
- 9-й форд –9 ford

Россия Russland

- Локотов – Lokotow
- Рославль – Rosslawl

Польша Polen

- Auschwitz, Auschwitz i Birkenau, Oświęcim – Освенцим (**Аушвиц**)
- Gdynja – Гдыня
- Grajewo – Граево
- Wangerin – Вангерин
- Schzezin – Щецин

Эстония Estland

- Дагo – Dago
- Пылкула – Põlva

Минский международный образовательный центр имени Йоханнеса Рау
Дортмундский международный образовательный центр
Историческая мастерская ММОЦ имени Йоханнеса Рау
Ленинское отделение общественного объединения
«Минское городское объединение бывших малолетних узников фашизма»

Детство войны 1941–1945:

живые свидетельства Беларуси

Kriegskindheit: lebendige Zeugnisse von Belarus

Минск, 2011

УДК 329.18:179.8(476-25)(063)
ББК 607.409(иБел)
М62

Рецензент:
доктор ист. наук, профессор В.К. Коршук

Редакционный совет:
Директор Минского международного образовательного центра имени Йоханнеса Рау, канд. филол. наук В.Ф. Балакирев
Руководитель Дортмундского международного образовательного центра Петер Юнге-Вентруп (Германия)
Председатель Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин Л.М. Левин
Председатель наблюдательного совета Минского международного образовательного центра имени Йоханнеса Рау, профессор Манфред Цабель (Германия)

Детство войны 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси. Составители Л.А. Александренко, К.И. Козак, Т.А. Кузьмичева. – Минск: И П Логвинов И.П., 2011. – 220 с.

Собранные документальные свидетельства бывших узниц концлаггерей, принудительных рабочих имеют значимость не только как пример выживания в годы германской оккупации и нацистской тирании, но и отражают процесс возвращения памяти своего трагического прошлого в период умалчивания проблем плена, принудительного содержания как на оккупированной териритории, так и стран третьего рейха. В качестве дополнений представлены списки, фотоиллюстрации и другие содержательные материалы.

УДК 329.18:179.8(476-25)(063)
ББК 607.409(иБел)
М62
© Историческая мастерская ММОЦ имени Йоханнеса Рау
© составители Л.А. Александренко, К.И. Козак, Т.А. Кузьмичева

Оглавление

Введение 9
Einleitung 10
«У нас не было детства» 11
Спасибо Вам за ваше мужество 17
Раздел 1. Беларусь в годы германской оккупации 1941–1944 г. 20
Козак К.И. Германский оккупационный режим в Беларуси: путь в неволю, массовое принуждение и убийство, борьба за жизнь и выживание 20
1. Образ принуждения и неволи в историографии и документах 20
1.1 Немецкая и зарубежная историография. 20
1.2 Белорусская историография: этапы и характеристики. 23
Документально-источниковедческий ресурс. 26
Справочные издания. 26
1.3 Нетрадиционные представления об истории выживания 27
2. Оккупационный режим в Беларуси и характеристики оккупированного населения 29
2.1 Влияние военного фактора на состояние гражданского общества. 29
Общие принципы применения „предохранительного ареста". 30
Правовое обеспечение убийства. 31
Заложники 32
Провокационные меры. 32
Саботажники. 32
Сопровождение обозов, разминирование дорог. 33
Облавы. 34
Процесс колонизации. 34
2.2. Места принудительного содержания населения 35
Гетто – места принудительного содержания, а затем массового уничтожения еврейского населения. 37
Лагеря для военнопленных: Шталаг 352. 39
Лагерь смерти Тростенец. 39
Пятый полк в Витебске. 40
Детский лагерь Крынки. 40
Охрана лагерей. 41
2.3 Вывоз на принудительные работы. 42
Вывоз детей. 42
Насильственная эвакуация. 43
Категории принудительных рабочих. 43
Классификации мест принудительного содержания. 44
2.4 Итоговая деятельность карательных операций 45
Формы и методы деятельности оккупационных органов. 45
Сначала узники – затем жертвы сожженных деревень. 45
Выводы. 47

3. Лагеря смерти, концлагеря и принудительный труд населения Беларуси в Германии и странах Третьего рейха 49
3.1 Лагеря смерти,....49
Освенцим — Бжезинка 51
Потулицы 51
Константынув 53
Майданек. 54
Майданек 54
Майданек 55
Треблинка. 56
Треблинка. 56
Хелмно 57
Бельзец 58
Собибор 58
Памятники. 59
3.2 Концентрационные лагеря 59
Берген-Бельзен. 59
Бухенвальд. 59
Гросс-Розен. 60
Заксенхаузен. 60
Маутхаузен. 60
Равенсбрюк. 60
Собибор. 61
4. Нетрадиционные представления об истории принудительного труда 61
Выбор. 61
Дом сожжен, остаемся одни. 62
О потерях во время пути 63
Отбор и новые впечатления. 63
Подготовка к работе, обязанности и первые впечатления 63
Особые приметы и новые традиции. 64
Жизнь в неволе и язык общения. 64
Свидетельства о гибели. 64
Дети рожденные в Германии 65
4.3 Возвращение 66
Злые и добрые хозяева. Новый дискурс о добрых немцах. 66
Я осталась жива, но где мои родные и близкие? 67
Страх, опасения за то, что был в Германии 67
Раздел 2. Свидетельства **68**
Автюхович Евгения Васильевна 68
Александренко (Коробко) Лариса Алексеевна 69
Ананич (Кудина) Анастасия Евгеньевна 73
Антоневич Вера Дмитриевна 74
Артюшевский Михаил Павлович 77
Бедулина Любовь Ивановна 77
Белый Евгений Владимирович 77

Блинцова (Лукомская) Нина Павловна 78
Боровиков Алексей Иосифович 78
Браим Николай Иванович 80
Борода Павел Кузьмич 82
Бублис Мария Антоновна 84
Витковская (Махнач) Анна Александровна 86
Вольнова (Дубовик) Валентина Степановна 87
Воскобович (Парфенова) Валентина Сергеевна 87
Грекович (Гутковская) Болеслава Иосифовна 87
Гусев Евгений Александрович 88
Давыденко (Ринейская) Зоя Викентьевна 89
Дегтярь (Комлик) Надежда Александровна 92
Диашева (Бородич) Нинелла Никифоровна 92
Бородич Мария Павловна 92
Домасевич Владимир Васильевич 95
Дубровская (Лантасова) Зинаида Евгеньевна 95
Ельская (Соколова) Татьяна Дмитриевна 96
Зубарев Александр Иванович 97
Ильчик Аркадий Григорьевич 98
Камоцкая (Старостенко) Мария Николаевна 99
Карасева (Добринская) Тамара Тимофеевна 100
Кедич (Карпичкова) Александра Прокофьевна 102
Кетурка (Евтух) Татьяна Варламовна 104
Ковач (Епимашко) Татьяна Тимофеевна 105
Константинова Ольга Петровна 106
Коробейко (Буценец) Галина Александровна 106
Корзун (Козловская) Александра Порфирьевна 106
Кострова Валентина Яковлевна 107
Кривелева (Снытко) Мария Филипповна 109
Крищанович (Кононова) Мария Павловна 110
Крук (Южанина) Екатерина Зиновьевна 111
Кузьмина (Протас) Софья Леонтьевна 111
Кузьмичева Таиса Адамовна 111
Лагойко Григорий Филиппович 123
Ладутько (Кветковская) Елена Николаевна 133
Ладутько (Рогачева) Анна Никаноровна 133
Латушко (Лавская) Нонна Семеновна 133
Липский Арнольд Семенович 134
Липская Нина Федоровна 134
Лыч (Райкова) Нина Антоновна 134
Маева (Лайкова) Татьяна Ивановна 138
Макарова Вера Владимировна 138
Матылевич (Букина) Алимпиада Васильевна 138
Головач (Букина) Мария Васильевна 138
Мацкевич (Калиновская) Александра Никифоровна 145
Мацкевич (Кулик) Любовь Петровна 145

Москаленко Валентина Митрофановна 145
Милошевская Инна Васильевна 149
Наркевич (Васильченко) Лариса Ивановна 149
Нарчук (Казмерчук) Татьяна Федоровна 149
Напреенко (Костюкевич) Нина Савельяновна 150
Новодворская (Антик) София Ивановна 150
Орлова (Поливкина) Эмилия Петровна 150
Пахолкин Николай Ефимович 151
Петлицкая (Витушко) Улима Петровна 151
Петрович (Супрон) Зинаида Иосифовна 151
Подобед (Мелькина) Надежда Александровна 151
Потапчик (Баровская) Вера Лукьяновна 151
Прилуцкая (Колякина) Валентина Яковлевна 152
Прошкина Антонина Андреевна 153
Пунинская Леокадия Вячеславовна 153
Пуховский Валентин Власович 153
Разина Мира Алексеевна 167
Раплевич (Прусакова) Тамара Петровна 168
Рейлян Галина Павловна 170
Ромашкевич (Кашкан) Людмила Матвеевна 171
Ромашкевич (Кашкан) Мария Матвеевна 171
Рысева (Азанович) Надежда Григорьевна 172
Рычаго (Зыбина) Майя Ивановна 172
Савицкая (Туранчик) Лидия Николаевна 172
Савицкий Ростислав Фомич 172
Сафронова Елена Васильевна 173
Секретов Виктор Алексеевич 173
Сергеева (Веретенникова) Александра Васильевна 173
Середа (Рубахина) Леонида Александровна 173
Сидоров Филипп Карпович 174
Синявская (Пасевич) Валентина Иосифовна 174
Слонская (Деденок) Серафима Петровна 174
Слука (Климко) Александра Леонтьевна 174
Слюсарь (Туркова) Вера Матвеевна 175
Соколкова (Филипенко) Валентина Петровна 175
Сорока Леонтий Иванович 175
Сорокина (Семенюкова) Ксения Ерофеевна 175
Старовойтова (Антоненко) Мария Федотовна 176
Струков Евгений Максимович 180
Сычева (Мазаник) Валентина Даниловна 180
Сычик Василий Андреевич 180
Тишкевич (Подсадник) Нина Федоровна 180
Точилин Валентин Михайлович 181
Тюхлова (Сутяжець) Александра Фомовна 181
Фираго Николай Григорьевич 182
Харченко (Воробьева) Таиса Ивановна 182
Хлапков Александр Васильевич 182
Хмызников Владимир Степанович 182
Ходоренко (Сорочинская) Майя Ивановна 182
Ходоренко Майя Ивановна 183
Хорова (Савицкая) Галина Фоминична 183
Хороненко Павел Фадеевич 183

Худякова (Исакова) Вера Ивановна 183
Черникова (Семашко) Валентина Митрофановна 184
Черняк (Яцкова) Эмма Петровна 185
Чижонок Евгения Александровна 186
Шанина (Русилко) Регина Станиславовна 186
Шевчук (Журавлева) Лилия Парфеновна 186
Шибайло Сергей Федрович 186
Школьникова (Горохова) Валентина Парфенова 187
Шпарло (Шкроп) Лидия Петровна 188
Шпенькова (Коледянко) Валентина Алексеевна 189
Шумович Сергей Васильевич 189
Щурик Николай Игнатьевич 190
Южанина (Крук) Екатерина Зиновьевна 190
Янович (Латышева) Валентина Дмитриевна 191
Ярмолович Владимир Матвеевич 193
Список членов Ленинской районной организации Белорусской ассоциации бывших несовершеннолетних узников фашизма 194
Список изданий бывших узников концентрационных лагерей, гетто, принудительных рабочих 197
Приложение 200
Жизнь до войны 200
Война 200
Фотографии на память 202
Документы и материалы 207
Бывшие узники Ленинского района г. Минска 211
Участие в общественной работе 215

Введение

В Беларуси в годы Великой Отечественной войны погиб каждый третий или около трех миллионов. Такая трагедия в рамках всего человечества. С июня 1941 по июль 1944 г. на ее территории в более чем 200 гетто, организованных германскими оккупантами для массового убийства, было убито более 700 тыс. евреев. Более 800 тыс. военнопленных умерло от болезней, холода и голода, непосильного труда. 628 деревень сожжено вместе с живыми людьми. Мучительно горели женщины, старики и дети. В этой скорби даже нельзя найти слова утешения. Лишь немногим удалось выжить. Помогло им выносливость, умение терпеть, находить маленькие радости в жизни. Но и выжившим пришлось пройти еще один неведомый и тернистый путь. У них своя борьба за память, поиск ответов. Вначале вопросы, тысячи вопросов, а затем немногословные ответы. В большинстве своем − повторяющиеся слова. Их жизнь соткана из острых историй. Общее родство изгнанных на другие территории, в другие далекие и чужие страны. Они боролись за жизнь. За жизнь детей боролись их родители, нередко жалость, понимание проявляли обычные жители Германии. уже в последний момент найденные отношения не были разорваны. Кто-то в сложной обстановке перемен, не находя ответов или же боясь за свое будущее решал остаться на далекой земле.

Истории краткие, в большинстве своем только обозначенные желанием прикоснуться к далекой истории войны. Анкетные данные сухие слова и цифры. Еще много надо сделать для возвращения памяти людей видевших пожары войны, унижения и принуждения, потерявших свое детство. Теперь им слово…

Руководители проекта:

директора Минского международного образовательного центра имени Иоханнеса Рау

Виктор Балакирев и Астрид Зам,

управляющий Дортмундским международным образовательным центром

Петер Юнге-Вентруп,

председатель Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин

Леонид Левин

Einleitung

In Belarus wurde während des Großen Vaterländischen Krieges jeder dritter Bewohner ermordet. Dies stellt eine Tragödie für die ganze Menschheit dar. Von Juni 1941 bis Juli 1944 wurden auf dem belarussischen Territorium mehr als 200 Ghettos von den deutschen Okkupanten für den Massenmord errichtet. Mehr als 700 000 Juden kamen ums Leben, mehr als 800 000 Kriegsgefangene starben an Krankheiten, Kälte, Hunger und schwerer Arbeit. 628 Dörfer wurden zusammen mit lebenden Menschen verbrannt. Schmerzvoll brannten Frauen, alte Menschen und Kinder. In dieser Trauer kann man kaum Wörter finden, denn nur einige überlebten. Die Überlebenden hatten noch einen unbekannten und dornenvollen Weg zu gehen.

Leiter des Projekts:
Direktoren des Internationalen Bildungs- und Begegnungszentrums Johannes Rau Minsk
Wiktor Balakirew und Astrid Sahm
Geschäftsführer der IBB gemeinnützige GmbH Dortmund
Peter Junge-Wentrup
Vorsitzende der Union der belarussischen jüdischen öffentlichen Vereinigungen und Gemeinden
Leonid Lewin

Übersetzt von

«У нас не было детства»

Александренко Лариса Алексеевна

председатель Ленинской районной организации г. Минска
Общественного объединения «Белорусская ассоциация
бывших несовершеннолетних узников фашизма»

«нам нужно жить долго, работать неустанно,
чтобы привнести в мир человечность.
Память убить нельзя.
Но нельзя и жить с повернутой назад головой...»

А. Лиханов
(11 апреля 2004 г., из речи на Поклонной горе в Москве)

«В ожиданьи этой даты
Лежат средь вечной тишины
Девчонки наши и ребята,
Что стали жертвами войны
Они навеки замолчали,
Нам посчастливилось с тобой
Беречь их честь, что завещали
Они сберечь ценой любой!

Автор неизвестен

А история Ленинской районной организации уходит в далекие 80-е годы. 22 июня 1988 г. на первой Всесоюзной встрече бывших узников фашистских концлагерей в г. Киеве собрались узники со всех уголков необъятной страны. Дети подпольщиков и партизан, сызмальства на них обрушилась беда, многие из них видели казнь своих родителей. Это их,, оторванных от матерей, вталкивали в вагоны, предназначенные для скота, загоняли за колючую проволоку Майданека, Освенцима и Дахау, Саласпилса Они собрались в Киеве для того, чтобы учредить Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей при Советском Детском фонде имени В.И. Ленина.

Огромная заслуга в организации этой встречи в Киеве и в создании Союза бывших малолетних узников фашизма принадлежит Председателю Детского Фонда Лиханову Альберту Анатольевичу и

писателю-публицисту Литвинову Владимиру Васильевичу. Они подняли нас с колен.

На этой встрече из уст Альберта Лиханова – депутата Верховного Совета СССР, впервые прозвучали пронзительные слова, обращенные к жертвам «Простите нас...». Обращаясь к бывшим узникам от имени государства и общества со словом «простите», он сказал, что хотя они уже, далеко не дети, Детский фонд считает своим святым долгом представлять и защищать их интересы.

В те дни, казалось, поезда всех направлений везли в Киев бывших детей-узников концлагерей. Съехались восемьсот человек. На встрече в Киеве официально было зарегистрировано 132 человека из Белоруссии. Но когда председатель Белорусского отделения Советского Детского фонда им. В.И. Ленина - писатель Владимир Липский обратился к присутствующим с вопросом, кто из Вас был вывезен с территории Белоруссии, лес рук взметнулся вверх, большинство зала. Да, это теперь они жили во всех уголках страны, а в годы войны жили на огненной земле Белоруссии. На этой встрече присутствовала и будущий первый председатель Ленинской районной организации г. Минска Таиса Адамовна Кузьмичева вместе со своей младшей сестрой Галиной. А также будущий руководитель ОО БАБНУФ Лыч Нина Антоновна. На этой встрече председатель Белорусского отделения Детского Фонда писатель Владимир Липский внес предложение: «дети концлагерей заслуживают всех льгот, предусмотренных для участников Великой Отечественной войны. О каждом из них можно и нужно написать книгу. А также нужно позаботиться и о других категориях малолетних узников, лишенных детства.

При его содействии сразу после этой знаменательной встречи в Киеве в Белоруссии был создан Республиканский совет «Дети войны» при Белорусском отделении Советского детского фонда им Ленина.
Многие из присутствовавших на, этой встрече в Киеве 22 июня 1988г. стали впоследствии руководителями региональных, районных организации бывших малолетних узников фашизма.

Таиса Адамовна Кузьмичева живет в микрорайоне Серебрянка, поэтому вначале актив Ленинской районной организации сложился из проживающих здесь бывших узников. Они в сотрудничестве с Управлением соцзащиты администрации Ленинского района занимались поиском бывших детей -узников.

Вначале все узники входили в одну организацию «Дети войны» при Белорусском детском фонде. Но затем организация выросла численно и была переименована в 1992 г. и зарегистрирована как «Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников фашизма», ее председателем стала Лыч Нина Антоновна.

Основной целью создания Ассоциации стало обеспечение достойного уровня жизни бывших несовершеннолетних узников фашизма, повышение их социальной защиты. Ассоциация была зарегистрирована Министерством юстиции Республики Беларусь 28 сентября 1992 г. Устав же был утвержден Белорусской республиканской учредительной Конференцией бывших несовершеннолетних узников фашизма 11 августа 1992г., которая состоялась в здании Дома учителя. В работе этой Конференции по принятию устава приняла участие и председатель Ленинской районной организации Кузьмичева Т.А. Этим Уставом с небольшими изменениями и дополнениями, наша организация руководствуется в своей работе.

Уже в 1993 г. в Ленинской районной организации насчитывалось 305 бывших узников. Вступая в организацию, бывшие узники заполняли анкеты с указанием кратких биографических данных о себе и о своей семье. Также к анкете прилагались фотографии и копии архивных справок, подтверждающих факт пребывания в неволе.

Они послужили в дальнейшем исходным материалом для сбора воспоминаний и написания этой книги.

Эти свидетельства явились источником для написания многих воспоминаний как самими узниками, так и учащимися средней школы № 134, которые на протяжении четырех лет встречались с ними и записывали их воспоминания.

Большим достижением в деятельности Белорусской ассоциации в эти годы, а Ленинская районная организация была ее неотъемлемой частью, так как не имела отдельного юридического статуса, - явилось принятие Закона Республики Беларусь «О ветеранах» (ст. 21). в котором льготы, предусмотренные действующим законодательством для участников войны, с 1 июля 1993 г. распространялись на бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей, гетто и др. мест принудительного содержания, созданных фашистской Германией и ее союзниками в период Второй мировой войны.

Большим событием в жизни нашей организации стал Первый съезд Белорусской ассоциации бывших несовершеннолетних узников фашизма, который проходил 27-29 марта 1996 г. в г. Минске. Делегатом на нем была и председатель Ленинской районной организации Т.А. Кузьмичева

В решениях, как и этого Первого съезда, так и в решениях последующих Второго (29-30 апреля 1999г.), Третьего уже ООБАБНУФ (27-28 мая 2004 г.) Четвертого (27-28 октября 2009 г.) на котором уже присутствовало 4 делегата от Ленинской районной организации - отражается и вся история становления и деятельности ее районного подразделения - Ленинской районной организации ОО БАБНУФ.

В ноябре 1999 г. на общем собрании было избрано правление Ленинской районной организации. На учет в Администрации Ленинского района г.Минска наша организация поставлена в декабре 1999 г., после ее регистрации в Министерстве юстиции (свидетельство № 98), но организация зарегистрирована без права юридического лица, как организационная структура ОО БАБНУФ по адресу: г. Минск, ул. Луговая, д. 4А, ком.IА.

Основная цель деятельности ОО БАБНУФ – содействие реализации гражданских, экономических, социальных, организационных и культурных прав бывших узников фашизма.

Правление, избранное 10 лет тому назад, почти в неизменном составе служит благородному делу защиты прав и интересов бывших узников.

С особой признательностью хочется отметить за их неустанный труд бывшего председателя, а ныне зам. председателя Т.А. Кузьмичеву, членов правления Валентину Парфеновну Школьникову, Марию Федотовну Старовойтову, Веру Матвеевну Слюсарь, Эмму Петровну Черяк, Нону Семеновну Латушко, Галину Александровну Коробейка, Виктора Алексеевича Секретова. Активно помогает в работе и член нашей организации Валентина Яковлевна Кострова.

На протяжении 10 лет наша организация является членом районной организации Общества Красного Креста, в этом большая заслуга бывшего председателя организации Красного Креста Маховой Лидии Ивановны, а ныне -Дубровской Зинаиды Евгеньевны. Большую помощь в определении первостепенных задач и в нашей повседневной работе оказывает газета «Судьба» - орган Международного союза бывших малолетних узников фашизма, которая информирует нас о

состоянии дел в МСБМУФ, делится опытом работы в разных регионах бывшей огромной страны, и всегда стоит на защите наших интересов.

Газета «Судьба» была основана 15 апреля 1993 г. и является лауреатом в номинации «Выступления в защиту прав человека».

Важным направлением в работе нашей организации всегда была помощь больным и одиноким людям. В последние 2 года (после Указа о лишении льгот) работать стало намного сложнее. Многие тяжелобольные бывшие узники остались без возможности получать бесплатно лекарства, так как у них не была оформлена инвалидность. Нам пришлось работать и в этом направлении, обратились за помощью к депутату Горсовета главврачу 11 городской поликлиники – Савич Гелене Героимовне. С ее помощью уже 22 человека оформили инвалидность. Жаль только, что многие уходят из жизни.

Особую благодарность за оказание спонсорской помощи хотим выразить ТД «Полесье» и ее директору Шуба Надежде Николаевне, генеральному директору Научно-производственного частного унитарного предприятия «Адани» Линеву Владимиру Николаевичу; заместителю председателя правления ОАО «Белорусский банк развития и реконструкции «Белинвестбанк» Новосельской Татьяне Анатольевне.

Хочу также отметить участие в судьбах узников и бывшего директора городского Дома ветеранов на пр. Рокоссовского, 50 Веры Владимировны Лейковской, которая всегда была к нам внимательна и проводила с нами теплые встречи в Международный день освобождения узников - 11 апреля. По заведенной ею традиции в Доме ветеранов и сейчас продолжается эта работа, не забывают больных и одиноких. Наши узники активно там участвуют в общественной жизни и в художественной самодеятельности.

Актив организации участвует в сборе материалов для книги «У нас не было детства». Вместе с учащимися собираем воспоминания у бывших узников, сохранившиеся документы и фотографии. За участие и помощь мы очень благодарны коллективу этой школы, ее директору Елене Васильевне Позенко, Учительнице истории Людмиле Николаевне Володкович, которая не только руководила учащимися в сборе воспоминаний узников, но и вместе с учащимися 9-х классов участвовала в проекте ММОЦ им. Й. Рау «Обеспечим достойную старость свидетелям войны» на протяжении трех лет. Ребята из этой школы -наши волонтеры.

В прошлом году подключились к сбору материалов для книги и учащиеся СШ № 47 (ул. Фабричная, 7) вместе с директором Людмилой Петровной и учителем истории Артемом Александровичем. Они собирают воспоминания у бывших узников, проживающих в районе Велозавода.

Одновременно готовим фотодокументы для создания выставки в СШ № 134 «История Ленинской районной организации ОО БАБНУФ» (1988-2010), а также пополняем материалами экспозицию музея «Ленинский район вчера, сегодня, завтра» в СШ № 164 (2-ой Велосипедный пер., 36), где работает большой энтузиаст - директор этого музея Кудревич Владимир Николаевич, который также подключился к сбору воспоминаний у бывших узников, проживающих в районе этой школы.

На протяжении последних лет наша организация формирует фонд библиотеки средней школы № 134, книгами патриотического содержания, а также воспоминаниями бывших узников, которые издаются под руководством директора Исторической мастерской (ул. Сухая, 25) Козака Кузьмы Ивановича.

Во всех наших мероприятиях активное участие принимают Историческая мастерская - Международное общественное объединение «Взаимопонимание», за что мы им особенно признательны. В решении повседневных задач нашей организации активное участие принимает и Совет районной ветеранской организации, которую возглавляет Коноплев Михаил Федорович.

Осуществляется и постоянная связь с Управлением соцзащиты Администрации Ленинского района, которое возглавляет Свентановская Виктория Валерьевна. Особо хочу поблагодарить бывшего зам.начальника Управления соцзащиты Дудка Ирину Николаевну, которая вникала во все наши проблемы и всегда искренне и доброжелательно к нам относилась.

Меня, как председателя организации, в связи с 20-летием образования районной ветеранской организации. Администрация Ленинского района отметила Благодарственным письмом в 2007 г., а наша вышестоящая организация в 2008 г. наградила Почетной грамотой за хорошую работу Ленинской районной организации.

На сегодняшний день в Ленинском районе г. Минска проживает 450 бывших узников (из них 350 - несовершеннолетних). Они состоят в 2-х разных организациях, так как еще в 1993 г. от Белорусской

ассоциации произошло отделение части ее членов, которые создали Минское городское объединение бывших малолетних узников фашизма. Долгоое время объединение возглавлял Иван Иванович Саченко, профессор факультета журналистики БГУ. Сейчас руководителем Клавдия Михайловна Лизунова. Со временем возникли и другие организации бывших узников. Такое положение дел создает определенные трудности в работе. Поэтому сейчас назрела необходимость объединения всех организаций в один Союз жертв нацизма. Ведь у нас одна цель, одни задачи.

Желаем успехов в этом благородном деле.

Минск, 13 ноября 2011

Спасибо Вам за ваше мужество

Я родилась в мирное время, когда страна уже не только отстроилась после войны, но стремительно развивалась вперед. О войне я узнавала из школьных учебников, а так же из художественных фильмов и книг. Но по-настоящему понять, как страшна война, представить атмосферу того времени, составить мрачную картину всего происшедшего я смогла только в период моей работы главным врачом в учреждении здравоохранения «11-я городская поликлиника» Ленинского района после встреч с очевидцами этих событий.

Мои первые встречи с малолетними узниками фашистских концлагерей были обусловлены необходимостью планирования оказания им медицинской помощи. Но чем больше я с ними общалась , тем больше росло моё уважение к ним и восхищение их силой воли, бескорыстностью , преданностью Родине и стремлением к постоянной борьбе за мир, их оптимизмом и верой в будущее.

Ветеранская организация малолетних узников фашистских концлагерей Ленинского района - одна из самых активных организаций. Наши встречи с ее Председателем Ларисой Алексеевной Александренко носят постоянный характер. Кому-то необходимо организовать наблюдение врача на дому , многим бывшим узникам оказана помощь в оформлении группы инвалидности, кому-то ходатайство на предметы личного ухода в районную организацию Общества Красного Креста, кому-то помочь решить вопрос по коммунальным услугам, а кому-то- оказать материальную помощь. Даже самые маленькие личные проблемы членов своей организации не проходят мимо Ларисы Алексеевны. И меня каждый раз с новой и новой силой меня восхищает её неутомимость, её бескорыстная забота о своих товарищах.

Я очень благодарна судьбе, что познакомилась с такими интересными людьми, как председатель ОО «БАБНУФ» Н.А. Лыч, член редколлегии газеты малолетних узников «Судьба» Л.В. Пунинская, узницы Равенсбрюка В.М.Макарова, Г.П. Рейлян и др.

...Освенцим и Маутхаузен, Майданек и Треблинка, Заксенхаузен и Равенсбрюк, Бухенвальд - в эти и другие концлагеря нацистами в годы войны было брошено 18 миллионов человек из всех стран Европы; из них 11 миллионов, невинных и безоружных людей , в том числе женщин , стариков и детей, было замучено и убито за колючей проволокой.

Голод и изнурительный каторжный труд, жестокие пытки и издевательство, утончённый садизм и глумление над человеческой личностью, гибель родных и близких, утерянный родительский кров, страдания и болезни - вот что досталось этим людям в фашистских концлагерях вместо счастливого детства. А ведь и после возвращения на родину их встречали сожжённые и разрушенные города, холод и голод. Но это люди -сильные духом! Они боролись за жизнь, старались выжить, выстоять. Они сплачивали свои силы там, всячески помогая друг другу, показывая примеры взаимной выручки, мужества и стойкости. Вернувшись на родину, они со всей самоотверженностью, приступили к восстановлению столицы и её промышленности , не жалея сил и здоровья .

Из тысяч и тысяч погибших их осталась малая горстка - живых свидетелей кровавых преступлений немецкого фашизма. Все эти люди перенесли неслыханные страдания ежедневно, ежечасно смотрели в глаза смерти. Они должны были умереть, но чудом остались живы. Они победили смерть! Украденные годы их детства не вернуть, но их вера в мир жизни и радости возвращена, а желание оставить мир в спокойствии заставляет их говорить правду о фашизме, о его зверином оскале и ненависти к человечеству. Как непросто возвращать себя в те ужасные времена, открывая вновь и вновь кровоточащие раны на сердце и в душе, но они понимают, что их рассказы о перенесенном ужасном прошлом - это забота о светлом будущем для новых поколений. И сегодня, на многочисленных встречах в школах, гимназиях, на предприятиях и просто в семьях, можно услышать их голоса против войны и насилия. Ибо только готовность жертв рассказать то ужасное, что они пережили, позволит действительно осмыслить последствия преступной бесправной системы..

Уважаемые читатели! Вы держите в своих руках книгу, в которой собраны документальные свидетельства тех, кто стали рядовыми участниками судьбоносных исторических событий и процессов. Эта книга - напоминание человечеству о войне о трагедии белорусского народа, в ней оставшиеся в живых учат, требуют беречь мир и радость, жизнь во благо каждому.

Спасибо Вам за Ваше Мужество тогда, за Ваше Мужество сейчас, вновь переживая в своих воспоминаниях события тех страшных дней, за Вашу неувядаемость сил и стремление к борьбе за мир и справедливость.

Мира и здоровья Вам, оставшимся в живых! Долгих лет жизни!

Савич Г.Г., главный врач учреждения здравоохранения «11-я городская поликлиника»

Раздел 1. Беларусь в годы германской оккупации 1941–1944 г.

Козак К.И.

Германский оккупационный режим в Беларуси: путь в неволю, массовое принуждение и убийство, борьба за жизнь и выживание

1. Образ принуждения и неволи в историографии и документах

1.1 Немецкая и зарубежная историография. Функционирование концентрационных лагерей в годы Второй мировой войны, в частности на территории Беларуси, в белорусской историографии данный вопрос является малоисследованным. Тем не менеее заметны исследования немецких историков. В общем плане, их представление обозначено тем, что только война являлась той предпосылкой, которая делала возможным осуществление расистских целей политики Гитлера: физическое уничтожение, децимацию и превращение стоящих на пути «расы господ» народов и групп населения в рабов. Таким образом, в основе трех главных направлений деятельности вооруженных сил Германии на восточном направлении они выделяют политику геноцида по отношению к населению. В виде отдельных ее аспектов это:

1. Руководство немецкого рейха планировало войну против СССР с целью политического господства, идеологического расового геноцида в отношении советского населения;
2. Проведение войны предусматривалось задолго до нападения путем разработки преступных приказов и их осуществления в отношении к комиссарам и коммунистической интеллигенции;
3. Одна из составных частей расовой и идеологической войны на уничтожение против Советского Союза была идея массового убийства советских евреев;
4. Отдельные намерения приобрело массовое убийство советских военнопленных.

Таким образом, разрушительность германской политики на востоке, направленной на уничтожение в большинстве своем занимала военных историков. Тем не менее в мозаике панорамности военный план действий был выдвинут на первый план. В аспектах военных действий и фронтовой повседневности был обозначен самый высокий уровень потерь солдат попавших в плен. Среди сторон положение советских военнопленных выделялось своей трагичностью. Однако лишь в 1960-е годы в контексте новых направлений - социальный аспект больше всего стал занимать историков. Среди таковых, судьба советских военнопленных, оказавшихся в

немецких руках, оставалась в основном малоисследованной до конца 70-х годов. Лишь после выхода книги немецкого историка **Штрайта** «Они нам не товарищи» несколько изменилось отношение к вопросам использования труда советских военнопленных. В результате полученных результатов немецкими историками были определены пять причин их массовой гибели: голод, бытовые условия, перемещение, бесчеловечное обращение, и, наконец, уничтожение определенных групп и категорий пленных. Практически, согласно политической программе военнопленные должны были стать первыми жертвами нацистов, и они ими стали. Далее их жизнь была необходимой для поддержания "морали" немецкого населения. Ведь политическое и военное руководство действовали воедино по принципу, что жестокость на Востоке – это благо для будущего в мировоззренческой войне. Не удивительно, что в короткий срок вся территория Германии превратилась в лагерь для уничтожения. И первыми жертвами насилия стали военные и гражданские лица, представляющие, по мнению германского политического руководства, советскую власть. Массовому уничтожению подвергались евреи, цыгане, интеллигенция. Славянским народам предстоял выбор тотальной чистки и принудительного труда в интересах Германии. Не менее важным стало утверждение, что наряду с другими службами и формированиями полную ответственность несет вермахт. В данном свою положительную роль сыграли исследовательские разработки многочисленных лагерей на территории Германии. Там наряду с военнопленными были предсталены и другие группы: депортированные из стран Европы многочисленные группы населения работоспособного возраста, а также женщины, дети. Тем не менее, в совокупности обобщений немецкие историки смогли представить характер принудительного труда после значимого исследования У. **Герберта** “Иностранные рабочие. Политика и практика использования труда иностранных рабочих в военной экономике Третьего рейха”. Ряд отдельных исследовательских направлений был представлен формами и методами эксплуатации как военнопленных, так и депортированного населения на уровне отдельных регионов или значимых промышленных преприятий. Таким образом были определены ключевые в понятийном характере положения. На первый план вышли проблемы принудительного труда около 3 млн. граждан СССР. Более того, для большинства гражданам ими оккупированных территорий уже в начальный период предписывался в качестве всеобщей обязанности принудительный труд. А для удовлетворения потребности в рабочих руках вербовка на основе добровольности была заменена практикой вывоза с помощью военных сил. На заключительном этапе оккупации 1943–1944 гг. население прифронтовой зоны в принудительном порядке стало привлекаться к строительству оборонных сооружений. Лишая резерва

Красной Армии они подлежали эвакуации. Что касается безработного городского населения оккупированных районов, оно считалось обременительным военным трофеем, балластом, от которого необходимо было по возможности избавляться. Неудивительно, что обрекая на голодную смерть или просто расстреливая наиболее ценную часть своей добычи, многомиллионную армию военнопленных, на их же родине, а во время транспортировки их по деревням и городам − прямо на глазах у местного населения, немцы тем самым показывали, столь мало они ценят человека и его рабочую силу.

К дополнительным факторам такого положения можно назвать перспективу ведения Германией Второй мировой войны при условии, если на третьем ее году продовольственное снабжение вермахта в целом будет полностью обеспечиваться за счет России (т.е. СССР − *К.К.*). Таким образом принудительный труд германскими оккупационными органами осуществлялся в рамках двух больших групп. Среди таковых, неконтролируемое использование труда местного населения формированиями вермахта, далее, убийство ослабленных, женщин и детей во время транспортировки на принудительные работы в Германию, и , что не менее важно, типологизация лагерей принудительного содержания на территории СССР, остаются малоизученными и не введены в научный оборот.

В представлении характеристик массового принуждения и насилия над населением Беларуси некоторые данные представлены примерами в работах немецких историков. Так, Бернхард **Къяри** представил состояние воспитанников детских домов на территории Беларуси как нищенское и беззащитное, а Кристиан **Герлах** – действия против детей как целенаправленные военные действия по их уничтожению. Такие подтверждения можно найти и в работе Гизелы **Шварц**, которая представила материал о судьбах и отношении к детям депортированных вместе с родителями в лагеря и места принудительного содержания. Организационные и оперативные задачи военных и полицейский формирований по содержанию и уничтожению евреев, узников гетто, лагерей и мест принудительного содержания на территории Беларуси представил в обстоятельном документированном материале Вольфганг **Курилло**.

В публицистических изданиях ряда белоруско-немецких проектов были опубликованы записанные рассказы или интервью свидетелей принудительного содержания как на территории Германии, так и на территории Беларуси. Так, молодежная группа «Кураге» представила 15 материалов из истории концлагерей, принудительных рабочих. Доктор Анке **Янсен** из Регенсбурга составила коллективный портрет бывших

белорусских узников. Это помогло ей в ходе осуществления проекта «Мосты памяти» представить два издания книги с воспоминаниями бывших узников и принудительных рабочих Советского района г. Минска.

Особую значимость о положении различных категорий военнопленных, в том числе и на примерах Беларуси, имеет работа израильского историка Арона **Шнеера**. Специальное исследование **Чистовых** нетрадиционных источников, как письма, открытки, охватывает и белорусских остарбайтеров. Познавательный материал о принудительных рабочих в Австрии представлен австрийскими историками или же в Норвегии, включая депортированных из Беларуси, местными историками. Некоторые фрагменты взаимодействия военных и коллаборационистких структур при организации лагерей и принудительного труда на территории Беларуси показаны и в монографии молодого американского историка Мартина **Дина**.

Что касается советских, а затем российских и украинских историков, то пожалуй, наиболее значимые работы из них появляются уже в постсоветское время. О принудительных рабочих даны материалы Павла **Поляна**, В.И. **Андриянова**.

1.2 Белорусская историография: этапы и характеристики. Представляется правильным, пускай и схематичным, рассмотрение данной проблемы на основе сложившегося в послевоенное время представления о войне в рамках двух периодов.

Первый − со времени начала Второй мировой войны 1939 г. до преобразующих процессов в области национальной государственной идеологии 1990 г. Так на первом этапе публикации представлены прежде всего официальными органами, их уполномоченными лицами или авторскими коллективами − о преступном отношении германских органов власти к населению на оккупированной территории, особенно к бывшим военнослужащим Красной Армии. При этом, понятие плена было представлено в широком контексте понимания. В 3-м разделе «Установление рабско-крепостнического режима в оккупированных районах СССР и увод гражданского населения в «плен», принудительный труд сравним с пленом, поэтому к указанной категории военнопленных были соотнесены и гражданские лица. Что касается концлагерей, то в опубликованном в 1944 г. в сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии по г. Минску указано около 80 тыс. захороненных по шталагу № 352. На основе массовых потерь населения Беларуси уже по окончании войны был подготовлен 14-й выпуск сборника «Зверства немецко-фашистских захватчиков». Еще один тематической вид составили изданные материалы судебных процессов. Так на примере одного из них, который

состоялся в 1946 г. в Минске, были представлены фрагментарные материалы о лагерях в Минске, Полоцке, Гродно (Колбасино, Лососно, Кульбакино, Фалюто). Наиболее полное трехтомное научное исследование "Всенародная борьба в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» традиционно представляло тему концлагерей и мест принудительного содержания. В четвертой главе первого тома есть упоминания о существовании дулагов, шталагов, офлагов. Первое упоминание о суровой действительности июня – июля 1941 г. представлено на примере лагеря Дрозды, шталага № 352 вблизи д. Масюковщина, а также Бобруйска и Орши. Во втором томе указывается 206 тыс. уничтоженных в лагере смерти Тростенец. В третьем томе отмечено использование военнопленных в качестве рабочей силы, где самым крупным поставщиком был лагерь № 352. Он в одном только Минске имел свыше 20 филиалов и около 199 филиалов и отделений на железных станциях. Итоговым показателем преступной деятельности германских войск в Беларуси, независимо от их принадлежности (вермахт или полиция безопасности и СД), указано на существование 260 лагерей смерти, их филиалов и отделений, а в их числе Тростенец – третий* (206,5 тыс. чел., после Освенцима и Майданека) по числу уничтоженного населения.

Второй – в рамках нового этапа европейской исторической мысли и государственности Беларуси вне рамок СССР (1990–2009 гг.). Логическим продолжением в разработке и оптимизации темы стала кандидатская диссертация М.Я. **Савоняко** "Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. Автору удалось определить, что на территории Беларуси функционировали 7 армейских сборных пунктов военнопленных, дислоцирующихся в 23 населенных пунктах, 15 дулагов (33 населенных пункта), 16 шталагов, 1 офлаг, 95 отделений лагерей военнопленных на железнодорожных станциях, а также рабочие команды военнопленных на объектах труда. К выводам молодой исследовательницы можно отнести следующее: уже в начале 1941 г. верховное командование вермахта своими решениями предусматривало массовое уничтожение советских воинов, оказавшихся в плену. Анализ организационной подготовки обращения с советскими военнопленными особенно зимой 1941–1942 гг. явилось не следствием ошибок военного планирования, а проводимой сознательно и последовательно нацистской политики. По представленным материалам она определяет и количество погибших 1,4 млн гражданского населения, из них около 700 тыс. в лагерях. Еще одним диссертационным исследованием молодого историка Е.А. **Гребеня** в научной сфере была комплексно обозначена проблема принудительного труда населения Беларуси.

В ряду исследователей некоторых проблемных вопросов А.Г. **Ванькевич** одна из первых актуализирует внимание на лагере смерти Тростенец. В небольшой работе Б.П. **Шермана** "...И ужаснулась земля" имеется подробное описание леснянского лагеря военнопленных около Баранович. Одновременно с этим достаточно информативна книга Аркадия **Шкурана** и Михаила **Синькевича,** где история лагеря смерти Озаричи представлена многочисленными документальными материалами вермахта. Общие историографические формы о методах и формах принуждения и уничтожения населения в рамках германского оккупационного режима в Беларуси даны в статьях Кузьмы **Козака**.

С началом разработки военной евристики с 1990-х годов в историографии явилась разработка мест содержания и уничожения евреев в гетто в работах Э.Г. **Иоффе**, Е.С. **Розенблата**, М.Б. **Ботвинника**, Б.П. **Шермана**, И.Е. **Еленской**, Р.А. **Черноглазовой**, К.И. **Козака** и др.

Значимыми для осмысления истории Холокоста в Беларуси стали издания белорусских эмигрантов в США, Израиле, Германии. Наряду с этим воспоминания непосредственных свидетелей трагедии не только детализируют, но и определяют дискурс от информационности к аналитическому восприятию проблемы. Они представляют разный исследовательский и научный уровень, но помогают шире представить формы борьбы и выживания. Таков материал Алекс **Файтельсона** о побеге 25 декабря 1943 г. 64 узников из 9-го форта (Каунасского лагеря смети). Для многих из них характерно повторение с наращиванием информационного материала. Краткие форматы при их повторенни могут быть отражены в биографических повествованиях. К примеру, материалы Гени **Завольнер**, Майи **Крапиной**, Фриды **Рейзман** и др. В большинстве же случаев в пуликациях заметно наращивание информацинного ряда с некоторыми изменениями. К примеру, такова история жительницы д. Семигостичи (Столин. р-н) Марии ***Литвиной***. Повление новых материалов происходит не так часто. Однако в немалой степени такому способствуют публикации в рамках образовательных проектов. Так, в одном из таких сборников, подготовленных Международным общественным объединением "Адукацыя без межаў", собрано 19 воспоминаний, из которых 9 публикуются впервые. Они, как правило, сопровождаются обобщающими редакторскими статьями. Такого рода отдельные материалы издаются в рамках исследовательских проектов за рубежом.

Еще одним направлением стало совместное осмысление историками и непосредственными свидетелями трагических последствий своего прошлого. Так, в книге «Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси» представлен краткий очерк по истории нацистского порабощения белорусского народа, депортации населения в лагерь смерти

Освенцим – как одно из характерных мест массового уничтожения. Представлено 155 воспоминаний бывших узников лагеря, систематизировано более 300 фотодокументальных материалов, представляя собой ранее неизвестную личностную информацию. Материалы и воспоминания бывших узников Освенцима имеют место в других новейших изданиях. По нашим подсчетам в белорусской историографии насчитывается не менее 242 наименований публикаций непосредственных свидетелей преступлений нацистов в годы Второй мировой войны.

Документально-источниковедческий ресурс. На основе известных материалов идет информационное углубление понимания проблемы принудительного содержания как на территории Беларуси, так и в странах третьего рейха. В большей степени этому послужило издание 146-томной историко-документальной Хроники Память. Практически с середины 1980-х годов оно могло выполнить роль главного собирателя документального материала и разработчика проблемы. Однако анализ представленных там материалов показывает их невысокий научный уровень, но при значительной краеведческой содержательности. В рубриках "Рассказы очевидцев", "Дакументы сведчаць" представлены материалы бывших узников и комиссий по расследованию преступлений германских оккупантов. Они в различной степени и фрагментарно характеризуют структуру организации, положение военнопленных, событийность и статистику. Среди таких мест областные и районные города Гомель, Гродно, Орша, Жодино и др. Среди других изданий обобщенный материал по истории принудительного труда, по отдельным лагерям содержания и принуждения содержится в энциклопедическом издании "Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне", "Энцыклапедыя гісторыі Беларусі", "Беларуская энцыклапедыя".

Как тенденция несколько активизировано направление литературного представления свидетельских признаний бывших узников лагерей в Германии, Австрии, Франции, Финляндии и др..

Справочные издания. Наиболее значимым результатом работы по определению статуса узников является издание сотрудниками архивной службы во главе с руководителем Государственного комитета по архивам и делопроизводству В.И. **Адамушко** справочника о местах уничтожения, принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси. Дополнительная информация имеется и в путеводителе "Документы по истории Великой Отечественной войны", однако отсутствие тематического направления по данной проблеме не позволило выделить документы по данной теме ее из его общего контекста.

Полезным является и справочное издание о лагерях советских военнопленных, которое содержит систематизированные сведения о лагерях на территории Беларуси. Вызывает только сожаление, что данный материал не носит характер завершенного научного издания и требует доработки и значительного расширения. Однако попытки дальнейшего продвижения темы уже заметы. К ним относится прежде всего сборник документов и материалов об одном из крупнейших лагерей периода Второй мировой войны – лагере смерти Озаричи, Тростенце, Шталаге 352.

К внутренним аспектам научного исследовательского плана следует отнести вопросы: Анализ зарубежной, советской, белорусской историографии; Источниковедческие аспекты; Правовые основы и их практическое осуществление; Классификация лагерей и категорий заключенных; Особенности функционирования лагерей на территории Беларуси и Западной Европы; Методы и формы уничтожения; Персоналии: преступники и их жертвы; Состав потерь; Охрана лагерей; Организация питания, медицинского обслуживания; Методы и формы пропаганды; Использование военнопленных в германских антисоветских формированиях; Внутренняя и внешняя помощь; Сопротивление в лагерях; Советский плен после германского плена (об истории 500 тыс. бывших военнопленных осужденных советскими судами).

Что касается документального материала, то, к сожалению, госархивы Беларуси не располагают списками лиц, содержавшихся в лагерях на оккупированной территории Беларуси.

1.3 Нетрадиционные представления об истории выживания

Начало исследованию темы принудительного труда в Беларуси было положено оригинальным изданием трех узниц Освенцима Надежды **Цветковой**, Зинаиды **Лишаковой** и Анны **Тринда**. Однако этот почин не был поддержан историками. Лишь некоторыми любителями истории в ходе кропотливой работы были собраны, а затем изданы материалы с воспоминаниями, в том числе и по Беларуси. Одним из таковых стал украинский представитель Владимир **Литвинов**. Другим представителем является российский собиратель Леонид **Аникеев**. В книге «Тайна фашистских концлагерей» им представлено 64 воспоминания. Лишь с выходом в 2009 и 2010 гг. двух книг «Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси», где представлено более 220 воспоминаний, можно определить началом исследовательского этапа по истории белорусских узников в лагерях смерти.

Одним из первых о Холокосте рассказал бывший узник Минского гетто Гирш **Смоляр**. Его книга «Мстители гетто» вышла в 1947 году. Однако начинание не было поддержано историками. Лишь с 1990-х непосредственными участниками трагического прошлого - узниками концентрационных лагерей, гетто представлена большая часть материалов с воспоминаниями. Это в большей части относиться к свидетельствам по истории Холокоста. Среди таковых авторские воспоминания бывшей узницы Минского гетто Галины **Давыдовой**, испытавшей принудительный труд в Германии и Франции, Михаила **Трейстера** - о заточении в Минском гетто, концлагере на улице Широкой, а также немало числа свидетельств нацистского отношения к еврейскому населению.

Не историк, но жертва финских концлагерей Николай **Денисевич** впервые на основе личных переживаний и собранных документов из архивов Петрозаводска и Подольска поведал о белорусских семьях, которые накануне войны в 1940 г., следуя призыву, переехали на новое местожительства в Карело-Финскую ССР. Так как это территория была получена в ходе советско-финской войны, то переселенцы уже с момента оккупации от финских властей получали особый статус − за проволокой Хепосуо. К сожалению, пока тема не получила дальнейшего развития, но гражданский долг о сохранении памяти о еще одном типе финских лагерей, бывший узник в своем повествовании выполнил.

Детализируют немало положений о состоянии женщин в местах заключения собранные материалы Ольги **Нехай** о тюрьмах, концлагерях и местах принудительного содержания в Беларуси и Германии.

Отдельное направление имеют работы по сбору и обработке собранных материалов среди бывших принудительных рабочих. Так, несколько выпусков книг «Пуховщина помнит… Воспоминания о войне» было издано при помощи краеведа, бывшего малолетнего узника Николая **Гурина**. Вызывает интерес и работа бывшей принудительной рабочей в Австрии Натальи **Поляковой**. Подробное биографическое описание пути от д. Черкас Дзержинского района до Северной Вестфалии Михаила **Грибова** представлено некоторыми характеристиками о принудительном труде в Германии. В ряду таких повествование бывшей малолетней узницы Марии **Жуковой** вне Минского гетто - в городском детском доме, где боролись за спасение, в том числе и детей еврейской национальности. Около 60 воспоминаний о принудительном содержании задокументировано в двух изданиях книги «Война и украденные годы: живые свидетельства Беларуси». В итоге данный формат свидетельских представлений обозначен как наиболее перспективный в работах историков и бывших жертв.

В основном такую тему время от времени поддерживали на страницах периодической печати немалое число публицистов и журналистов. В основе таких представлений наибольшее значение имеют не только информационные характеристики, но и социальный характер труда, депортаций и репатриаций, уровни потерь, включая период адаптации послевоенного времени.

2. Оккупационный режим в Беларуси и характеристики оккупированного населения

2.1 Влияние военного фактора на состояние гражданского общества. После прохождения фронтовых частей на территории Беларуси в июне-июле 1941 г. осели многочисленные специальные службы и ведомства вермахта, а также СС, Абвера, служба полиции безопасности и СД, жандармерии, тайной полевой полиции и др. Положение граждан зависело от установленных ими жестких правил и норм поведения. Комендантский час, посты, патрули, всевозможные запреты при передвижениях и обязательность выполнения приказов и директив стадии нормой и повседневностью.

Проведенный подсчет позволяет определить, что на территории Беларуси постоянно или временно базировался более чем полумиллионный состав различных германских служб. В том числе 180 тыс. полицейских, где 120 тыс. представляла местная вспомогательная полиция. В определенной мере оказывали помощь германским оккупационным органам и представители различных антисоветских формирований. Коллаборация с учетом восточных и кавказских батальонов, полиции порядка и полицейских (украинских, литовских, белорусских и т.д.) батальонов, формирований БСА и БКО составила более 130 тыс. человек. Кроме военных действовали и гражданские оккупационные органы. В них насчитывалось более 10 тыс. человек, а в военно-экономических службах и осуществляемых ими мероприятиях привлекалось еще около 50 тыс. Для примера, в Минске действовало не менее 30 таких структур с составом близким к 10 % от общего количества жителей города. В основе их управления жесткое единоначалие по принципу фюрерства. Даже низовым звеньям было дано бесконтрольное право выполнения директив по массовому уничтожению, привлечению населения для выполнения военно-экономических мероприятий.

На первом этапе взаимоотношений оккупационных органов и населения военные подразделения были заняты ликвидацией сопротивления остатков воинских подразделений Красной Армии, групп, оказавшихся в окружении. Практически одновременно часть из них была

занята организацией лагерей для перемещенных в качестве пленных. Такая форма деятельности не была новой, а основывалась на ее традиционных способах организации. Ведь на территории Европы действовало для принудительного содержания военнопленных и части гражданского населения около 10 тыс. лагерей различных типов. И для их обслуживания был задействован колоссальный штат. Лагеря в немалой степени послужили основой для комплектования добровольческих формирований или некоторых вспомогательных структур. Доведенные до безумия, многие узники шли на сотрудничество, видя в этом возможность выжить. Поэтому в немалой степени германские органы власти стремились как можно больше населения загнать в лагеря смерти, трудовые, пересыльные и другие типы мест временного содержания населения.

Общие принципы применения „предохранительного ареста". Общие принципы применения „предохранительного ареста" были уточнены в распоряжении министерства внутренних дел от 25 января 1938 г., в котором говорится, что „*тайная полиция вынуждена прибегать к временному аресту как к средству защиты от всех враждебных намерений по отношению к народу и государству*", применяемому в отношении лиц, „поведение которых представляет угрозу для имущественного состояния и безопасности народа и государства". Для лиц, в отношении которых применялся „*предохранительный арест*", были предусмотрены концентрационные лагеря. Следует отметить, что „*предохранительный арест*" в сущности не был ограничен каким-либо сроком (правда, в распоряжении говорилось об освобождении, но оно могло иметь место лишь тогда, когда „*средство достигнет поставленной цели*". Эта формулировка, не уточняя условий освобождения, позволяла задерживать заключенных на неограниченный срок). В последующие годы в вышеуказанное распоряжение вводился ряд поправок, которые упрощали процедуру применения „*предохранительного ареста*", в особенности в отношении поляков и граждан других завоеванных стран. В качестве примера можно привести распоряжение РСХА от 27 августа 1941 г. (изданное в связи с нападением на СССР), в котором было приказано воздержаться от любого рода освобождений из лагеря и рекомендовалось, на основании приказа **Гиммлера** „*…всех политиков-поджигателей, враждебно настроенных чехов и поляков, коммунистов и прочую шваль держать в лагере в течение длительного периода*". С другой стороны, в распоряжении от 9 мая 1944 г. крайне упрощалась процедура обращения с заключенными, привозимыми из восточных районов общими транспортами, так как регистрация этих заключенных производилась лишь в концентрационных лагерях.

В распоряжении от 12 декабря 1941 г. говорится: „*В воспитательные трудовые лагеря следует направлять лишь тех, кто увиливает от работы, нарушает договор и не желает трудиться и чье поведение равнозначно саботажу или попирает нормы труда, то есть тех, кого на этом основании обязана задержать полиция*". Это распоряжение было направлено против тысяч рабочих, принуждаемых к рабскому труду в немецкой военной промышленности. На основании вышеупомянутых распоряжений уже с июля 1941 г. местные отделения полиции приступили к отправке в концлагерь Аушвиц „*заключенных в целях воспитания" на временное „воспитательное*" пребывание (до 56 дней), по истечении которого их освобождали. В концлагере Аушвиц погибло свыше десяти процентов лиц, направленных „на воспитание" (мужчин и женщин).

На основании приказа от 7 декабря 1941 г., изданного **Гитлером** и главнокомандующим немецких вооруженных сил и подписанного Вильгельмом **Кейтелем**, в освенцимский лагерь с 1942 г. направлялись заключенные под условным названием „мрак и туман" («нахт унд небель"). Приказ гласил: „*С самого начала русской кампании коммунистические элементы и прочие антинемецкие группировки усилили деятельность против Германии и оккупационных сил на оккупированных территориях (...). Отсюда необходимость как можно строже наказывать этих преступников. Если преступник не является немцем, существует лишь единственная мера наказания - смерть*".

Правовое обеспечение убийства. Таким образом, становление оккупационного режима осуществлялось германским органами в ходе административно-правовой политики по выявлению и изоляция прежде всего бывших военнослужащих, евреев, цыган и др. Требование о выполнении приказа о комиссарах по уничтожению носителей вражеской идеологии для этого соединило в себе как политические, так и военные методы и средства. Приказ 24 июля 1941 г., который был подписан генерал-квартирмейстером **Вагнером** и требовал «отбора» и ликвидации «политически нежелательных и подозрительных элементов, комиссаров и подстрекателей», предписывал только, что «азиатов в зависимости от их расовой принадлежности), евреев и говорящих по-немецки русских» не вывозили на территорию рейха, а использовали на работах в прифронтовой зоне».

Среди всех категорий отдельную и наиболее массовую группу составляли лица еврейской национальности. Они вносились в отдельные списки и подлежали отдельному проживанию. Практически основными

нормативными актами рейхскомиссариата Остланд по решению еврейского вопроса являлись от 27.08, 25.09, 1.11.42; 17.03, 22.03, 15.06.43 и др. Так, 27 августа 1942 г. было определено, что гетто это политическое мероприятие и входит в сферу вопросов отдела политики. К вопросам администрации отнесены: создание и содержание гетто, сохранение рабочей силы евреев, эксплуатация сооружений; обслуживание безопасности – задача СС и полиции. Наряду с этим, обеспечением недвижимого имущества должна заниматься администрация гетто. Характерным для германской стороны является отнесение к предметам движимого имущества «*использование рабочей силы евреев, считающейся захваченным имуществом*».

Заложники. В приказах по действующей армии от 12 сентября 1941 г. первым пунктом указывалось: "*Кто предоставит красноармейцу или партизану убежище, даст ему пищу или поддержать его как-нибудь иначе, например, передачей сведений, — будет наказан страшной казнью через повешение*". В таком отношении, прятавшиеся или нашедшие укрытие в семьях, бывшие красноармейцы вынуждены были отреагировать на такия заявления послушанием. Так по свидетельству местных жителей Осиповичского района еще осенью 1941 г. в деревнях было много бывших казаков из окруженцев. Их оккупационые власти вызывали в Осиповичи якобы для постановки на учет и направляли в лагеря для военнопленных.

Провокационные меры. Для проверки на лояльность оккупационным органам достаточно часто предпринимались провокационные действия в отношении граждан. Так, 5 февраля 1943 г. на паровозовагонном заводе г.Гомеля с помощью провокатора СД была произведена запись желающих оказать помощь Красной Армии. Вследствие около 200 человек были арестованы, затем отправлены в тюрьму, где подверглись пыткам. 23 февраля 1943 г. они были расстреляны. Практически только на данном заводе по разным причинам в ходе войны было уничтожено около 300 человек.

Саботажники. При таком положении сторон практически каждый из местных жителей как, потенциальный участник партизанского или подпольного движения попадал под позрение германских карательных служб. Например, только уголовный отдел местной полиции Витебска арестовал по подозрению в антигерманской деятельности около 750 человек. В феврале 1942 г. полевой жандармерией города арестовано и передано в Абвер 953 человека. И это лишь часть состоявших на учете. При уличных облавах задержано 87 человек без достаточно правильно оформленных документов. Было проведено 14 облав, где в 4 полицейских участках арестовано 166 человек.

Уже 27 июля 1941 г. германским командованием было определено, что по причине систематических актов саботажа со стороны гражданского населения против немецких военных властей (поврежден кабель связи) расстреляно 100 мужчин. При этом в дальнейшем за каждый акт саботажа, виновные которого не будут выявлены, будет расстреляно по 50 мужчин. Широкое распространение такая практика приобретает после приказа о заложниках от **16 сентября** 1941 г. Германским командованием было установлено, что если виновные не будут обнаружены, то в назидание другим из населения будут взяты заложники. При повторении акта саботажа количество заложников удваивается. Введена система, где "*искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить, в общем и целом, смертная казнь 50-100 коммунистов*". Определенной формой массового истребления населения служила система двойной ответственности и искупления, когда 20 сентября 1941 г. на территории ГКБ комендант Беларуси и командующий вермахтом "Остланд" ввел комендантский час. При этом вследствие нарастающей деятельности антифашистского сопротивления оккупационные органы использовали подобную практику в достаточно широких масштабах. При этом действительного установления германскими органами вины заложников не существовало. Данное правило применялось и после отдельных террористических актов по отношению к представителям германских органов. В особенности, если это относилось к руководителям военных или гражданских органов.

Сопровождение обозов, разминирование дорог. Оккупационные органы использовали население и для безопасности своих подразделений. Особенно при сопровождении обозов, выполнении ремонтных и полевых работ и при формировании головных вагонов, автомашин как наиболее вероятных объектов нападения партизан. Например, с 10 февраля 1944 г. после подписания специального распоряжения К. **Готтбергом** "Об охране и разминировании населением шоссейных и железнодорожных дорог" говорилось: "*Жители населенных пунктов Беларуси несут ответственность за безопасность путей сообщения, грунтовых дорог, шоссе, железных дорог...*". Этим же решением предписывалось всех жителей близлежащих деревень закрепить за определенными участками дорог. На них возлагалась ответственность за безопасность движения на данных участках. В этих условиях для разминирования местных жителей обычно заставляли впрягаться в бороны и тянуть их по дороге. В итоге только в районе Бобруйска на минах взорвалось свыше 100 человек. А всего тысячи заложников оккупационной системы стали жертвами.

Облавы. Повсеместно в районе рынка или другой части города для проверки проводились облавы. Задержанных отправляли на рытье окопов или насильственно увозили на каторжные работы в Германию. При этом проверкой документов занимались не только постовые и полицейские, но и военнослужащие, в т.ч. находящиеся на отдыхе. Так, военнослужащими 3-й танковой армии стали практиковаться т.н. "контрольные дни". При уличных облавах города Витебска в феврале 1943 г. задержано 87 человек без достаточно правильно оформленных документов. Было проведено 14 облав, где в 4 полицейских участках арестовано 166 человек. В такие дни, а особенно в период мобилизаций, как, например, в Пинской области с 19 мая 1943 г. к местам расположения гарнизонов и коммуникаций были выдвинуты отряды и бригады.

Процесс колонизации. В сфере взаимоотношений гражданской администрации их влияние на все стороны жизни горожан было весьма ощутимо. Они строго следовали решениям и директивам высшего политического руководства. К примеру, на первом этапе оккупационной политики, исходя из замечаний и предложений **Ветцеля** по генеральному плану "Ост" о колонизации и ликвидации белорусов, с появлением директивы "*...представляется крайне необходимым по возможности тщательнее отобрать белорусов нордического типа, пригодных для онемечения, и отправить их в империю с целью использования их в качестве рабочей силы...*

...Следует исходить из того, что белорусы являются наиболее безобидным и поэтому самым безопасным для нас народом из всех народов восточных областей. Даже тех белорусов, которых мы не можем по расовым соображениям оставить на территории, предназначенной для колонизации нашим народом, мы можем в большей степени, чем представителей других народов восточных областей, использовать в своих интересах".

Для осуществления всеобщей трудовой повинности населения Беларуси в возрасте от 18 до 45 лет распоряжением руководителя Министерства военных оккупированных территорий Альфреда **Розенберга** от 5 августа 1941 г. были созданы биржи труда. Они выполняли функции подсчета и распределения рабочих лиц, а также осуществляли вербовку рабочих в Германию и участвовали в организации многочисленных работ в Беларуси. Однако, по убеждению руководства, на успех в мобилизации следует рассчитывать только при усиленной охране мобилизованной рабочей силы полицейскими или силами вермахта при конвоировании и транспортировке, т.к. без таких сил большая часть генерального округа недоступна для немецких властей. Кроме того, в последние месяцы вербовка рабочей силы на добровольных началах оказалась бесполезна. Поэтому она может проводиться только в принудительном порядке. Вскоре

уже с середины 1942 г. включение других насущных потребностей для армии и самой Германии изменили положение в отношении населения Беларуси.

2.2. Места принудительного содержания населения

На первом этапе взаимоотношений оккупационных органов и населения военные подразделения были заняты ликвидацией сопротивления остатков воинских подразделений Красной Армии, групп, оказавшихся в окружении. Практически одновременно часть из них была занята организацией лагерей для перемещенных в качестве пленных. Такая форма деятельности не была новой, а основывалась на ее традиционных способах организации. Ведь на территории Европы действовало для принудительного содержания военнопленных и части гражданского населения около 10 тыс. лагерей различных типов. И для их обслуживания был задействован колоссальный штат. Лагеря в немалой степени послужили основой для комплектования добровольческих формирований или некоторых вспомогательных структур. Доведенные до безумия, многие узники шли на сотрудничество, видя в этом возможность выжить. Поэтому в немалой степени германские органы власти стремились как можно больше населения загнать в лагеря смерти, трудовые, пересыльные и другие типы мест временного содержания населения.

Что касается Беларуси, то на ее территории действовало **166** гетто, **68** тюрем и **191** лагерь. Всего 425 мест принудительного содержания. Основную категорию составили военнопленные, но под их видом в лагеря попадало и немалое количество гражданских лиц. Так, в приказе 52-й дивизии от 24 сентября 1941 г. было записано, что всех местных жителей в возрасте, пригодном для военной службы, в обязательном порядке необходимо переоформить в пленных. В другом решении уполномоченного по борьбе с партизанским движением в тыловой части группы армий «Центр» приказано: всех лиц, которые встречены в непосредственной близости от района военных действий, рассматривать как пленных…, всех трудоспособных мужчин этих районов в возрасте 16–55 лет считать военнопленными. Таким образом, уже на первом этапе войны к декабрю 1941 г., по немецким данным, попавших в плен военнослужащих Красной Армии было 3,35 млн. человек, в т.ч. в Беларуси как месте концентрации воинских подразделений и наиболее массовых сражений − более 1 млн. военнопленных попало в наспех организованные немецким командованием лагеря (для военнопленных: дулаги, шталаги, офлаги, штрафные, пересылочные и станционные; для гражданского населения: гетто, трудовые, женские, детские; а также на переднем крае обороны).

Один из первых лагерей для военнопленных и гражданского населения

в возрасте от 15 до 60 лет по распоряжению командующего 4-й ПА генерала-фельдмаршала **Клюге** был создан недалеко от Минска в Дроздах. К этому времени на территории западных областей Беларуси существовало 2 армейских сборных пункта (Береза-Картузска, Бобровники) и 6 дулагов (Волковыск, Молодечно, Лида, Слоним, Липово, Гродно). В восточной части Беларуси на 12 июля 1941 г. практически действовало 7 дулагов (125-й Полоцк, 131-й Бобруйск, 185-й Могилев, 203-й Кричев, 220-й Гомель), 4 шталага (IV NH Борисов, 313 Витебск, 341 Могилев, 353 Орша) и один офлаг XXIA Бобруйск). В них, как правило, практически не имелось средств для нормального существования: отсутствовало питание, одежда, необходимые жилые и хозяйственные сооружения. Так, ознакомившись с положением военнослужащих в лагерях Молодечно, когда 20 тыс. солдат в тифозном лагере были обречены на смерть, начальник штаба сухопутных войск Германии Ф. **Гальдер** 13 ноября 1941 г., несмотря на жуткое впечатление от увиденного, счел невозможным принять какие-либо меры помощи. Даже принятое ранее решение командующего вермахтом "Остланд" об освобождении белорусских военнопленных было прекращено приказом от 1 декабря 1941 г.

Таким образом, на территории Беларуси действовало 7 армейских сборных пунктов военнопленных, дислоцировавшихся в 23 населенных пунктах, 15 дулагов в 33 населенных пунктах, 16 шталагов, 1 офлаг, 95 отделений лагерей, в основном на железнодорожных станциях, а также рабочие команды военнопленных на объектах труда.

Пересыльные лагеря (дулаги) размещались преимущественно в тыловых районах. На период 1941–1942 гг. их насчитывалось 6 (125-й Полоцк, 121-й, 220-й Гомель, 131-й Бобруйск, 203-й Кричев, 240-й Борисов; Стационарные лагеря (шталаги) в Борисове (VI-H) 354-й Боровухе, 34-й Могилеве, 353-й Орше, 337-й Барановичах, 342-й Молодечно, 351-й Глубоком, 352-й Минске, 353-й Гродно. В 1941 г. пересыльные лагеря были сконцентрированы преимущественно в центре и на востоке Беларуси: 3 армейских СП в Слуцке, Борисове, Бобруйске и 9 дулагов (Могилев, Гомель, Витебск, Полоцк, Орша, Боровуха, Борисова и 2 − в Бобруйске). В зоне тыла группы армий «Центр» дулаги существовали до конца 1942 г., что связано с формированием эшелонов для перевозки военнопленных за пределы советской территории.

Учитывая и другие типы мест принудительного содержания за весь период деятельности германских оккупационных органов на территории Беларуси, их насчитывалось 515. В том числе в

- *Брестской* области - 17 лагерей гражданского населения. Из них 3 сборных пункта, 2 лагеря для военнопленных, 27 гетто, 12 тюрем;
- *Витебской* — 40 лагерей для гражданского населения, из них 9

трудовых, 1 хозяйственный, 1 сборный пункт, 11 для военнопленных и гражданского населения, в т.ч. 1 пересыльной, 3 пересылочных, 1 на переднем крае, 35 гетто, 14 тюрем;

- *Гомельской* — 45 лагерей для гражданского населения, из них 3 рабочих, 4 сборных пункта, 1 для военнопленных, 3 на переднем крае, 3 детских, 19 гетто, 12 тюрем;
- *Гродненской* — 7 лагерей для гражданского населения, из них 1 сборный пункт, 2 для военнопленных и гражданского населения, 30 гетто, 5 тюрем;
- *Минской* — 21 лагерь для гражданского населения, из них 1 сборный пункт, 4 для военнопленных и гражданского населения, 1 пересыльной, 1 для отправки молодежи в Германию, 1 детский, 39 гетто, 9 тюрем;
- *Могилевской* — 61 лагерь для гражданского населения, из них, 3 для военнопленных и гражданского населения, 6 пересыльных, 24 рабочих команд, колонн, центральный лагерь СС в Могилеве, 1 на переднем крае, 16 гетто, 16 тюрем.
- *Белостокском округе* − 90 гетто, в которых насчитывалось около 200—250 тыс. евреев.

Гетто − места принудительного содержания, а затем массового уничтожения еврейского населения. Первой ступенью решения еврейского вопроса предстали гетто − места принудительного содержания, а затем массового уничтожения еврейского населения. Как правило, оно осуществлялось по следующим направлениям:

- путем физического уничтожения как комиссаров и как поборников большевизма;
- временной изоляции для использования физической работ при их дальнейшей ликвидации;
- полной и частичной изоляцией в среде гражданского населения, т.к. приказы требовали выдачи их германским властям. Евреям приходилось прятаться и не давать повода для беспокойства даже близким соседям;
- уничтожением доступными средствами с целью завладения имуществом или получения материального вознаграждения.

В каждом из данных направлений имелись свои специфические особенности. Однако их характер сочетал как военные, так и административные методы и был направлен на решение еврейского вопроса. Так, в течение первых двенадцати месяцев операции «Барбаросса» было убито примерно 900 тыс. евреев, из которых 500 тыс. в районе боевых действий армий. Уже в первом административном распоряжении от 7 июля 1941 г. командующий тыловыми армиями группы Центр М. фон **Шенкендроф** среди прочих установил знаки отличия для евреев и евреек.

По прибытии в Минск комендант Беларуси и штаба вермахта в Остланде отметил две важных проблемы: поляки и евреи. Для этого необходимо было в районе Бреста − Минска для евреев создавать гетто. В итоге осенью 1941 г. подразделения 707-я ПД уничтожили более 10 тыс. евреев. Командующий дивизией генерал-майор **Бехтольсхайм** издал 19 октября 1941 г. следующую директиву: «*Евреи − наши смертельные враги. Они − не люди в европейском культурном смысле, а в юности воспитанные преступники, с детства обученные издевательствам. Эти чудовища должны быть уничтожены*». А для практического решения прежде всего из среды нееврейской и некоммунистической интеллигенции за счет руководителей бургомистров городов и районов, деревень (старосты) наблюдалось усиление местного ресурса вертикальной системы управления округами, районами, городскими районами, гминами и деревнями.

В условиях первого этапа оккупации обращают на себя оценки военных властей положения среди населения Минска. Ими определено, что настроение среди населения подавленное, так как многие остались без крова, а продовольственное положение ухудшается. Выводы, в определенной мере схожи с аналогичными при оккупации стран Европы. В этом, по их мнению, виновны евреи, даже «*дома, очевидно, подожжены евреями, так как они должны были освободить для возвращающихся белорусских беженцев*». Далее следует вывод, о том, что ярость населения уже вызвала некоторые акции против евреев, население готово начать погромы.

В то же время, в советской пропаганде практически ничего не говорилось об истинных намерениях нацистского руководства по отношению к евреям на оккупированных территориях. Так, командир одной из спецкоманд, действовавших Беларуси, докладывал 12 июля 1941 г.: «*Бросается в глаза, что евреи плохо информированы о нашем к ним отношении*». Действительно, модель поведения части населения должна была направлена различными политическими и военными ведомствами на якобы сознательное антиеврейское проявление. Им это удавалось осуществить в странах Европы, а также в Польше, Западной Украине, прибалтийских государствах.

Так, первыми частями вермахта на территории оккупированного города Минска был создан лагерь гражданских пленных, в котором было размещено все мужское население. Оно было разделено на две части − еврейское и нееврейское. В докладе начальника СС и полиции бригадефюрера СС фон **Готтберг** о задачи СС и полиции в Беларуси было высказано несколько важных пунктов в деятельности оккупационного порядка «…*Как мы установили, решающим для всех округов является еврейский вопрос. Даже если еврей не является руководителем банды, то он или поставщик сведений, или иной…*»

Учитывая, что задачи по изоляции евреев были определены как одни из главных перед военным командованием, те в свою очередь принимали многочисленные решения на уровне дивизий, военных комендатур и более мелких структур. Уже приказом от 17 июля 1941 г. было определено разделение заключенных лагерей для военнопленных на национальные группы. Не дожидаясь начала работы гражданских оккупационных органов в зоне 281-й ОД решения о создании гетто датировано 30 июля 1941 г. Не вызывает удивления, что именно ведомство вермахта в ГОБ информировало комендатуры о наличии больших групп евреев и цыган.

Комендантом г. Барановичи 28 июня 1941 г. было отдано распоряжение о создании гетто. В то же время, несмотря на то, что Минск был оккупирован одновременно с Барановичами приказ коменданта 812-й полевой комендатуры «Об образовании еврейского жилого района в г.Минске» (гетто) принят 19 июля 1941 г. К 1 августа 1941 г. вся его территория было ограждена. В сентябре по неполным данным там находилось около 55 тыс. Входы в зону установлены по ул. Республиканской (угол Республиканской, Шорной и Островской). В Гродно 1 ноября 1941 г. было организовано два гетто: в старом городе (15 тыс.) и на круглой площади улиц скидельского направления (около 10 тыс. евреев). Они контролировались действиями городской охранной полиции, включая питание, работы, пропускную систему в гетто. В свою очередь приказы и директивы исходили от полиции безопасности.

Организационный период создания вспомогательных органов в гетто продолжался с июля по декабрь 1941 г. Временные рамки их различные от одного-двух месяцев до более двух лет Минского гетто. Всего на территории Беларуси в разных его формах действовало 238 гетто в 216 населенных пунктах.

Лагеря для военнопленных: Шталаг 352. Так, например, одним из самых крупных поставщиков рабочей силы был станционный лагерь шталаг 352 в д. Масюковщина, что около Минска. Он имел на предприятиях и военно-строительных объектах Минска свыше 20 филиалов и около 100 филиалов и отделений на железнодорожных магистралях Беларуси. Из состава работоспособных военнопленных с 1941 г. формировались рабочие команды для выполнения работ в лагере и за его пределами. Их количество возросло с 1942 г. с увеличением потребностей торфопредприятий, различных промышленных и торговых организаций, ТОДТа, Главной железной дороги. Так, в распоряжении ГЖД находились команды на 90 железнодорожных станциях.

Лагерь смерти Тростенец. В другом − Тростенецком лагере смерти – гитлеровцы замучили, удушили газами, сожгли в кремационных печах и на

кострах, закопали живыми свыше 206,5 тыс. человек. Начальник службы полиции безопасности и СД в Генерального округа Беларусь Эдуард **Штраух**, принявший под свое руководство воспитательный лагерь Тростенец, намеревался осуществить в нем три ступени воспитательной работы:

1. Жесткие меры, тяжелый труд, строгие телесные наказания;
2. Напряженный труд, но лучшая работа и лучшее обращение;
3. Работа вне лагеря на фирмах и т.д.

"Возник вопрос - буду ли я принимать в лагерь людей, не причастных к саботажу. Будьте спокойны: уже принимаю. В настоящий момент я больше ничего не могу сказать, так как лагерь еще не полностью оборудован, но я заверяю, что это будет. Я буду возвращать людей из лагеря облагородившимися и трудолюбивыми". Попадание туда грозило не только порабощением, но и мученической смертью. По словам руководителя службы безопасности в Минске обер-штурмбанфюрера СС Штрауха, он продолжал функционировать и в период 1943 г.

Пятый полк в Витебске. До оккупации Витебска гитлеровцами эта территория принадлежала 5-му железнодорожному полку (отсюда и название). Через Пятый полк в Витебске прошло 150 тысяч советских солдат и мирных жителей. Более половины из них погибло. В память о замученных десятках тысяч людей здесь был установлен лишь скромный обелиск...

Лагерь же начал функционировать уже с сентября 1941 г. Сначала в нём содержались пленные советские солдаты и офицеры. Территорию обнесли колючей проволокой, по углам поставили вышки. Зона бараков отделялась от общей территории лагеря коридором из нескольких рядов колючей проволоки. Бараки без печей, без потолков, пол цементный, нары в три этажа, проходы узкие - два человека едва разойдутся...

Питание - 150 граммов хлеба и пол-литра похлебки в день. Питьевая вода - из покрытого ряской лягушачьего болота. Через этот «витебский Майданек» прошло 120 тысяч военнопленных, из которых 75 тысяч были расстреляны либо умерли от голода и болезней... Их трупы позже были обнаружены во рвах возле лагеря.

«Переработав» массу пленных людей, в марте-апреле 1943 г. Пятый полк оккупанты превратили в лагерь смерти для гражданского населения. Из областного центра и деревень Витебщины туда было согнано 20 тыс. жителей, преимущественно женщин, стариков и детей. Из тех, кто имел отношение к партизанам, формировали большие группы и отправляли в «более совершенные» лагеря, наподобие Освенцима. Всего в Пятом полку было умерщвлено около 4 тыс. витебчан.

Детский лагерь Крынки. В конце мая 1944 г., когда фронт вплотную

приблизился к Витебску, оставшихся в живых отправили в лагерь, расположенный в районе станции Крынки в Лиозненском районе. Сюда же попали и дети из детских домов города, больные из сыпнотифозной больницы... Целых десять дней вели их по лесам, болотам и буеракам. До изнеможения. Узники спали под открытым небом, питались корой деревьев, пили воду из окружающих болот. Задача у фашистов была одна: вызвать эпидемию тифа в рядах Советской Армии, наступающей на Витебск...

Охрана лагерей. Охрану лагерей и уничтожение пленных производили подразделения вермахта, полиции и СД, СС. Была создана сеть тюрем местными и полевыми комендатурами, полицией безопасности и СД, военной разведкой и контрразведкой, жандармерией, ГФП, охранной и уголовной полицией. Во многих городах тюрем было несколько. Например, в Бобруйске одна тюрьма находилась в ведении СД, другая – военной комендатуры. Кроме того имелась общегородская тюрьма с камерами предварительного заключения, принадлежавшая городской полиции, жандармерии, ГФП. Особое обращение с военнопленными возлагалось вермахтом на оперкоманды полиции безопасности и СД. В тюрьмах повсеместным явлением были телесные наказания. Из данных городской тюрьмы Витебска видно, что с января по август 1942 г. такому наказанию подвергались 140 человек, каждый из которых получил от 10 до 300 ударов палками. Нередко забивали до смерти. В частности, Василий Кузин их получал 12 января, 10 февраля, 10 марта по 25 ударов, а 8 апреля во время очередной экзекуции умер. Управление лагеря состояло из 6 отделов (руководство, отдел "Абвер", организационный, пропагандистский, производственный, санитарный). Структурно шталаг состоял из двух частей – Лесного лагеря (около д. Масюковщина) и городского, находящегося в Минске ("Пушкинские казармы"). К концу августа 1941 г. в городском лагере разместился госпиталь шталага. Военнопленные по 400–500 человек располагались в бараках и бывших казармах, рассчитанных на 60–75 человек. Большое количество пленных оставалось просто на территории лагеря. Зимой 1941–1942 гг. в Лесном лагере 80 % пленных содержалось под открытым небом, многие из них замерзли.

Одно только продвижение к лагерю стоило жизни сотням пленных. К примеру, в конце января 1942 г. дорога протяженностью более километра от вокзала по главной улице Минска к лагерю была усеяна трупами расстрелянных. И такая практика продолжалась до конца войны. Так, 10 июля 1943 г. 600 больных военнопленных должны были проделать путь через дулаги 203 и 121.

2.3 Вывоз на принудительные работы. Таким образом, если на первом этапе войны незначительный вывоз населения на принудительные работы в Германию еще служил некоторым фактором стабилизации общества, то положение изменилось к 1943 г. С одной стороны, значительно возросла потребность Германии в людских ресурсах, а с другой, в 1943 г. на территории Беларуси были начаты широкомасштабные карательные операции. В результате к марту 1943 г. количество вывезенных на принудительные работы составило около 35 тыс. человек.

Причины вывоза были различными: разнарядка в населенных пунктах, близость к коммуникациям или границам рейха, нахождение в партизанской зоне, зачистка прифронтовой полосы и т.д. Так, из малонасыщенной партизанами Гродненской области тем не менее вывезено 72 тыс. жителей. При этом селекция населения была направлена более всего на производительный возраст. Нередко выбор падал на единственного кормильца семьи или на мать с детьми и т.д. В конечном итоге это сказывалось на социальном положении как отдельной семьи, так и населения деревни или региона в целом.

Вывоз детей. Определенными факторами дестабилизации общества являлись вывоз, уничтожение или оставление без опеки детей. В сложившихся условиях, когда немалое число взрослых погибло, ранее действовавшие сиротские дома не вошли в сферу обеспечения германскими органами. Кроме того, немалое число больных детей оставалось без опеки и медицинской помощи. Например, в Витебске в детдоме № 1 в 1942 г. находилось около 100 детей до 6 лет. Из-за тяжелых условий большинство из них умерло.

По замыслу немецкого командования, чтобы воспрепятствовать усилению советской власти в документе от 14 июня 1944 г. в отношении населения было определено: "*Группа армий "Центр" намерена захватить в районах своего расположения 40-50 тыс. подростков в возрасте 10–14 лет и доставить их в Германию. Это мероприятие проводится по инициативе 9-й армии*".

В итоге в Брестской, Бобруйской, Полоцкой и Гомельской областях было сожжено и расстреляно 63 920 детей и подростков. Таким образом, только в Бегомльском районе было уничтожено или вывезено в немецкое рабство 3 703 ребенка. Всего же из Беларуси в Германию вывезено **24 180** детей.

Так, из Витебской области было вывезено 68 934 человек, из которых до 1947 г. вернулось 43 626. Наибольшее количество было угнано в 1943 г. – 56 %, 1944 г. – 37,5 %, 1942 г. – 6 %. Проведенный анализ 1 тыс. опросных листов показывает, что 86,9 % были женщины, добровольно уехавшие вместе с

родственниками, а также служащие и полиция - 6,7 %. В дальнейшем эти люди использовались в сельском хозяйстве - 41,9 %, промышленности – 22,6 %, остальные в мастерских, на уборке городов, на железной дороге и в качестве прислуги. Например, из Белыничского района было вывезено 1714 человек, среди которых 905 мужчин, 767 женщин и 42 подростка. По окончанию войны вернулось 454 человека. Таким образом, по неполным данным, к 1947 г. вернулось **223 609** человек. В то же время, по сведениям Управления репатриации, из Германии отправлено **350** тыс. белорусов.

Насильственная эвакуация. Одной из форм уничтожения мирного населения явилась насильственная эвакуация. Германскими оккупационным органами перед наступающими частями Красной Армии, а также действующими в тылу партизанскими формированиями создавалась безжизненное пространство. Отсутствие людских резервов, средств к питанию, создание живого щита по линии фронта, как и отправка части трудоспособного населения на принудительные работы в составе вермахта на территории Беларуси, так и за ее пределами, представлялось одной из главнейших задач. При этом жители, которые отказались подчиниться и быстро покинуть свои помещения по причине сохранения остатков имущества, другие же в надежде выжить, возвращаясь назад − за невыполнение приказа подлежали расстрелу. Так, в соответствии с приказом коменданта Гомеля жители города должны были эвакуироваться к 17 октября, а оставшиеся на 24 октября 1943 г. в соответствии с решением командования должны были быть расстреляны. Так, только рота 299-го саперного батальона за 3 часа сожгла 24 и расстреляла 19 мирных граждан.

Категории принудительных рабочих. Тенденция различия продолжала действовать и после перемещения пленных на территорию Рейха. С 4 апреля в масштабах рейха введены правила по их дальнейшему распознаванию. Так, в пределах административного округа Белосток были введены различия между белорусами и украинцами, польским и восточными рабочими. На основании решения от 2 февраля 1942 г. все пленные были обозначены как восточные, поэтому вводились различные пропуска для польских и восточных рабочих с наличием фотографии (указание от 13.11.41). Было признано целесообразным в зоне бецирка узников подразделять на группы а) украинцы, белорусы и русские, б) кошубы, мазуры, шлёнзаки, которые не входили в зону немецкого народа. Для белорусов необходимо было иметь нашивки, соответственно, как и для русских. Что же касается поляков, то признание их в правах было обозначено лишь для тех, кто проживал на восточных и северных территориях Рейха, поэтому их вносили в категорию ”поздних поляков”.

Таким образом, принудительных рабочих можно распределить в три категории:

1. Вывезенные нацистами на принудительные работы в трудовых батальонах в Германии (2,8 млн., из них около 2 млн. еще жили в Германии);
2. Военнопленные (из 5,754 млн. военнопленных, захваченных в годы войны в СССР, осталось в живых около 1,5 млн.);
3. Беженцы, которые спасли свою жизнь от возможных преследований советской власти (всего около 1 млн., часть из них отправлены силой в советские трудовые военные формирования).

Классификации мест принудительного содержания. Что касается классификации мест принудительного содержания, то акценты, связанные с их деятельностью, остаются противоречивыми в силу различного понимания историками природы германского оккупационного режима. Различия состояли в подчиненности лагерей тем или иным ведомствам, в том, кто их охранял, и, в первую очередь, в сильно отличающихся условиях содержания и труда.

Нами указаны пять систем лагерей. Самыми тяжёлыми были условия в концентрационных лагерях и лагерях для евреев (гетто). Они частично охранялись. За их организацию и «лагерей для цыган» отвечала уголовная полиция, охрану осуществляли полицейские. Система лагерей для евреев была создана лишь в 1944 году. Эти лагеря находились в подчинении гестапо, их узники охранялись местными вспомогательными силами.

Система концентрационных лагерей, как например, Маутхаузен, состоявшая из более чем 40 отдельных лагерей – так же, как и части системы лагерей Дахау – находилась в подчинении Инспекции концлагерей или Главного экономического и административного управления СС. За ее охрану отвечали СС и вермахт. Узников доставляли почти из всех стран Европы.

Система «воспитательно-трудовых лагерей», созданная, прежде всего, для содержания иностранных гражданских лиц, находилась в подчинении гестапо и охранялась полицией. За эти многочисленные лагеря отвечал вермахт, обеспечивавший также их охрану.

Географические аспекты системы лагерей для иностранных гражданских лиц пока не могут быть представлены в полном объеме. Эта система, состоявшая из сотен больших и малых лагерей для гражданского населения, была самой обширной не только по числу узников, но и по ее распространению. Почти все предприятия – от небольших мастерских и фермерских хозяйств до крупных промышленных предприятий – привлекали гражданских подневольных рабочих к принудительному труду.

Охраняемые лагеря создавались, прежде всего, при крупных предприятиях в промышленных центрах.

Учитывая, что наличие директив и подтверждающих документов германского командования служит доказательством существования того или иного типа мест принудительного содержания, в Беларуси ряд мест так и не нашли документального подтверждения международного статуса (лагерь смерти Тростенец, Озаричи и др.).

2.4 Итоговая деятельность карательных операций

Формы и методы деятельности оккупационных органов. Основу германского оккупационного порядка составили приказы, положения военных и гражданских органов. Оккупационные органы осуществляли меры постоянного контроля, применяли штрафы, физические наказания, аресты и др. С данными формами мер воздействия население сталкивалось постоянно. Продолжением таких устрашающих мер являлись карательные действия, осуществляемые военными, полицейским подразделениями. О привлечении необходимых карательных подразделений для наведения порядка указывал командир войсками вермахта на территории рейхскомиссариата "Остланд" 14 сентября 1941 г. в сообщении рейхскомиссару Х. Лозе: "*Белоруссия еще не может рассматриваться нами как гражданская страна. В настоящее время мы не располагаем дополнительными войсковыми частями, поэтому со всей остротой встает вопрос о быстрейшем привлечении эсэсовских и полицейских сил*". Развернувшееся партизанское движение дало возможность начальнику айнзацгруппы «Б» **Небе** и инспектору «центральной России» фон **Бах-Зелевскому** воспользоваться потерями, нанесенными войскам со стороны партизан, и провести уничтожение евреев под видом «борьбы с партизанами».

Для устрашения населения оккупированной Беларуси были привлечены 3 ОД, 2 ПД, 1 кавалерийская бригада СС, а также артиллерийские, танковые и саперные подразделения, моторизованные части полевой жандармерии, полицейские полки и батальоны, деятельность которых определялась особыми приказами рейхсфюрера СС **Гиммлера** и директивами **Браухича** от 25 октября 1941 г. В Минске − первой публичной казнью стала акция повешения 12 человек в разных местах города 26 октября 1941 г. В присутствии солдат вермахта и собранных горожан эта акция стала началом систематического уничтожения гражданского населения.

Сначала узники – затем жертвы сожженных деревень. Карательные операции как совокупность террористических мер военного, экономического и политического характера против партизан и

гражданского населения стали универсальной формой устрашающей борьбы. Например, в директиве начальнику разведкоманды начальник оперативного штаба полиции и безопасности СД в Минске от 18 ноября 1941 г. указывал на необходимость сжигания всех жителей населенных пунктов: "*Опыт учит, что коллективные расстрелы, сжигание деревень без полной их ликвидации или выселение их жителей, приводят только к отрицательным для нас результатам*".

26 февраля 1943 г. командир полиции и СД Белоруссии принял решение о целесообразности отправки мирного населения на принудительные работы вместо их сжигания вместе с домами. Столь агрессивное поведение военных подразделений на территории Беларуси даже усомнили рейхскомиссара Х. **Лозе** в правильности их действий, который в послании рейхсминистру А. **Розенбергу** от 18 июня 1943 г. писал: "*Запирать мужчин, женщин, детей в сараи и их поджигать мне самому кажется, что это не самый пригодный метод борьбы с бандитами, если хотят уничтожить население. Этот метод не достоин немецкого дела и наносит нашему авторитету самый сильный вред*".

На усиление карательной деятельности было направлено положение в т.н. "Основной директиве № 14", где вновь подтверждено требование считать борьбу с партизанским движением "*равнозначным боевым действиям на фронтах*". Практически же для населения не существовало разницы, против кого предпринимают действия германские войска. Они в большей степени отражались прежде всего на жизни местных жителей. При этом формальным объяснением своих действий военнослужащие германской армии считали: "*Если бы нас партизаны не били, мы тоже не стали бы их задевать*", "*Почему партизаны не удовлетворяются нарушением нашего железнодорожного транспорта, а стараются еще и бить нас, мы не понимаем*".

Совместное соглашение командующих охранными войсками вермахта, СС, полиции безопасности и СД в ГОБ и тыловой части группы армий «Центр» от 27 октября 1942 г. обозначило главную задачу − активную борьбу с партизанским движением в Беларуси. Всего в период с декабря 1943 по февраль 1944 гг. немецкое командование коммуникаций провели 5 боевых операций. Только с 25 мая по 17 июля 1944 г. было проведено около 40 специальных операций, для этого 170 раз привлекались войска для захвата рабочей силы и продовольствия. Так, в Белыничском районе, по неполным данным, в 1941 г. гитлеровцы сожгли 592 двора, 1942 г. – 375 и убили 217, 1943 г. – 685 и убили 256, 1944 г. – 499 и убили 258 жителей. Всего было расстреляно 1471 человек (467 женщин, 270 детей), сожгли 215 человек (65 женщин и 86 детей), повесили 2 человека (1 женщина в т.ч.), и еще в результате бомбежки погибло 47 человек.

Можно отметить, что уже в 1941−1942 гг. карательные действия

отмечены динамикой роста операций, сил и времени. И если сначала еврейское население уничтожалось силами вермахта, то с сентября 1941 г. в таких акциях принимали участие и полицейские батальоны, а также ягдкоманды. Помимо местных сил, особенно с 1942 г., стали привлекаться следующие на фронт воинские подразделения. Например, в карательных операциях против партизан в 1942–1943 гг. участвовали формирования 30 дивизий, 55 охранных полков и 206 батальонов, 34 полицейских полка и 115 полицейских батальонов, а также много других частей и подразделений. В общей сложности около 50 дивизий. С участием 10 дивизий была предпринята попытка уничтожить партизанские силы, базировавшиеся в южной части республики (до 10 тыс. человек), завершилась сожжением нескольких тысяч белорусских деревень, как основной базы роста состава и материального ресурса партизанских сил.

Выводы. В период германской оккупации Беларуси на всех ее административных уровнях отсутствовали предпосылки защиты прав и интересов местного населения.

Военные вспомогательные полицейские формирования своими действиями усиливали военное присутствие германского вермахта, СС и различных служб, приводили к большей эскалации политики насилия, массового террора и уничтожения населения.

Характер боевых действий со стороны германских формирований способствовал значительному усилению пассивного сопротивления оккупантам, а в последующем и вооруженного противостояния германской армии. В течение только 1943 г. в партизанские формирования перешло более 100 тыс. человек. С этого времени массовость стала одной из наиболее значимых характеристик антигерманского сопротивления.

Всего за время оккупации немецко-фашистские захватчики провели более 140 зафиксированных карательных операций, где было привлечено большое число оккупационных формирований, включая силы вермахта. Наиболее крупные из них: ”Орел”, «Болотная лихорадка”, ”Весенний праздник”, ”Герман”, ”Горнунг”, ”Котбус”, ”Нюрнберг”, ”Ото”, ”Треугольник”, ”Франц”, ”Майский жук” и др..

В период карательных акций германские оккупанты уничтожили 5 295 деревень практически со всем населением. В Витебской области 243 деревни они сожгли дважды, трижды — 40, четырежды — 9, пять раз и более — 6 деревень. Из 9 200 поселков и деревень, разрушенных и сожженных в годы войны, 5 454 белорусских деревни были уничтожены полностью или частично вместе с жителями. Что касается сожженных деревень, то свыше 3 % сожжено в 1941 г., 16 % - в 1942 г., 63 % - 1943 г., 18 % - 1944 г.

В результате политики геноцида только по неполным данным на

территории Беларуси в лагерях было уничтожено более 1,4 млн. человек. В том числе в 3 лагерях с филиалами и отделениями Минска и пригорода — около 400 тыс., в 5 лагерях и 6 отделениях Витебска — более 100 тыс., в 3 лагерях Полоцка — около 150 тыс., в 5 лагерях, 6 отделениях Гомеля — более 100 тыс., в 5 лагерях Могилева — 70 тыс., в 4 лагерях Пинска — около 60 тыс. человек.

Таким образом в ходе проводимой оккупационной политики сложились основные уровни взаимодействия германских органов управления с населением Беларуси.

1. Массовое привлечение населения для выполнения военно-хозяйственных мероприятий, работ, указаний, поручений и др.;
2. Привлечение части населения к выполнению военной, военно-полицейской и полицейской службы в составе оккупационных формирований;
3. С частичным привлечением местного населения создание местных административных органов и служб;
4. Изоляция и массовое уничтожение еврейского населения (цыган), где наиболее значимыми местами их уничтожения стали гетто, лагеря смерти, концлагеря как на территории Беларуси, так и за ее пределами;
5. Выявление и обособление бывших солдат Красной Армии, создание для них широкой сети лагерей для военнопленных;
6. Уничтожение участников сопротивления − партизан, находящихся вне зон контроля оккупационных органов, но в период карательных операций входивших в соприкосновение с ними;
7. Выявление и уничтожение участников подпольного антигерманского движения, саботажников, потенциальных противников германского оккупационного порядка;
8. Семьи партизан и их близкие, как потенциальные противники оккупационного режима подлежали уничтожению, в частности в лагере Освенцим, или вывозу на принудительные работы;
9. Этапируемое население для вывоза на принудительные работы или места массового уничтожения в следствие жесткого характера отношений к ним со стороны полицейских органов погибало без фиксации. Данная категория лиц наименее изучена и не представлена в статистике потерь и жертв оккупационного режима;
10. Дети сироты становились объектами внимания со стороны как заинтересованных структур, так и случайных отношений со стороны населения. Попадая в незнакомые места (лагеря, концлагеря, места принудительной работы взрослых, сиротские дома) их стремились

как можно быстрее адоптировать к новым условиям проживания;

11. Основные группы населения постоянно или временно находившиеся на территории Беларуси, разово или постоянно подвергавшихся риску со стороны военных формирований и служб оккупационных органов по вышеназванным критериям отношений

3. Лагеря смерти, концлагеря и принудительный труд населения Беларуси в Германии и странах Третьего рейха

3.1 Лагеря смерти, лагеря уничтожения, 6 стационарных центров уничтожения, построенных нацистами на территории оккупированной Польши в 1941 — середине 1942. Св. 3 млн евреев уничтожены в этих лагерях зимой 1941 — осенью 1944. Сеть центров уничтожения была неотъемлемой частью системы управления нацистской Германией и использовалась ею как инструмент для достижения своих политических целей. Два центра — Освенцим — Бжезинка и Майданек — изначально создавались как концентрационные лагеря и лагеря для военнопленных; другие — Хелмно (немецкое название Кульмхоф), Собибор, Треблинка и Бельзец — создавались исключительно как фабрики смерти. Все 6 лагерей были частью «Государства СС», которое возглавлял рейхсфюрер СС Г. Гиммлер; 3 из них (Треблинка, Бельзец, Собибор) были образованы в рамках акции «Рейнхард» — таково было кодовое наименование операции Генерал-губернаторства по уничтожению восточноевропейских евреев и присвоению их собственности и имущества. Л. с. находились под единоличным управлением администрации СС, которой в некоторых лагерях помогали в повседневной работе украинские пособники.

Хотя многие тысячи евреев были убиты нацистами в течение первых 21 месяца Второй мировой войны, началом «окончательного решения» обычно считают 22.06.1941 — день, когда Германия напала на Советский Союз. Вместе с наступавшей германской армией продвигались 4 мобильных отряда уничтожения — айнзатцгруппы; их особой задачей было убийство евреев, функционеров коммунистической партии, комиссаров Красной Армии и цыган. С по-

мощью местных пособников эти группы сгоняли вместе мужчин, женщин и детей, отводили недалеко от их домов и расстреливали. Естественные овраги и противотанковые траншеи использовались как могилы для массовых захоронений. Там, где их не было, евреям, перед тем как убить их, приказывали копать большие рвы, которые послужат им могилой. Решение о создании стационарных центров уничтожения возникло из-за

психологических и практических трудностей, связанных с проведением айнзатцгруппами массовых убийств. Вторым фактором, указывающим на эффективность стационарных *Л.* с, стали эксперименты, проводившиеся как часть т. н. программы эвтаназии, связанной с умерщвлением при помощи окиси углерода. Было решено разместить эти лагеря на территории оккупированной Польши, гл. обр. из-за большой концентрации евреев в Восточной Европе.

В конце 1941 руководители акции «Рейнхард» начали подготовку к уничтожению евреев в Генерал-губернаторстве. Но они не могли предвидеть, сколько *Л.* с. нужно будет построить и управлять ими для достижения поставленной цели. Т. к. у них отсутствовал образец, которому они могли бы следовать в своих планах, были разработаны руководства по выбору мест для строительства. Лагеря должны были находиться рядом с главными областями Генерал-губернаторства, густо населенными евреями, и вблизи главных железнодорожных путей — для облегчения транспортировки и депортации. Более того, лагеря следовало строить в безлюдных местах, вдали от населенных районов, чтобы сохранить тайну и скрыть от местного населения то, что там происходит. Они должны были находиться по соседству с оккупированными Германией территориями Советского Союза — для укрепления веры в то, что исчезнувшие евреи в итоге попадают в рабочие лагеря на Востоке.

Процесс уничтожения требовалось организовать четко и рационально. На основе проведенных в Бельзеце экспериментов был разработан самый эффективный метод транспортировки партий евреев с места прибытия к месту убийства, а затем тел — к месту уничтожения. Предполагалось, что основная структура лагерей и процедуры, которым подвергали жертв, как только их высаживали из поезда, должны обеспечить неведение людей относительно того, что их уничтожат, практически до последних минут их жизни. Целью являлось создание у жертв представления, будто они отправлены в трудовой или пересыльный лагерь. Для того чтобы не дать жертвам догадаться о смысле происходящего, все действия надлежало выполнять с предельной быстротой. Жертв заставляли бежать, поэтому у них не было времени раздумывать над тем, что их ожидает. Обманутых приводили в шоковое состояние, чем упреждали любую попытку к бегству или сопротивлению. Кроме того, ускорением процесса уничтожения можно было повысить эффективность лагерей и с каждым днем ликвидировать все больше евреев.

Практически во всех лагерях использовалась одинаковая система убийств. В каждом лагере после прибытия партии несколько сотен евреев отправляли на выполнение физической работы, входящей в процесс уничтожения. Специальные подразделения — «зондеркоманды» —

занимались живыми евреями по их прибытии и привезенным ими имуществом, сортируя и подготавливая одежду и ценности для отправки в Рейх, а затем утилизацией тел убитых. Через месяц-другой такой работы большинство членов зондеркоманды отправляли на смерть. Для обслуживания лагерей отбиралась дополнительная группа евреев; обычно это были профессиональные сварщики, слесари, электрики и др. квалифицированные рабочие. Они содержались в полной изоляции от евреев, отобранных после приезда для обслуживания процесса уничтожения. Тем не менее лагерных работников в конечном счете тоже отправляли в газовые камеры.

Освенцим — Бжезинка, официально именовавшийся Концентрационным лагерем Освенцим, занимал территорию в 40 км² в 60 км к западу от Кракова. В итоге он стал громадным комплексом, состоявшим из нескольких дюжин подлагерей. Освенцим был разделен на три основных лагеря, второй из которых был известен как Бжезинка, или Освенцим II, и являлся собственно центром уничтожения. Приказ о создании концлагеря Освенцим был отдан в апр. 1940. Первых польских заключенные отправили туда 14.6.1940. Начиная с весны 1942 в Освенцим привозили для уничтожения евреев со всей Европы. В лагере также содержалась бригада еврейских заключенных для рабочих целей. В конце концов, Освенцим стал самым большим из лагерей, а с добавлением газовых камер — еще и самым крупным центром уничтожения. До начала 1990-х гг. польская статистика показывала, что в Освенциме погибло от 2,8 до 4 млн чел.; по меньшей мере 2,5 млн из них были евреи. Но подсчеты западных и израильских ученых колеблются в диапазоне от 1 до 1,5 млн. После выхода в свет исследования Джоржа Уэллерса и Франтишека Пайпера ученые сошлись во мнении, что жизнь в Освенциме потеряли приблизительно 1—1,5 млн чел., 90% из них евреи.

Потулицы Весной и осенью 1945 г. из Германии, Польши, Бельгии, Франции начали прибывать в СССР эшелоны с малолетними узниками фашистских концлагерей. Конечными остановками поездов стали Киев, Москва, Витебск, Молодечно, Брест и Львов. Всех бывших узников разместили в детских домах. И уже тогда стало очевидным, что большинство малолетних мучеников родом из Витебской области... **Литвинов** установил, что из 442 узников только одного лагеря уроженцами Витебщины является 391 человек! Это 88,5 %. Доли остальных были таковы: из Гомельской и Могилевской областей Белоруссии - 8 человек (1,8 %); из российских Смоленской области - 17 чел. (3,8 %), Псковской (до войны - Ленинградской) области - 19 чел. (4,3 %); Днепропетровской и Харьковской областей Украины - 7 чел. (1,6 %).

Более того, в Потулицкий лагерь, что в районе Быдгоща, из Освенцима в ноябре 1943 г. привезли 542 советских ребенка. Их разместили в двух специально построенных дощатых бараках. От остальной территории они были отделены ограждением из колючей проволоки. Вход в бараки охраняли часовые. И все эти 542 мальчика и девочки были - исключительно из Витебской области. Возраст - от полутора до четырнадцати лет. Номера на руке колебались в пределах: у девочек - от 61 417 до 66 127, у мальчиков - от 149 467 до 158 963. Их разместили в двух специально построенных дощатых бараках. Вход в эти бараки охраняли часовые. Лагерь располагался в красивом месте, рядом был густой лес. Детей иногда выводили в лес, и те от голода объедали побеги молодых сосен, елей, обгладывали кустарники. Полностью объедали листья с молодых лип.

Этот лагерь рассматривался нацистами в качестве экспериментальной лаборатории. Поэтому здесь регулярно проводилась фильтрация детей в возрасте от 6 до 10 лет для отбора «полноценных» и «неполноценных» по составу крови. Недаром в секретном фашистском документе «Некоторые соображения об обращении с лицами немецкой национальности на Востоке» говорилось: «Мы ведь верили в нашу собственную кровь, которая из-за ошибок немецкой истории попала в чужую национальность, и убеждены, что наше мировоззрение и наши идеалы найдут отклик в одинаковых в расовом отношении душах этих детей».

Раз в месяц в Потулицком концлагере детей «предъявляли» членам окружной расово-биологической и медицинской комиссии. Измерялись лоб, нос, расстояние между углами подбородка, ощупывался череп, зарисовывался профиль, описывалась форма ушей, сравнивались длина и ширина лица, проверялась походка, рассматривалась под увеличительным стеклом структура волос... Члены комиссии решали их судьбу. От того, какой будет выписан паспорт расовой оценки, зависела дальнейшая жизнь ребенка.

В Потулице также создали довольно большую группу детей-доноров. Все они были светлоглазы и светловолосы. Фашистам требовалось много детской донорской крови, тем более что недалеко от лагеря находился немецкий госпиталь. Кровь у детей брали и в предшествующих лагерях. Но там это делалось эпизодически, от случая к случаю. Здесь же, в Потулице, детское донорство стало нормой. Их поднимали среди ночи и строем вели «на кровь». Ее брали вопреки общепринятым нормам не один, а несколько раз в месяц. «Кровь у меня брали 15 раз. После освобождения в течение шести месяцев лежала в спецлечебнице в Киеве. Ценой огромных усилий врачи сумели вернуть мне зрение. Правда, ныне оно очень слабое». (Из воспоминаний уроженки Витебщины Евгении Григорьевны Климович-**Ивановой**, 1936 г. рождения, номер татуировки 61925). «Вены были

исколоты. Кровь брали то из одной, то из другой руки. Даже не представляю, как остался в живых. Ведь только подумать: 18 раз выцеживали, высасывали из меня кровь». (Из рассказа витебчанина Василия Степановича **Мельяченко**, 1929 г. рождения, номер татуировки 149863). От большой потери крови многие умирали. «Усиленное» донорство позволяло отсеивать больных и слабых.

Константынув Это был лагерь недалеко от индустриального Лодзи - города в центральной части Польши. Несмотря на казалось бы «мягкий» статус этого лагеря, он считался одним из наиболее тяжелых для узников. Видимо потому, что угнетению подвергались души детей-заключенных.

К осени 1944 г. обсервационный (наблюдательный) лагерь для молодежи с Востока при полиции безопасности в Константынуве-Тухингене был укомплектован. Более 2 тыс. ребят из России, Белоруссии и Украины разместили в здании фабрики Швайкерта на Лодзинской улице. Больше 80 % из них составляли дети из Витебской области.

Смысл, скорее всего, был в том, что фашисты решили проверить, как подвергаются «германизации» дети из разных регионов Советского Союза. К тому же в Константынув попала и небольшая группа цыганских детей, прошедшая вместе со славянскими ребятами все круги фашистского ада. Что, как уже было сказано выше, противоречило всякой теории нацизма.

Детей распределили по возрастным группам. Всего насчитывалось шесть групп. Нулевая - в нее входили дети от нескольких месяцев до 3 лет, первая - от 3 до 5 лет, вторая - от 5 до 8 лет, третья - от 8 до 12 лет, четвертая - от 12 до 14 лет, пятая - от 14 до 16 лет.

Поначалу детям казалось, что они попали в другой мир. Спали на соломенных матрасах, укрывались одеялами. На завтрак им давали небольшую булочку с кусочком маргарина и подслащенный чай, на обед - миску борща или супа. И хотя все равно хотелось есть, но эти условия были намного лучше, чем в предыдущих концлагерях.

Дети понимали, что они узники и что их к чему-то готовят. В лагере были две группы воспитателей − русские и немецкие.

Детей готовили к тому, чтобы они забыли собственных отца и мать, сестру и брата. И белорусскую девочку Анастасию **Заикину** воспитательница уже называла Гретхен **Миллер**, а другую, Люсю Зуеву из д. Пронино, что под Витебском, Ингрид **Хорст**.

Им внушали, что армия фюрера обязательно завоюет Россию. Им повторяли: «*Забудьте, что вы дети партизан! Обо всех, кто находится здесь, фюрер сказал, что это завтрашние солдаты и работники*...»

Их учили говорить, читать и писать по-немецки. Чтобы они не только говорили, но и думали по-немецки. Во время праздника, устроенного в

честь дня рождения Гитлера, детей заставляли исполнять фашистские песни.

Метод воспитания был один: муштровка, казарменная дисциплина. Постоянная шагистика. Во дворе в течение нескольких часов, как мальчиков, так и девочек гоняли туда-сюда. Команды подавались на немецком языке...

Сложнее было со старшими детьми. Выбить из них дух «бывшей» Родины надсмотрщикам-воспитателям и экспериментаторам было невероятно сложно. С малолетками было проще: через определенный срок они начинали забывать простые белорусские слова: дом, хлеб, вода, улица. Эксперимент был прерван наступлением советской армии.

Майданек. (Majdanek), лагерь смерти для военнопленных на юге Польши, в окрестностях Люблина, один из крупнейших в Восточной Европе. Начал функционировать в окт. 1941 г.; был оснащен 7 газовыми печами. В М. содержались советские военнопленные, депортированные граждане Белоруссии и Польши, европейские евреи. Здесь погибли ок. 360 тыс. узников: из них ок. 215 тыс. чел. скончались от истощения, болезней и жестокого обращения, а ок. 145 тыс. чел. были либо расстреляны, либо удушены газом. Большинство сооружений лагеря (кроме газовых камер) было разрушено еще до того, как Красная Армия освободила Майданек в июле 1944 г.

Майданек, второй концентрационный лагерь и комплекс уничтожения, был построен в окрестностях Люблина в Восточной Польше. В июле 1941 г., сразу после нападения Германии на Советский Союз, **Гиммлер** побывал в округе Люблин, с тем чтобы найти место для постройки нового концлагеря, способного разместить 50 тыс. заключенных. Он предполагал устроить дополнительные лагеря рядом с первым, когда тот заполнится. В сент. 1941 г. СС запланировала Майданек как лагерь для военнопленных и интернированных гражданских лиц. Строительство началось в октябре 1941 г.; на постройке лагеря работали польские евреи, советские военнопленные и крестьяне из близлежащих деревень. Официально рассматривавшийся до февраля 1943 как лагерь для военнопленных, Майданек на самом деле был концентрационным лагерем, а позднее стал центром уничтожения. В лагере находились представители свыше 50 национальностей, но большинство из 300 тыс. его обитателей были евреи (ок. 120 тыс.) и поляки (ок. 100 тыс.). Из них 235 тыс. погибли в лагере.

Согласно подсчетам, проведенным Данутой **Чех** и Франтишеком **Пайпером**, в Освенцим были депортированы 1,3 млн. чел., из них 1,1 млн. составляли евреи. Всего погибло 1,1 млн. заключенных, в т. ч. свыше 1 млн. евреев, 75 тыс. поляков, более 20 тыс. цыган, 15 тыс. советских военнопленных и свыше 10 тыс. представителей др. национальностей. Но

для 200 тыс. заключенных, выживших в Освенциме, мучения не закончились. Тысячи умерли от истощения или были застрелены во время маршей к железнодорожным станциям, другие умерли во время перевозки в открытых угольных вагонах. Очень многие не выдержали лишений в лагерях Берген-Бельзен, Штутгоф, Маутхаузен, Бухенвальд, Дахау, Флоссенбург, Заксенхаузен, Нойенгамме и др..

Майданек в сущности с самого начала выполнял функции концлагеря и центра уничтожения. СС предпочитала время от времени использовать сразу несколько методик уничтожения, а не отдавать предпочтение одному какому-то процессу. В первые годы существования лагеря, 1941—42, СС устраивала расстрелы советских военнопленных, зачастую массовые, уносившие каждый до 1000 жизней солдат и офицеров. Кроме того, заключенных вешали, топили (в небольшом лагерном водоеме), душили, забивали и затаптывали насмерть. Многие умирали от болезней и истощения из-за условий содержания в лагере.

Самым распространенным методом массовых убийств в Майданеке, как и в большинстве других *Л*. с, было удушение в газовых камерах. В авг. — сент. 1942 г. в Майданеке оборудовали 2 временные газовые камеры. Охранники загоняли узников в здания под названием «душевые», которые на самом деле являлись газовыми камерами. Две из них освещались т. о., чтобы эсэсовцы могли наблюдать за умерщвлением через «глазки». Обычно умерщвление газом происходило ночью, когда пленные спали; тех же, кто работал в газовых камерах, содержали отдельно от др. заключенных. В мае — июле 1943 г. в Майданек доставили тысячи евреев из Варшавского гетто на казнь. С окт. 1942 здесь функционировали 3 постоянные газовые камеры, в которых заключенные гибли от асфиксии. Для этой цели применялась либо окись углерода, либо газ Циклон-Б (окись углерода убивает, соединяясь с гемоглобином в крови и замещая кислород; синильная кислота в составе Циклона-Б препятствует кислородному обмену в клетках).

Самое крупномасштабное убийство произошло в Майданеке 3.11.1943, когда СС расстреляла 18 400 евреев во рвах рядом с крематорием. Евреев заставляли раздеться и лечь в грязь лицом, затем эсэсовцы расстреливали их из пулеметов, пока не заполняли рвы телами в несколько рядов. На протяжении всего дня этой бойни в лагере по громкоговорителям играли песни, чтобы заглушить звуки выстрелов и крики умирающих. После операции пригнали пленных — помочь закопать могилы и сжечь не уместившиеся в них тела, чтобы уничтожить все следы массового убийства. Остатки костей измельчили специальной мельницей в муку, которую сложили в мешки и отправили на склады СС для использования в качестве удобрения.

Переработка тел была главной проблемой для многих центров уничтожения. В Майданеке, как и во многих других лагерях, поначалу трупы хоронили в общих могилах. В июне 1942 г. построили два небольших крематория, но они не справлялись с такой массой тел. В итоге пришлось сжигать тела на открытом воздухе на специально сложенных кострах. При этом использовали метод, усовершенствованный в Л. с. Треблинка: над глубокой ямой укладывали решеткой железные рамы от грузовиков, а сверху чередующиеся слои тел и дров. Затем костры поливали бензином или метанолом и поджигали. В конце концов, построили большие крематории с пропускной способностью 1 тыс. тел в сутки. К 1943 г. единственными ограничениями для процесса уничтожения в Майданеке служили поломки механизмов и нарушения железнодорожного графика.

Нацисты начали эвакуацию Майданека задолго до освобождения лагеря Красной Армией в июле 1944, поэтому только ок. 1 ООО узников приветствовали наступающие советские войска. Но т. к. у персонала СС было мало времени для уничтожения лагерных построек, советские войска обнаружили газовые камеры, крематории, трупы и большие склады, заваленные вещами, конфискованными у заключенных. В этом отношении Майданек отличается от 4 др. центров уничтожения. Нацисты успели закрыть их задолго до освобождения территорий, на которых те находились.

Треблинка. (Treblinka), лагерь смерти, располагался к северо-востоку от Варшавы, был построен в 1942 г. прежде всего для уничтожения евреев Варшавы и др. районов Польши. В Т. погибли приблизительно 870 тыс. евреев из Польши, Греции и Югославии, а также по меньшей мере 2 тыс. цыган. Первоначально лагерь был спроектирован с тремя газовыми камерами, но без крематория; трупы убитых рабочие-славяне хоронили в общих могилах позади газовых камер. К окт. 1942 число газовых камер увеличилось до 13, а тех, кто был слишком слаб и уже не мог передвигаться, помещали в замаскированный под лазарет окоп и там убивали. В 1943, чтобы уничтожить следы убийств, тела убитых эксгумировали и сожгли. В авг. 1943, за несколько дней до запланированного уничтожения лагеря, 750 узников восстали, и, вероятно, 70 из них удалось бежать. Затем лагерь сожгли до основания, запахали и превратили в ферму. Место, где была Т., ныне является национальным памятником Польши.

Треблинка. Последним из Л. с. была Треблинка, открытая в качестве центра уничтожения на реке Буг в июле 1942 г. В Треблинке применили опыт, приобретенный в Бельзеце и Собиборе. Таким образом, она стала самым организованным лагерем, построенным в рамках акции «Рейнхард». Поскольку Треблинка находилась в 120 км к северо-востоку от Варшавы, ее выбрали для уничтожения евреев Варшавского гетто. В июле 1942— осенью

1943 г. в Треблинке были убиты с помощью газа 750—800 тыс. евреев из Центральной Польши, Германии, Австрии, Чехословакии, Нидерландов, Бельгии и Греции. Их тела были сожжены на больших погребальных кострах.

В начале 1943 г. группа узников Треблинки создала комитет сопротивления, который пытался достать оружие. Планы восстания и побега были почти разработаны к концу весны 1943 г., когда заключенные поняли, что близится ликвидация лагеря. 2.8.1943 подневольные еврейские рабочие восстали. Уже с утра между заключенными чувствовалось напряжение. Многие тайно уложили вещи перед дорогой и были готовы достать деньги и ценности из тайников, где хранили их в надежде, что, в конце концов, из лагеря удастся бежать. В тот же день, позднее, участники восстания захватили на складе оружие и подготовили поджог лагеря. В 4 часа дня прозвучал выстрел, который привел в действие механизм восстания. Несколько сотен заключенных добрались до леса; вероятно, не более 60 из них увидели конец войны. В ноябре 1943 г. нацисты взорвали лагерь, а на его месте построили ферму. Оставшимся зондеркомандам было приказано заровнять территорию, очистить ее от могил и засадить соснами. Т. о., на месте Треблинки, как и на месте 3 др. таких же лагерей, ко времени освобождения не осталось следов массовых убийств.

Хелмно был первым из 4 лагерей, созданных исключительно для целей уничтожения. Расположенный в 60 км от Лодзи в Вартегау (область Польши, захваченная Германией осенью 1939 г.), он стал могилой для 150—300 тыс. евреев, большинство из которых жили в Лодзи. Первоначально предполагалось, что открывшийся в дек. 1941 г. центр уничтожения будет использоваться для очистки Вартегау от 450 тыс. евреев. Создание лагеря уничтожения Хелмно знаменовало начало нового этапа «окончательного решения». Являясь первым действующим центром уничтожения, Хелмно позаимствовал персонал и методы у айнзатцгрупп в России и у программы эвтаназии, которую нацисты проводили в Германии.

По-настоящему Хелмно не был лагерем, т. к. немцы не собирались содержать в нем заключенных даже недолгое время. Расстрельные команды, а позже «душегубки» ежедневно «обрабатывали» ок. 1 тыс. узников. Их тела сгружали в близлежащем лесу, где зондеркоманды, собрав с мертвых ценности, сбрасывали их в братскую могилу. Главная проблема уничтожения тел была решена только осенью 1942, когда устроили — наподобие подземных печей - огромные кострища из железных рельсов и деревянных шпал. В Хелмно положили начало еще одной инициативе — снимать у мертвецов золотые зубные мосты и коронки. В итоге это естественно стало первым шагом в утилизации тел во всех лагерях. После того как в Вартегау были уничтожены почти все евреи, Хелмно в апр. 1943

закрыли, но через год он снова возобновил работу, чтобы сократить количество евреев в гетто Лодзи. В конце 1944 лагерь и крематории полностью разрушили, а в янв. 1945 убили последних евреев в ходе окончательной ликвидации лагеря. Двое из рабочих выжили. Из 150—300 тыс. евреев, привезенных в лагерь для уничтожения, удалось бежать восьми или девяти.

Бельзец, второй лагерь, функционировавший только как центр уничтожения, находился на юго-западе Польши рядом с рекой Буг, к востоку от Люблина. Первый лагерь в Бельзеце был построен в начале 1940 г. как трудовой лагерь для тысяч евреев округа Люблин. Их отправляли сюда как подневольных рабочих для строительства укреплений на советско-германской демаркационной линии. Лагерь ликвидировали осенью 1940 г. В марте 1942 г. под таким же названием возник Л. с. Он был изолирован от военно-экономической деятельности и выполнял минимум промышленной. Как и в других подобных «целевых» лагерях, в Бельзеце большинство жертв составляли евреи. В отличие от Хелмно, где использовались «душегубки», Бельзец первым был оснащен постоянными газовыми камерами с пропускной способностью 15 тыс. чел. в сутки. Всего в Бельзеце было уничтожено 600 тыс. евреев. Их тела сожгли в открытых братских могилах. После уничтожения галицийских евреев в ноябре1942 г. в лагере Бельзец убийства закончились. Тем не менее зондеркоманды из евреев занимались ликвидацией массовых захоронений до июня 1943 г. Чтобы уничтожить следы преступлений до прихода Красной Армии, нацистам пришлось вернуться, вскрыть могилы и сжечь разложившиеся трупы. Кости перемололи в мелкий порошок, который разбросали по соседним полям. Только 2 обитателям лагеря удалось бежать, и лишь один пережил войну.

Собибор Открывший свои ворота в мае 1942, Л. с. в Восточной Польше Собибор располагался примерно в 1 км от реки Буг. За 17 месяцев своего существования он унес 200—250 тыс. жизней. Его основными жертвами стали евреи из Польши и с оккупированных Германией территорий Советского Союза; остальные жертвы были доставлены из Словакии, протектората Богемии и Моравии, Австрии, Франции, Нидерландов и др. стран. Лагерь был построен в болотистой, лесной, малонаселенной области группой в 80 евреев из ближайших гетто. После завершения работы их расстреляли. Как и в нескольких др. Л. с, в Собиборе оставляли в живых какое-то число прибывших евреев для обслуживания эсэсовского персонала лагеря, для работы в газовых камерах, сортировки и отправки имущества пленных, захоронения, а впоследствии кремирования тел. В окт. 1943 600 узников лагеря подняли восстание. Восставшие во главе с советским военнопленным Александром Печерским первым делом убили группу офицеров СС, напали на арсенал и охранников, затем, прорвавшись через

ограждение из колючей проволоки, исчезли в лесу. Из лагеря выбрались 400 человек, однако половина из них подорвались на минах, заложенных по периметру лагеря. Некоторых убили эсэсовцы, полиция, германские войска, других — польские фашисты, воровские шайки, бандиты, иногда члены подпольной Армии Крайовы — несмотря на установки командования Армии. Около 100 заключенных попали на свободу, 35 пережили войну. После восстания нацисты сравняли Собибор с землей, не оставив следов.

Памятники. В настоящее время все места, где раньше располагались Л. с, отмечены памятниками, возведенными правительством Польши в 1950—60-х гг. Майданек и Освенцим получили статус государственных музеев, в бывших бараках открыты посвященные истории лагерей выставки, где представлены артефакты операций по уничтожению. На месте Хелмно установлен массивный квадратный мемориальный блок на колоннах; в Треблинке возведен большой монумент из камня, окруженный 17 тыс. привезенных сюда гранитных осколков; место расположения Собибора обозначено памятной статуей и огромной круглой насыпью, возведенной вокруг территории, где находились газовые камеры; лагерь Бельзец, из заключенных которого лишь один пережил войну, отмечен мемориальной стеной с надписями и скульптурой, изображающей 2 скелетообразные фигуры, поддерживающие друг друга в своих мучениях.

3.2 Концентрационные лагеря

Берген-Бельзен. (Bergen-Belsen), концентрационный лагерь близ г. Целле в северо-восточной Германии. Задуманный как лагерь для военнопленных и пересыльный лагерь, рассчитанный на 10 тыс. чел., Б.-Б. в последние недели войны вмещал 41 тыс. заключенных. От 35 до 40 тыс. его узников умерли от голода, скученности, тяжелого труда и болезней или были убиты по приказу коменданта Йозефа Крамера. В марте 1945 в Б.-Б. умерла А. Франк. 15.4.1945 Б.-Б. узников освободили союзные войска (он стал первым лагерем, освобожденным войсками союзных государств Запада).

Бухенвальд. (Buchenwald), концентрационный лагерь близ г. Веймар (Германия), создан в 1937. За годы его существования там содержались ок. 239 тыс. германских и иностранных граждан, включая большое число политических заключенных. Хотя Б. не был оборудован техникой уничтожения, болезни, недоедание, изнурительный труд, скверное обращение и физические издевательства стали причиной гибели примерно 43 тыс. узников. В 1937—41 лагерем управляли Карл Отто Кох и его жена — садистка Эльза Кох. На узниках проводили якобы научные эксперименты, во время которых им вводили возбудителей инфекционных болезней или

вкалывали столь же смертельно опасные вакцины. В 1938, с помощью политзаключенных, которым удалось внедриться в лагерную администрацию, в Б. созданы ячейки Сопротивления. 11.4.1945 после того, как гестаповский персонал в основном бежал, узники захватили оставшихся охранников и взяли Б. под свой контроль.

Гросс-Розен. (Gross-Rosen), концентрационный и трудовой лагерь в Нижней Силезии. В 1944— 1945 число его узников достигало почти 100 тыс. чел., ок. 40% из них были евреи. На последнем этапе войны многих заключенных депортировали в лагеря в центральной части Германии. Ок. 40 тыс. из 125 тыс. (автор ***Хава* Эшколи-*Вагман*).**

Заксенхаузен. (Sachsenhausen), концентрационный лагерь к Северу от Берлина, основан в 1936. Через З. прошли ок. 200 тыс. заключенных, в основном поляков и советских военнопленных, а также некоторое количество немцев. Максимально лагерь вмещал 47 тыс. чел. По объективным оценкам, ок. 50% из числа зарегистрированных заключенных и большинство поступавших туда без регистрации погибли. После 2-й мировой войны 1939—45 в З. содержались политзаключенные Германской Демократической Республики.

Маутхаузен. (Mauthausen), концентрационный лагерь в Австрии, создан в 1938, освобожден в мае 1945 г. Строго говоря, М. не был лагерем смерти; вместе с тем 2/3 из 200 тыс. его заключенных погибли (казни, тяжелый труд, бесчеловечное содержание, голод, болезни). В начале войны сюда сослали небольшое количество евреев — среди узников преобладали немецкие политзаключенные, республиканцы Испании, советские солдаты, а также военнопленные из различных стран Европы. В 1944 немцы перевели в М. многих еврейских узников из Освенцима, Плашува и Гросс-Розена; в 1945 — из эвакуируемых лагерей Берген-Бельзен, Бухенвальд и Дора-Миттельбау.

Равенсбрюк. (Ravensbrück), самый большой концентрационный лагерь к северу от Берлина. Создан в 1939 как лагерь для женщин, однако в апр. 1941 неподалеку был открыт небольшой мужской лагерь, формально относившийся к лагерю Заксенхаузен, через него в войну прошли ок. 20 тыс. узников. В 1942 в Р. содержались 11 тыс. заключенных, к 1944 их численность выросла до 70 тыс. Всего через лагерь прошли 106 тыс. женщин, в большинстве не еврейки (польки, русские, цыганки и др.). Тысячи женщин погибли из-за непосильной работы, скученности, грязи и голода. Многие были расстреляны, отравлены газом (после сооружения газовых камер в начале 1945 г.) или умерли в ходе т. н. медицинских опытов — хирургических операций, ампутации, заражения гангреной и стерилизации. В марте 1945 лагерь частично эвакуировали, и 24 500 зак-

люченных были отправлены в Мекленбург. В процессе эвакуации 3 тыс. женщин были переданы Красному Кресту или освобождены. Сам лагерь освобожден 30.04.1945.

Собибор. (Sobibor), лагерь смерти, основан в 1943 г. на Юге Польши, близ Люблина. В газовых камерах С. нашли свою смерть 500 тыс. евреев и узников др. национальностей, депортированных из Польши, Австрии, Чехословакии, Франции, Германии, Нидерландов и Словакии. Летом 1944 г. в С. вошла Красная Армия. К тому времени все заключенные были уничтожены, охрана эвакуирована, а следы массовых убийств большей частью ликвидированы.

4. Нетрадиционные представления об истории принудительного труда

В белорусской историографии непосредственно авторские воспоминания бывших жертв нацизма привлекают к себе особое внимание. По условиям нахождения в местах принудительного содержания как на территории Беларуси, так и за ее пределами можно разделить на три группы: первая – узники лагерей смерти, вторая – узники концентрационных лагерей, гетто, третья – принудительные рабочие. Принятые среди историков классификационные характеристики мест принудительного содержания в некоторой мере помогают систематизировать материалы. Вот некоторые реалии повседневности:

Выбор. Вот как описывает районный уполномоченный по сельскому хозяйству в Воложине о действиях батальона **Дирливангера**, где даже сотрудничающие с оккупационными органами наравне с другими категориями населения были угнаны на принудительные работы: «*Из этого населенного пункта* (Першай. – *К.К.*) *были направлены в империю на трудовые работы следующие лица: все работники государственного хозяйства, все служащие общинного управления, все рабочие и служащие молочного завода, а также все трудоспособное население этого населенного пункта.*

Мои просьбы оставить людей, необходимых для дальнейшей эксплуатации государственных хозяйств и молочного завода, а также для управления общиной, оказались безуспешными. Освобождены лишь бухгалтер и заместитель бургомистра, а члены их семей (женщины) не освобождены. Весь находившийся в стойлах скот был застрелен, сожжен или же уведен в качестве трофеев батальона Дирливангера».

Самые различные обстоятельства влияли на решения о выезде в Германию. Кто-то был запуган оккупационными властями, кто-то поверил пропаганде, а кто-то решил испытать судьбу.

В основном мирное население на протяжении первых полутора лет забирали планомерно, а 1943–1944 гг. хватали всех во время массовых

карательных акций, особенно из партизанских зон. Практически ничто не могло служить обоснованием для изменения решения оккупационных, особенно карательных, органов о массовом принудительном труде на благо германской нации и ее победы.

Как попали жители Беларуси в Германию, по какой причине и поводу? Много причин и обстоятельств. Вот некоторые из них. Бывшая узница Александра **Злобич** вспоминает: «

Война вносит первые жизненные перемены. Евгения **Автюхович** (1927 г.р.) уже с первых дней войны обращает вынимание на трагические перемены в жизни «*Отец сильно заболел и больше на работу не ходил. А вскоре умер. Мама после смерти отца работала на хлебопекарне, но жить было тяжело, голодали. Жене в это время исполнилось 5 лет, а младшей сестренке было 4 года*». Зоя **Давыденко** (1937 г.р.) еще до начала войны живет в ожидании худшего «*Мой отец, не успев прийти в 1939 г. с финской войны в 1941 ушел обратно защищать Родину. Отца я почти не запомнила, помню только как моя мама провожая его последний раз, в 1941-ом позвала нас с сестрой и сказала − «Попрощайтесь детки, кто знает, может быть уже и не увидимся...» До сих пор от этого воспоминания накатываются слезы на глаза... А отец так и не вернулся...*». Валентина **Школьникова** (1937 г.р.) узнает трагедии позже «*папа в 1941 г. ушел на фронт. В августе 1944 г. он погиб*». Далее «*Зимой с 1943 на 1944 г. мою маму убили немцы выстрелом в голову, я помню всю жизнь − не могу забыть ее окровавленную. Где ее похоронили, мы не знаем. После смерти мамы нас осталось четверо детей, старшему было 11, младшему 3 года, мне 6 лет, а среднему 9 лет*». Лариса **Алесандренко** (1937 г.р.) по словам своей мамы так определила начало войны. «*Отец, уходя по тревоге, успел только сказать маме, чтобы она с нами уезжала к своим родным в Витебскую область. И еще добавил: «Если что со мной случится, Советская власть вас не оставит». Больше мы его уже никогда не увидели! Уехать с нами на свою родину мама не успела, да и не на чем было. По рассказам мамы, чтобы хозяева не выгнали нас, приходилось отдавать им многое из вещей. Чтобы не умереть с голоду, работала у крестьян на разных работах − все умела делать*». Павел **Борода** (1925 г.р.) испытывая удивление, потом находит ответы на перемены. «*А что такое война? Вроде что-то слыхали... И в первый же день на его глазах — убийство. Убили человека выстрелом из танка. Останки похоронили прямо в поле».*

Дом сожжен, остаемся одни. Малолетние Ольга и Константин **Гуленковы** − жители д. Копани (Чаус. р-н) так начинают свой рассказ

Мария **Камоцкая** из д. Боханы (Хотимский р-н) вспоминает: «*Вот уже в самом начале войны погиб отец, дом сгорел. Мама жила с детьми в землянке*». Людмила **Ромашкевич** (1931) из д. Колоницы Заславского района остается без средств существования. «*В начале 1943 г. фашисты сожгли деревню и расстреляли родителей, мы с сестрой остались живыми. До конца*

1943 проживала в г. Минске. В конце 1943 была арестована вместе с хозяевами, которые меня приютили».

4.2 Начало пути. Лариса **Александренко** (1937 г.р.) впечатлена первыми шагами этапирования «*Помню, как это было. Немцы и полицаи в большие узлы связывают наше имущество, даже мое красивое выходное платьице летит в общую кучу. Мы от страха все плачем, а мама говорит: «Плачьте-плачьте, может, что-нибудь оставят». Затем посадили нас на подводы и повезли в гетто местечка Чернавчицы Брестского района*». Далее в письме к маме продолжает ее подруга Мария **Науменко**. «*Когда нас из Яцкович привезли в гетто, поселили в доме с разбитыми окнами и дверями, он (мой брат Витя) сказал, плача: «Мамочка моя, мы же не убивали, не воровали, за что нас сюда садят?) Мы все плакали. Была жуткая картина. Страшно вспоминать: двухметровая колючая проволока, полицейский с автоматом возле ворот. Это до смерти не забудется*». Что касается Любы **Бедулиной** (1927 г.р.), то «*девочка оказалась натурой не только свободолюбивой, но и способной реализовывать на практике свои замыслы: удирала один, второй и третий раз. Смелости и упорства ей было не занимать. Только на четвертый раз девочку смогли увезти в Германию. Пришлось смириться с этой участью*».

О потерях во время пути. Наиболее драматичным для многих оказался путь как на вокзал, так до места назначения. Вот некоторые из них. Вера **Антоневич** (1927 г.р.) «*Погрузили в товарные вагоны и повезли в Германию. Пищи ни какой, ни воды, а трупы в пути не выбрасывали. Это уже произошло на территории Польши. Так нас привезли на станцию Аушвитц*».

Отбор и новые впечатления. Нередко в новых условиях многие не выдерживали. По свидетельству Ивана **Антонова** и Петра **Быкова** в Крынках - месте нового расположения вывезенных из Витебска причиной расстрела явилось то, что

Подготовка к работе, обязанности и первые впечатления. В незнакомые места попадали вывезенные на принудительные работы жители Беларуси. Татьяна **Ельская** (1926 г.р.) проехав Белыничи – Могилев – Галле – Анабург считала что быть в землячестве будет легче «*В этом самом городе (г. Галле – К.К) нас не кормили, поэтому приходилось осматривать мусорные баки. И тогда мы заболели тифом. Нас определили в больницу, вылечили и отправили в г. Анабург. В этом городе мы находились с 10 июня по 24 апреля 1944 г. Один мужчина сказал нам, чтобы говорили, будто мы родственники, тогда нас будут держать вместе. Нас было семеро: три девушки, двое парней и двое мужчин. Все мы из одной деревни были. Когда нас привезли в г. Анабург определили на лесоразработку*». Одна из них, Вера **Антоневич** рассказывает: «*Потом ничего не оставалось как голодной ложиться спать. Но нам помогали прежде всего итальянцы. Какие это хорошие и добрые люди. Они получали посылки через*

Красный крест. Так вот, макароны они обворачивали в тряпку, заливали ее кипятком и несколько времени держали что бы макароны распарились и их можно было есть. Бросали через проволоку. А мы были рады такому подарку».

Особые приметы и новые традиции. На новое прибывшие сразу же обращали внимание. Зачастую в поле их зрения попадали повседневные, но необычные вещи и представления. Роман **Волчков** (1927 г.р.) неожиданно для себя ощутил одну из особенностей в отношении.

Жизнь в неволе и язык общения. Нередко узники становились свидетелями трагедий, которые больше всего им запомнились. Так **Александренко** в гетто Черновчиц «как-то возвращалась с работы и увидела такую картину: мимо проехал полицай на велосипеде, за ним бежит привязанная девочка-еврейка − у нее уже появилась пена изо рта».

». Своеобразные женские истории передают слова переписки из мест принудительного содержания. Они, как правило, написаны девушками или обращены к женщинам – матерям, сестрам, и в основном передают личностные ощущения, печаль, тоску посредством особого поэтического языка.

Люба **Мацкевич** (1927 г.р.) выделяет случай «*За то, что послушалась немецкую женщину, надсмотрщик чуть не убил*».

Свидетельства о гибели. Алимпиада **Букина** (1932 г.р.) была свидетельницей гибели от болезней и непосильной работы «*Есть было нечего, многие умирали от голода, от болезней. Кормили все брюквой. Когда заболела дифтерией сестра Галина, то приезжал на санитарной машине врач. На нем был одет белый халат. Вот тогда и увезли сестру, но она вскоре умерла. Мама работала там же уборщицей. И ей было непросто нас поддерживать. Вот в 1945 г. она родила Аню, но та, по возвращению домой, умерла… Особенно нам всем запомнился случай угона самолета нашими военнопленными. У одного из них была девушка Люся. Она ожидала ребенка, но тоже должна была с ними убежать. Но как рассказывали не успела она сесть в первый самолет, а во второй. Тот так и не взлетел. Вот ее одежду нашли в самолете и службы сразу же выяснили кому она принадлежит. На утро три человека ее забрали в тюрьму. Там она родила ребенка, но перед освобождением лагеря гестаповцы успели ее повесить вместе с ребенком. Тому уже было шесть месяцев. Это я с мамой видела. Да и многие ходили смотреть на такую страшную картину*». Валентина **Черникова** (1933 г.р.) говорит, что «*Люди страдали от голода. А у Валентины помимо всего этого заболела маленькая сестра, которой было всего три года. И для того чтобы ее спасти Валентина стала убегать из лагеря в город, где она и еще несколько детей просили милостыню. Но не смотря на все ее старания маленькую сестренку спасти не удалось. Но делать уже было нечего, требовалось выживать дальше и с потерей сестры пришлось смириться*». В Дахау Тамара **Карасева** (1938 г.р.) после медицинских уколов смогла вылечиться,

но в отношении других... «*Мы же жили в бараках, где стояли двух, трех ярусные нары. Взрослых и детей постарше гоняли куда-то на работу. Детям в лагере делали уколы, однажды после очередной инъекции, которую делали якобы от коклюша, к утру умерло много детей*». Лидия **Махова** (1932 г.р.) стала свидетельницей смерти не только тех, кто рядом был, но и своих родных. «*Потом заболели бабушка, тетя, мама и я. Да и немудрено было заболеть в таких условиях: клопы, холод, голод. Ведь сейчас даже представить нельзя, что за девять месяцев лагеря мылись один раз и то, как загнали нас в душевую и включили холодную воду, а потом кипяток. Всех заболевших тифом поместили в отдельный барак. Там нас пытались лечить, но даже воды не было… Бабушка умерла, и ее похоронили в большой общей могиле. Это кладбище находится в лесу, рядом с деревней Березовка и лагеря, там захоронено 88 402 человека гражданского населения военнопленных… В это время заболел дедушка. В бараке было мало народу, но была медсестра (русская) и какой-то угол, где она сидела. Я подошла к ней и попросила помочь дедушке и она помогла. Сделала укол дедушке, он вздохнул три раза и умер. Пролежал дедушка мертвый на нарах рядом с нами несколько дней, пока его не забрали на кладбище. Там они все и лежат, но только в разных могилах*». Нина **Напреенко** (1934 г.р.) с семьей жила в лесу, отец воевал в Берлине. Когда их забрал в Озаричи, то «*мать, бабушка и две сестры погибли в лагере смерти*». Валентина Прилуцкая (1933 г.р.) «*Привезли нас в шталаг 342 г. Молодечно. Помню как я держалась матери. Помню как маму, где-то под осень в 1943 г., расстреляли фашисты, а я и сестра Анна плакали у ее тела. Мама бала молодой и красивой, у нее была большая коса. Вот такой у меня она в памяти и осталась*».

Немало свидетельств гибели из-за бомбежек. Так, Александра **Корзун** (1930 г.р.) свидетельствует, что в Гамбурге. «*В лагере, где я была, каждую ночь была бомбежка, но одна ночь мне запомнилась на всю жизнь. В эту ночь пленные, как и всегда, полезли в подвал и вдруг, раздался взрыв − это была очередная сброшенная с самолета бомба. Когда выжившие люди оправились от шока, в этом подвале уже были надзиратели. Там погибло 147 человек. То, что осталось от убитых немцы сами с большего собрали, а части тел погибших, которые от взрыва разлетелись в разные стороны, собирали пленные*». Люба **Мацкевич** свидетельствует «*Каждую ночь были бомбежки. Не успевали люди лечь по команде «Отбой», как снова была «Тревога». И так всю ночь. Двух подруг убило бомбой, а одну покалечило*».

Дети рожденные в Германии. Нередко депортированные беременные женщины из-за страза скрывали свое положение. Далее все зависело от воли властей. У других, которые проживали семьей, в нарушении запретов во время работ рождались дети. Так, Леокадия **Пунинская** появилась на свет 12 сентября 1944 г. в имении Печендорф (Восточная Пруссия). «*С 6 октября 1943 г. мать и брат были высланы в Германию, где и была рождена, но местом рождения записан г. Толочин*».

4.3 Возвращение. Ожидаемая скорая свобода нередко сменялась на тревожные чувства и неизвестность. И если некоторые благополучно миновали границу и добрались домой к родным, то для других путь мытарств и унижения только начинался. Вот один из, возможно, нетипичных примеров. Люба **Поминова** говорит, что еще под Мюнхеном им предлагали уехать и работать, но дети без родителей не согласились. В Польше «». Галина **Галуза** мало, что помнит, но это не забывает: «».

Светлана **Шевцова** (1937 г.р.) у которой был репрессирован отец в 1939 г., а сама с мамой покинула Москву в надежде выжить. «».

Валентина **Янович** выделяет особо характерность в общении с работниками НКВД и американским офицером. «*Потом было обычное разбирательство, сидели советский офицер и американец, спрашивали, куда везти: в Америку или на Родину. Мать сказала: «Откуда взяли, туда и везите». Мы думали, может, отец жив, хотели его найти. Потом узнали, что он пропал без вести. Так мы на поезде вернулись в Минск, где и остались жить*».

Злые и добрые хозяева. Новый дискурс о добрых немцах. Феодосия **С**. из Бреста во время принудительных работ на железной дороге была многократно изнасилована начальником и солдатами. Ей в принудительном порядке был произведен аборт. После войны она никогда не говорила, и начала рассказывать об этих событиях своей молодости в кругу семьи лишь после смерти своего мужа. Мира **Разина** (1937 г.р.) хорошо помнит страшные примеры насилия «*Стояли у нас СС и финны. Вот однажды солдат легко проник через окно на первом этаже и пытался изнасиловать сестру. Или же когда мы с подружкой сидели на крылечке дома, то напротив нас останавливается солдат и открыто справляет нужду. Это так, когда не считают нас за людей. Так же бессовестно пытался изнасиловать сестру солдат, который влез в окно… Однажды бабушку так сильно ударили. Она оказала сопротивление, когда немец из охранников пытался изнасиловать маму. Я кричала. Потом ее увезли в больницу, а я бежала за машиной рядом*». Большинство свидетелей таких поступков не рассказывают об этом даже своим родным и близким. Эта тайна белорусских женщин уходит вместе с ними.

Вместе с тем практически в каждом личностном повествовании свидетелей имеется эпизод и о добром к ним отношении. Ранее такие примеры прятались в редакторских столах, и подобные мысли на долгое время исчезали. Сейчас положение другое. Вот некоторые из них. Вера **Потапчик** «*Хозяйка была душа. Оберегала нас и когда у меня нарыв на пальце был, то она повела меня в военный госпиталь. А там как обычно хотели отмахнуться, но вынуждены были сделать разрез и гнойник был обработан. Дело пошло на поправку. Звали ее Фанни Краус, хозяина – Петер. У них были дети – Альберт, Роппи и Педал, а вот четвертого не помню уже. Она так переживала из-за такого плохого отношения к нам русским*». Тамара **Карасева** (1938 г.р.)

не может забыть простую немецкую кухарку. «*Очень гуманно, что кухонная работница (кстати, немка) каждое утро приносила мне и ставила на тумбочку для меня стакан горячего молока и кусочек хлеба. Правда, я ни разу его не выпила, мне не хотелось, вероятно, из-за своего состояния болезненного. Ведь были кости и кожа, так говорила мама*».

Я осталась жива, но где мои родные и близкие? Иван **Корхов** (1935 г.р.) считает, что дети помогали в таких тяжелых условиях лагерной жизни Билифельда выжить другим «».

Одна из пятерых Людмила **Мельникова**, потеряв отца подпольщика, после Освенцима попав в детский лагерь и там после тифа умирает сестра. Она не знает, что с другими после освобождения лагеря. «». По словам Ивана **Антонова** и Петра **Быкова**, чудом уцелевших «». Галина **Трезкова** находилась на территории Беларуси в лагере д. Пески. Ее мама была вывезена в Равенсбрюк. После освобождения лагеря «».

О том насколько было тяжело детям-сиротам рассказывает Нина **Шендрик** (1928 г.р.) «».

Страх, опасения за то, что был в Германии. Своим спасением Павел **Борода** (1925 г.р.) обязан крепким здоровьем. Сначала оно помогло на работе в шахте недалеко от Франкфурта, затем «И дорога прошла мимо родного села, завела прямиком в Сибирь, опять в шахты. Только теперь уже не в немецкие, а в свои — советские. Долгие годы каторжного труда — и это вынес. Крепкий был, и до сих пор крепкий. Вернулся домой».

Раздел 2. Свидетельства

Воспоминания бывших принудительных рабочих представлены в алфавитном порядке. Оригинальный стиль текстов сохранен, за исключением незначительных стилевых и грамматических исправлений. Набор текстов произведен К.И. Козаком, анкетные данные обработаны О.В. Янкович. Фотографии бывших узников собраны составителями, отсканированы и подготовлены к печати К.И. Козаком. Тексты, фотографии, документы, интервью, записанные на магнитные и цифровые носители, находятся в архиве Исторической мастерской. При перепечатке или частичном использовании материалов указаны первоисточники или литература *(ред. – К.К.).*

Автюхович Евгения Васильевна

2.05.1927, д. Черея Чашницкого р-на Витебской обл.

Семья была большая. Мать смотрела троих детей, а отец ловил рыбу. Однажды он провалился под лед. Домой пришел обмерзший. Отец сильно заболел и больше на работу не ходил. А вскоре умер. Мама после смерти отца работала на хлебопекарне, но жить было тяжело, голодали. Жене в это время исполнилось 5 лет, а младшей сестренке было 4 года.

Наступило жаркое лето 1941 г. Немцы оккупировали всю Беларусь. Все с ужасом ждали, что же будет. Старший брат ушел в партизаны. Мама с детьми остались дома.

В 1944 г. немцы приехали к нам в село, согнали всех в сарай и оставили там ночевать. Затем отобрали детей, в том числе и нас (Жене уже было 14 лет) и погнали на станцию, где посадили в поезд. Ехали долго в закрытых вагонах. Открыли вагоны уже на новом и не знакомом месте. Оказалось, прибыли в Германию в г. Байтен. Тут и продали нас немецкой семье. К хозяйке мы попали вместе с девочкой из моего села. Кроме нас у немцев работали и другие. Еды не хватало, кормили плохо и то один раз в день. Бывало, что еду даже крали. Тут я научилась доить корову. Но хозяйка все контролировала. Бывает, слышишь, что хозяйка отойдет, у нее были ботинки деревянные, то и отопьешь немножко молока из ведерка. Даже, когда толкли пареный картофель свиньям, хозяйка ходила и смотрела чтоб не кусочка не взяли. Но когда она отходила, то я хотя бы кусочек успевала закинуть в рот ... Вот так и ели. И так прошло четыре месяца. А затем попали в лагерь. А там еще ужаснее.

Освободили нас в феврале 1945 г. Победу я встретила в части с полевым № 136. Привезли нас домой. Вот и тут для того что бы выжить − искали только еду. В Минск приехала 1947 г. и понемногу стала жизнь налаживаться. Поступил в институт и стал учителем.

Александренко (Коробко) Лариса Алексеевна

13.11.1937, м. Посадец Плещеницкого р-на (ныне Логойский) Минской обл.

Родилась я на границе с Польшей. Отец – Коробко Алексей Николаевич, служил там начальником погранзаставы, так как это была граница в то время. Мама работала в школе. В нашей семье было двое детей, у меня был старший брат Виталий (1936 г. р.). Маму − Марию Никифоровну, после окончания Оршанского педтехникума прислали сюда на работу в начальные классы, но так как она очень хорошо владела белорусским языком, сразу стала работать в старших классах. Когда я просила маму рассказать что-нибудь о моем месте рождения, она мне всегда говорила: «Гордись, ты родилась на родине известного белорусского писателя − Змитрака Бядули».

Затем отца по службе перевели в Тимковичский погранотряд (это в Копыльском р-не Минской обл.). 17.09.1939 г. Тимковичский погранотряд участвовал в освобождении Западной Белоруссии, и отец перевез нас к себе в Брест. Служил он в 17-м Брестском Краснознаменном погранотряде. В конце 1940 г. получил назначение начальнику погранпоста в д. Яцковичи (это сейчас Каменецкий район Брестской обл.). Перевез нас к себе на самую границу.

Мама вспоминала, как бойцы говорили: «Какая биография будет у детей!» Видимо потому, что время было очень тревожное, а семья была такая сплоченная. Мама и отец всегда выступали вместе в художественной самодеятельности. Отца бойцы очень любили и уважали. В бывшем помещичьем имении, где должна была располагаться застава, шел ремонт, и мы в это время жили в д. Яцковичи в доме у местных крестьян, а затем − уже на самой заставе. Помню, как отец катал меня на велосипеде, а брата Витю за какой-то проступок не стал катать. Здесь, на границе, мы встретили 22 июня 1941г.

В своих воспоминаниях я буду ссылаться на рассказы мамы и старшего брата Виталия, так как мне в начале войны исполнилось три года и семь месяцев, а моих близких уже нет в живых и их рассказы больше никто не услышит.

Отец, уходя по тревоге, успел только сказать маме, чтобы она с нами уезжала к своим родным в Витебскую область. И еще добавил: «Если что со мной случится, Советская власть вас не оставит». Больше мы его уже никогда не увидели! Уехать с нами на свою родину мама не успела, да и не на чем было. По рассказам мамы, чтобы хозяева не выгнали нас, приходилось отдавать им многое из вещей. Чтобы не умереть с голоду, работала у крестьян на разных работах − все умела делать.

К нам сюда, в д. Яцковичи, пришли еще несколько семей пограничников из м. Волчин, где стояла комендатура, в том числе и семья старшего лейтенанта Науменко Игнатия Ивановича: Науменко Мария Яковлевна с двумя маленькими сыновьями − Сашей и Жорой. Через год, в июне 1942 г., после того как выявили всех «восточников», нас увезли в гетто.

Помню, как это было. Немцы и полицаи в большие узлы связывают наше имущество, даже мое красивое выходное платьице летит в общую кучу. Мы от страха все плачем, а мама говорит: «Плачьте-плачьте, может, что-нибудь оставят». Затем посадили нас на подводы и повезли в гетто местечка Чернавчицы Брестского района. Какую картину мы там увидели, об этом есть воспоминания Науменко Марии Яковлевны, она описывает пережитый ужас в письме к моей маме, с которой она после войны переписывалась. «Когда нас из Яцкович привезли в гетто, поселили в доме с разбитыми окнами и дверями, он (мой брат Витя) сказал, плача: «Мамочка моя, мы же не убивали, не воровали, за что нас сюда садят?) Мы все плакали. Была жуткая картина. Страшно вспоминать: двухметровая колючая проволока, полицейский с автоматом возле ворот. Это до смерти не забудется».

На основании этой переписки, личных встреч с самой Марией Яковлевной я записала ее воспоминания, хотя она с трудом соглашалась говорить о том времени. Об этом периоде нашей жизни в Музее мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» есть воспоминания моей мамы, а также в музее хранятся личные моего отца (которые маме удалось закопать и они кое-как сохранились), а в экспозиции музея есть фотографии моего отца. О женщинах и детях Брестского гарнизона и пограничной полосы в 2008 г. вышла книга писательницы А.А. Гребенкиной «Живая боль» (которая успела еще в 1986 г. записать воспоминания моей мамы перед самой ее смертью).

Из периода нахождения в гетто у меня самой сохранились отрывочные воспоминания, так как мне было всего 4,5 года, когда нас туда привезли. А были мы там до освобождения более двух лет, поэтому период с конца 1943 по 1944 год помню уже лучше. Главным из этих воспоминаний был страх. Как сейчас помню колючую проволоку, за которой мы находились и выйти оттуда не могли. Вижу – по мостовой, которая находится на уровне моей головы, проходят люди, идет ребенок, на ногах у него резиновые блестящие галошики. И так мне захотелось, чтобы и у меня были такие же! Помню, как у детей глисты лезли прямо изо рта.

Часто утром видели пятна крови на снегу, и помню разговоры взрослых, что опять ночью был расстрел. Стрельба по ночам была постоянной. Брат рассказывал, как в гетто часто приезжала машина, которую все называли душегубкой. Иногда (уже позже, когда матерям стали давать разрешения на работу в радиусе 3–5 км), как рассказывал мой брат, детям разрешали в ближайшей деревне просить милостыню (побираться). Видимо, оттуда у меня сейчас такой характер: я никогда ничего не прошу, а только стараюсь помочь людям, чем могу.

Не выходит из головы рассказ мамы. Как-то она возвращалась с работы и увидела такую картину: мимо проехал полицай на велосипеде, за ним бежит привязанная девочка-еврейка – у нее уже появилась пена изо рта. Эта картина, после рассказа мамы, до сих пор и у меня перед глазами. Помню, как однажды зашли к нам немцы и о чем-то разговаривали с женщинами, детей угостили леденцами. Когда мама у меня потом спрашивала, что я помню о том времени, я ей рассказала об этом случае. Она объяснила так: было это уже в конце войны, немцы отступали. Несколько пожилых немецких солдат зашли в гетто, говорили женщинам, что они простые рабочие, не хотели воевать и говорили: «Гитлер капут, скоро, мол, вас освободят».

Все время была боязнь потерять маму, я еще долго после войны от нее не отходила ни на шаг.

Из детей, которые были с нами в гетто, хорошо помню Болычеву Эльвиру, Щербаковых Женю и ее брата Алика. Женя была очень рыжей и старше нас. Также очень хорошо помню Жору – сына Марии Яковлевны Науменко, детей Александры Ивановны Клещенок – Зину, Майю,

Валю и сына Ледика (это был семья директора Чернавчицкой средней школы)

Освобождение помню очень хорошо, мне было уже 6 лет и 8 месяцев. Было лето 1944 г. Стоял страшный грохот, взрослые говорили, что бьет наша артиллерия. Ночью над м. Чернавчицы висели фонари, было светло, как днем. Затем опять артиллерийский обстрел. Однажды утром проснулись − тишина, немцев нигде нет, только полицейские мечутся в панике. Все разбежались − кто куда. Мы с мамой спрятались за каким-то домом, в высокой траве. Сидели долго, а потом мама послала брата в разведку − узнать, что делается в местечке. Брата долго не было, мама очень волновалась. Затем он пробрался к нам, запыхавшись, и рассказал, что полицейский его поймал, спрашивал, где мать, но Витя сумел от него убежать. Кругом слышны были выстрелы.

Днем в Чернавчицы вошли наши танки. Как мы за ними бежали, плача от радости! Этого никогда не забыть... А во дворах домов увидели печальную картину − там лежали наши убитые красноармейцы. Одного запомнила особенно хорошо − он держал огурец в руке. Я бежала за братом, перелезая через забор, упала и разбила на правой руке локоть (чашечка раскололась пополам). Вылечил меня, как рассказывала мама, местный фельдшер «Сорока». Все здесь его так называли. На самом деле его фамилия была Сорочинский Иосиф Игнатьевич, он спасал еще в первые дни войны наших раненых красноармейцев, которые затем ушли к своим и некоторые из них уже после войны приезжали к нему в гости. Он был награжден медалью «За отвагу». Мама рассказывала, что его большая заслуга в том, что мы остались живы.

После проверки, кто мы и откуда, мама устроилась работать на мельницу, чтобы нас подкормить, а затем, узнав, что она учительница, ее вызвали и направили работать в Чернавчицкую среднюю школу с 01.09.1944 г. Уехать, как сделали некоторые из оставшихся в живых, нам было некуда. На письмо мамы, отправленное родителям в Дубровинский район Витебскую область, ответа мы не получили. И только весной 1945 г. мы получили письмо от родных мамы из Слонима и узнали как они там оказались.

9 мая 1945 г., когда вокруг было всеобщее ликование, мы обнялись втроем, сильно плакали. Понимали, что отца мы ужен никогда не увидим. Летом 1945 г. к нам в Чернавчицы приехала тетя

Настя − младшая сестра мамы, тоже учительница (впоследствии она стала Заслуженным учителем БССР). Из ее рассказа мы узнали о трагедии, постигшей всю нашу семью. Оказалось, что родная деревня мамы Русаны в Дубровинском районе была сожжена немцами, а жителей, в том числе и всех женщин нашей семьи вместе с четырьмя детьми, немцы гнали впереди себя, заставляя копать окопы под обстрелом. Так они оказались осенью 1943 г. в лагере на станции Лесная, что в Барановичском районе. Затем они каким-то образом смогли оттуда выбраться и их приютила семья в д. Чемери под г. Слонимом. Во время этих мытарств один ребенок умер. Здесь их и нашли дедушка Никифор Захарович и муж старшей маминой сестры Елены − Трифон Шалатонин, которые были в партизанах. Из г. Слонима Трифон Шалатонин ушел на фронт и погиб под Варшавой. Так что в нашей семье в живых остался только дедушка, участник Первой мировой и гражданской войн, который тоже вскоре после войны умер.

В школу из-за болезни я пошла уже в 1945 г., а брат Витя в − 1944 г., ему исполнилось в июле 8 лет. Я тоже очень просилась взять меня в школу, но сильно болела, и мама говорила, что меня спас военный врач. Маме дали комнатку при школе, где мы и жили, а затем пришлось жить у хозяев, когда в школу приехал директор с семьей, и нам пришлось оттуда выбираться. В Бресте, где мы жили раньше, квартира уже была занята. В общем, началась трудная послевоенная жизнь без отца. Но мы учились хорошо, помогали во всем маме, ведь она работала в сельской школе.

Я окончила среднюю школу с серебряной медалью и в 1955 г. поступила в БГУ на исторический факультет. Имею двух дочерей и внучку.

Минск, 2010

Ананич (Кудина) Анастасия Евгеньевна

4.04.1931, д. Дубновичи Пинского р-на Брестской обл.

ФИЛИАЛ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ в г. Пинске

гр-ке Кудин Анастасии Евгеньевна

АРХИВНАЯ СПРАВКА
от 1 декабря 1992 г.

В архивном фонде отдела переселения и репатриации исполкома Пинского областного Совета депутатов трудящихся в демографических данных на граждан СССР, возвратившихся из немецкой неволи в Пинскую область за 1945 год значатся:

Кудин Евгений Моисеевич,
Кудин Агрипина Трофимовна,
Кудин Ивен Евгеньевич
Кудин Маланья Евгеньевна,
Кудин Анастасия Евгеньевна,
Кудин Вера Евгеньевна,
Кудин Михаил Евгеньевич,
Кудин Григорий Евгеньевич,
Кудин-Адам Евгеньевич.

Возвратились домой в августе 1945 г.

Основание: Ф. 710, оп. I, Д. 5, л.43; Ф . 710, оп. 1, д. 20, л. 283.
Дата, когда Вы были вывезены в документах архива, не указана.

Директор филиала госархива

Антоневич Вера Дмитриевна

27.02.1927, д. Перевалочня Витебской обл.

Началась война, мы всей семьёй попробовали уйти на восток, но не дошли даже до города Орша. Немцы нас опередили, и мы вынуждены вернутся. Дома, где мы раньше жили, заняли немцы, а мы вынуждены делать землянку. Отец был членом партии. Вот он Дмитрий Павлович и сестры ушли в партизанский отряд.

Отступая в 1943 году, немцы стали зверствовать, и нас с сестрой Мариной и Лидой арестовали и повезли в Толочинскую тюрьму. Мою сестру Марию при попытке бежать из Толочина отправили сразу в Германию, а меня и Лидию долго держали в номере Толочинской тюрьмы, где гестаповцы пытали дважды. Они даже возили в Матиевский лес на расстрелы. Это как, позже мы узнали, они выбивали признание, где партизаны. И вот, в декабре, 30 декабря нас из Толочинской тюрьмы погнали на железный вокзал в Толочине, погрузили в товарные вагоны и повезли в Германию. Пищи ни какой, ни воды, а трупы в пути не выбрасывали. Это уже произошло на территории Польши.

Так нас привезли на станцию Аушвитц. Находились не менее месяца. Жили в бараках, но нигде не работали. Еда была водянистой. Одежда та, в которой мы нас забрали из дома. Смрад от печей и крики. Вот что помниться. Наверное, поскольку немцы отступали, то Освенцимские печи не успевали справляться. Нас, где-то в феврале 1944 года снова загрузили в товарные вагоны и привезли в другой лагерь Дахау. Тут нас с бирками сфотографировали. У меня был номер 3926. Дальше, там в лагере, находилось до нас тысячи таких как мы, но мы могли сами передвигаться. Там также я провела несколько месяцев. Жили в бараках. Питание никакое. Одежда старая. На работы нас не водили.

Вот и отправили нас в г. Берхтегаден. Образовали женский лагерь. Туту и полячки, украинки, русские и белоруски. Но нас, да и мы все друг-друга и своих называли русскими. Мужчин не было. Они также там были, но жили и работали отдельно от нас. У них свой лагерь за колючей проволокой. Город с гористой местностью. Сначала убирали снег. А потом делали из песка, цемента и воды блоки. Процесс был таков. Вода подвозилась в машинах. Такие как молочные машины. Вот ее надо было в ведрах принести к форме. Туда, таким же образом засыпали песок и цемент. Перемешивали вручную. Все это было тяжелым, где-то 60–70 килограмм. Форму мы переносили в другое место для того, что б она постояла 3–4 дня. Это была сушка. После этого форму надо было переворачивать. Плиты выпадали из формы и их, уже готовых, на носилках мы переносили на место хранения. Здесь я должна сказать, что на такой работе использовали женщин от 16 до 20 лет. Мы же молоденькие. То знаете какие болезни были? Кроме тяжелого состояния, когда теряешь сознание, тут мне не совсем удобно здесь об этом говорить - это женские болезни. Открывались кровотечения. А условий никаких не было для лечения. Надсмотрщики стояли и били палками за любую провинность, да и когда, если кто-то пробовал не работать или симулировать. Правда, нас время от времени проверяли врачи. Измеряли давление. А другого, пожалуй-то, и не было ничего.

Питание было таким. Водичка с кусочком хлеба на весь день. В обед привозили гнилую брючку. Вечером снова какая-то жидкость и тот же кусочек хлеба. Многие, в том числе и я, съедали этот хлебушек или утром или во время обеда. Потом ничего не оставалось как голодной ложиться спать. Но нам помогали прежде всего итальянцы.

Какие это хорошие и добрые люди. Они получали посылки через Красный крест. Так вот, макароны они обворачивали в тряпку, заливали ее кипятком и несколько времени держали что бы макароны распарились и их можно было есть. Бросали через проволоку. А мы были рады такому подарку.

А жили мы в конюшне на нарах трехъярусных. И в ту пору было очень холодно. А одежда была легкая, из крапивы. На работу надо было рано подниматься. Подъем в полседьмого. Под охраной двух надсмотрщиков водили на работу. И так каждый день. Один из надсмотрщиков был лютый и часто бил. Другой был добрый. Мы сильно страдали. Что интересно, что готовые блоки вывозили на строительство как потом нам объяснили атомного центра.

Мало кто знает, что и в те далекие и военные времена шла разработка и подготовка к строительству и введению атомных центров. Вот на таком мы и работали. Эти блоки грузили на машины. Работа очень тяжёлая, кормили. Немцы зверствовали очень жестоко. Блоки, которые мы делали, обкладывали вход завода, который был в горах. Помниться, что это была арка. Она была красивая. Нас в 1945 г. очень сильно бомбили. Не раз думаешь, вот у тебя кусочек хлеба на целый день. А зачем он будет нужен если убьют. Вот и кушали его сразу, а потом наступал голод. Смотришь на других, которые так не делали и завидуешь. В конце отношение к нам изменилось к лучшему. Не стали так заставлять работать, да и стаи лучше кормить.

Освободили нас американцы. И вот снова на свободе, не верится, что остались живые, хотя и были все дистрофиками. С помощью американцев, которые нас лечили и кормили. Даже была такая возможность брать все что хочешь из домов. Американцы нам разрешали это делать. Скажу немало это так и поступило. Особенно мужчины. Отправили нас домой через Австрию, дальше Польша и Западную Украину. А там мадьяры. Я так называю украинцев, которые проживали ранее в Голиции. Вот они зверствовали по отношению к нам. Все искали золото, драгоценности, которые могли иметь узники. Действительно, некоторые рассказывали, что участвовали в погрузке или разгрузке ценностей из вагонов. Потом об этом рассказывали американцам. Вот некоторые из них и могли взять такие украшения или предметы. В октябре 1945 года вышли на наших. Тут проверка через отделы и только после этого нас отпустили домой.

Минск, 2010

Подготовил Кузьма Козак

Артюшевский Михаил Павлович

22.10.1925, д. Драчево Осиповичского р-на Могилевской обл.

4 августа 1943 г. отправлен в Германию. В Кельне молодой немец забрал на работу к отцу в имении Линц на Рейне, что в д. Олендех. Работал по хозяйству. Хозяева были весьма благосклонны к молодому парню. Освободили американские войска. В июле 1945 г. оправлен на домой. Образование высшее.

Бедулина Любовь Ивановна

16.05.1927, д. Колосовщина Чаусского р-на Могилевской обл.

В семье было четверо детей. Отец умер рано − от туберкулеза. И вдруг началась война...

Неуловимая Люба. Люба попала в число тех несовершеннолетних, кого немцы отправляли на работу в Германию. Но девочка оказалась натурой не только свободолюбивой, но и способной реализовывать на практике свои замыслы: удирала один, второй и третий раз. Смелости и упорства ей было не занимать. Только на четвертый раз девочку смогли увезти в Германию. Пришлось смириться с этой участью.

Лагерные испытания. Привезли подневольных в г. Гамгафт, а потом − в лагерь «Матуфей». Пришлось работать на ракетной фабрике. Кормили плохо. Да и, в целом, очень тяжело было «трудиться» в нечеловеческих условиях, да еще на чужбине и не по своей воле. Однажды немцы повезли узников на уничтожение. Но по закономерностям судьбы все произошло иначе: подоспели американцы и освободили жертв из рук палачей.

«Затем нас повезли в лагерь «Имштант», где я пробыла еще год. Там мы жили в бараках по 12 человек» − вспоминает Любовь Ивановна. В общем, не сразу открылся путь с чужбины на родину.

Трудовые мирные будни. Когда приехала домой, трудовые будни продолжились. Завербовали на стройку. И поехала Люба на Урал. Но не долго пришлось там работать. Брат забрал ее в Минск.

Подготовил по материалам СШ № 134 Виталий БАБИЧ.

Белый Евгений Владимирович

18.05.1932, д. Жестиное Логойского р-на

Пуст

Минск, 2010

Блинцова (Лукомская) Нина Павловна

20.01.1923, г.Щорс Черниговской обл.

Немцы для вывоза забирали семьями. 19 сентября 1943 г. в Щорсе погрузили в вагоны. Работала. Нередко, нас сильно бомбили. Одна из бомб взорвалась рядом. Было много убитых и раненных. Я была ранена осколками. Доставили 17 июля 1944 г. меня в госпиталь г. Позен (Понань). Через четыре дня выписали с диагнозом дальнейшей нетрудоспособности. Вылечили, но ранение левой ноги осталось. Остались и знаки на теле. В дальнейшем на довольствии состояла в Дершау. Освобождение встретила 11 марта 1945 г., а вернулась на родину 16 мая 1945 г.
Получила высшее образование.

Записала Валентина Кострицкая.
Минск, 2011

Была схвачена фашистами в г. Щорс Черниговской обл. (Украина). В концлагерях, пересыльных пунктах, гетто и тюрьмах не находилась. в Познани (Польша).

Минск, 2009

Боровиков Алексей Иосифович

18.06.1927, д. Логунов Сафоновского р-на Смоленской обл. (Россия) -

Прошел около 10 лагерей на территории России, Беларуси, Литвы, Франции, Бельгии. После побега участвовал в сопротивлении на территории Бельгии с мая 1943 г. Ветеран Великой Отечественной войны.

Дело №2-162/95

РЕШЕНИЕ ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Судья Ленинского р-на г. Минска Тупик В.М. при секретаре Костко А.Ю. рассмотрел в открытом судебном заседании 27 марта 1995 г. дело

по заявлению Боровикова Алексея Иосифовича об установлении факта нахождения в концлагерях.

УСТАНОВИЛ:

В заявлении суду заявитель указал, что, будучи в несовершеннолетнем возрасте, он был в феврале 1942 года вывезен немцами со станции Дурово Сафоновского р-на в Смоленск, затем в Оршу, позднее с Орши в г. Борисов лагерь Коминтерн[1], с Борисова в Литву г. Каунас 9 форт лагерь смерти. С Каунаса в Провинишкас в лагерь. С Провинишкаса во Францию в г. Лангви, а с Лангви он убежал в Бельгию и пробыл в сопротивлении там с 15 мая 1943 года по 20 сентября 1944 года, о чем подтверждают 21 свидетель - участники сопротивления Бельгии. Просит установить факт нахождения его в лагерях.

В судебном заседании заявитель поддержал свое заявление.

Представитель фонда "Взаимопонимание и примирение" с заявлением Боровикова А.И. не согласна.

Заслушав Боровикова А.И., представителя фонда, исследовав письменные материалы дела, прихожу к следующему.

Согласно ст. 235 ГПК Беларуси, суд устанавливает факты, имеющие юридическое значение, лишь при невозможности получения заинтересованными лицами надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или же при невозможности восстановления утраченных документов.

В суде установлено, что заявитель в пятнадцатилетнем возрасте был взят в плен немцами 10 февраля 1942 года и насильственно был угнан за пределы СССР. При взятии в плен 10.02.1942 г. был помещен в тюрьму в г. Смоленске, затем перевезен в г. Оршу, а позднее с Орши в Борисов, Литву в г. Каунас - лагерь смерти, затем в лагерь Провинишкас, а с Провинишкаса во Францию в г. Лангви. С Лангви 13 мая 1943 года он убежал в Бельгию, где пробыл в сопротивлении с 15 мая 1943 года по 25 сентября 1944 года.

---

[1] г. Борисов, район бумажной фабрики «Профинтерн». Трудовой лагерь. Существовал с 1941 г. по июнь 1944 г. В лагере содержалось около 1 тыс. человек. Заключенные работали на предприятиях «Профинтерн» и «Коминтерн», на строительстве укреплений. 28 июня 1944 г. уничтожено 540 человек. См.: Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941-1944. Минск, 2001. С. 45.

Архивных документов, подтверждающих нахождение его в указанных лагерях не обнаружено.

Доводы заявителя о том, что он находился в Бельгии и был участником сопротивления подтверждаются письмом от 25 февраля 1993 года Бургомистра коммуны ЛегЛиз (Бельгия) г. Беема Альберта Пьерада.

Считаю, что Боровиков А.И. добровольно не мог оказаться в период войны в Бельгии и участвовать в Сопротивлении, поэтому считаю показания его правдивыми и считаю возможным установить ему факт насильственного угона на территорию Франции.

Установление данного факта требуется заявителю для получения финансовой помощи от ФРГ.

Руководствуясь ст.235 ГПК Беларуси, судья -

решил:

Установить Боровикову Алексею Иосифовичу, 1927 года рождения факт угона на территорию оккупированной Франции с 10 февраля 1942 года и нахождения там до 13 мая 1943 года.

Решение может быть обжаловано в Мингорсуд через нарсуд в течение 10 дней.

Судья, подпись

Копия верна

Справка: Решение вступило в законную силу 7 апреля 1995 г.

Судья

Секретарь

Архив Ленинской районной организации ОО БАБНУФ

Минск, 2011
Подготовил Кузьма Козак

Браим Николай Иванович

1.03.1932 г., д. Лясковичи Петриковского р-на Гомельской обл.

Был в оккупации. В январе-феврале 1943 для спасения прятались в лесу. Шалаш из жердей, обложенный сеном и обсыпанный землей. В середине шалаша круглые сутки горел костер. На бревенчатом полу, покрытым сеном спали укрывшись одеялами. Было холодно и мы решили узнать есть ли немцы в деревне. Никого. Вот мы и ушли и там

два дня находились в своих домах. Ранним утром к нам ворвались немцы. Выгнали с криками к машинам. Вокруг все плакали и стоял крик. Крытые машины были заполнены, но сколько, не помню. Подвезли к станции Житковичи. На пути смотрел в щелку. Видел разбитые вагоны и колеса. Но и наш поезд наскочил на мину. Четыре вагона, в том числе и наш, влезли в друг друга. Паровоз лежал на боку. а с трубы шел дым. Двери немцы открыли и выгнали в заболоченное место. Там стояла вода. Лапти промокли и нам стало еще холоднее. Согреваясь на месте, мы стояли там долго пока не отремонтировали дорогу. Снова в путь, но кормить ничего не давали. Вскоре остановились. Говорил, что это территория Польши. Сколько времени там мы были не могу сказать, но снова через некоторое время остановились и нас повели в баню. Одежду пропарили. И вот так несколько раз пока не попали в Германию. Одного, покрытого коростой, обмазали мазью и увели куда-то. Нас же привезли в лагерь Дрездена. После очередной бани расселил в одноэтажном бараке. На площади, около 100 кв м стояли трехъярусные деревянные полати без постели и с деревянным подголовником. Давали водичку от сваренной брюквы и дважды в день тоненький кусочек хлебушка. Недалеко от барака находилась отгороженная невысоким 50-сантимметрововым заборчиком кухня. Был слышен запах брюквы, но ее мы не видели. Там же яма для отходов. Рядом еще небольшая времяночка- медпункт. Из него нередко крытая машина фургон забирала умерших. Один из работающих заболел. Его увезли и больше его никто не видел. Вот мы у этого места с пацанами стояли в надежде, что кто-нибудь подаст остатки или очистки. Вот тогда мы за ними летели кубарем. Туалет - бетонная открытая яма с навесом и деревянными перегородками. Приходишь по нужде, держишься за деревянную ручку. Вот один взявшись, а она не выдержала и он упал в эту жижу. Пока кричали, пока приехал трактор. Буграми его выловили, но он уже был не живой. Его бросили в металлическую емкость и увезли. Вот и вся жизнь.

Помнится и такой случай. Принесли в бараки белые простыни. Приказали покрыть нары. Комиссия после этого пришла. Что-то переговорили между собой и ушли, а нам сказали быстрее все собрать. Находилось мы в этом лагере по словах знакомых, где-то 2 недели. Многих из него вывезли в лагерь г.Майзен. там снова баня и отбор. Вот семья с Украины – 7 человек, наша – 5 человек, с нашей

деревни – 3 , еще одна семья и девушка-сирота Катя с Витебской области. Приехали за нами две телеги. Лошади с коротко подрезанными хвостами. Привезли в д. Мовна, что в 10 км от Майзена. На пути видели красоту. Все цветет. Нет никакой войны. Привели к бауэру. На втором этаже 2 комнаты. В первой – два стола и металлическая плита на две конфорки (столовая и кухня). Во второй комнате стояло 16 коек. Кто-то принес нам немножко картошки, воды и связку дров для плиты. Женщины начистили две кастрюли. Мы все стояли возле плиты и ждали, когда все свариться. По 8 человек за каждым столом. Картошка была сварена и мы хватали ее горячую, а вошедшая хозяйка только и восклицала «Май Гот, май Гот!». Выдали нам после этого рабочую форму, постельные принадлежности (тюфяки и одеяла). Пару дней меня не трогали. Так как среди всех было 4 подростка, а мне старшему среди них было 11 лет. Для меня было особое поручение – с запиской перенести букет в другую деревню за 2 км от нас. Как это сделать мне объяснил поляк-переводчик. Трудностей не было. Я же получил обратно букет и записку для хозяйки. Немногим позже у меня уже на тележке был молочный бидон, который забирали а мне наливали новый и я его привозил хозяйке. Что там было, я не знал. Затем меня ставили охранять цыплят, что бы их не съела кошка. Это для меня было наиболее интересное зрелище. Лопнет яичко и вылезает маленький цыпленок. Он покричит, а потом клюет пшено. Когда косили траву косаркой, то я бежал за ней и отгребал граблями запутавшуюся траву в ножнах косарки. Еще бегал за лошадьми тянувших комбайн при уборке жита (рожь) и откидывал снопы, которые вязал комбайн. Потом я был помощником одного поляка, который ухаживал в коровнике за 29 коровами. Они стоял в загонах и на цепях. Утром надо убирать навоз и его на тачке вывозить в яму. Я только накладывал, а он вез. Это тяжелая была работа. Затем постилали солому и приступали к ручной дойке.

Освободили в мае 1945 г.

Получил среднетехническое образование.

Минск, 2009

Борода Павел Кузьмич

12.03.1925, с. Голинка Дмитровского р-на Чернигвской обл. (Украина)

Их двое. Детство Павла Кузьмича и отрочество, как и любого деревенского мальчишки, было пропитано ветром, солнцем, свободой. Труд в поле, пусть и тяжелый, но на благо своей семьи, приносил радость. Так он рос, не зная горя, наливался силой, здоровьем, энергией...

В 1942 г. ему не успело исполнится и 18 лет, в село пришли немцы... Почему? Что делать? Старшие говорят — война. А что такое война? Вроде что-то слыхали... И в первый же день на его глазах — убийство. Убили человека выстрелом из танка. Останки похоронили прямо в поле. Как же это так: вот Солнце, небо, снег, так же как и вчера слепит глаза. Все прежнее. Но неужели теперь не ты сам решаешь, как жить, что делать!? Неужели теперь не Господь-Бог призывает в свое царство, а люди в сапогах (вроде ничем и не отличаются от них) выстраивают очереди на «тот свет» в порядке ясном только их уму, объяснимом только на их чужом неласковом языке.

Выживали, кто как мог. Отца Павла забрали на фронт. Старший брат умер еще до начала войны в 1940 г. Теперь только он один должен был заботиться о матери и младших сестрах. И он работал: только бы жить, жить как прежде, вдыхать воздух свободы, только бы близкие не страдали... Все пройдет, все кончится, надо терпеть.

В мае 1943 его вызвали в Бахмач — районный центр. Там он пробыл две недели, ожидая пока соберется группа для отправки на работы в Германию. Ему сразу сказали: «Будешь пытаться увильнуть, или, чего доброго, сбежишь, возьмем тогда твоих сестер: они за тебя поработают!» И сказали это не немцы—враги, а «свои» − соседи, когда-то друзья, а теперь падлецы и предатели.

Работал Павел в немецких шахтах, неподалеку от Франкфурта. Есть почти нечего было: баланда из колючей брюквы — на работах, а в лагере — суп из конской головы. Повар даже не давал себе труда вытащить сено, застрявшее в лошадиных зубах. Работа тяжелейшая: от зари до зари стлали рельсы. Выжил, вынес все: немецкие издевательства, болезнь — брюшной тиф. Здоровье, силы, подаренные вольным небом Украины помогли, да и мысли о близких, которые ждут, не дали погибнуть. Он много чего пережил, пока дождался возвращения на Родину, вернее думал, что дождался. Но не закончились еще испытания. Указ Сталина, великого вождя, который играл человеческими судьбами, словно пешками у себя на шахматной

доске. Без жалости отдавая их на съедение, ради защиты короля. И дорога прошла мимо родного села, завела прямиком в Сибирь, опять в шахты. Только теперь уже не в немецкие, а в свои — советские. Долгие годы каторжного труда — и это вынес. Крепкий был, и до сих пор крепкий. Вернулся домой. Матери уже не было. Надо было устраивать жизнь. Так в 1960 г. он приехал в Беларусь к сестре. Устроился на Тракторный завод учеником. В том же году познакомился с Анастасией Николаевной. Сразу увидел: «работящая, некурящая», да и просто красивая женщина. Поженились. Сначала жили в съемной квартире. Потом появилась своя комната в бараке — 13 квадратов. «Гнездо»— говорит Анастасия Николаевна. Павла Кузьмича повысили до заточника 5 разряда — и оклад соответствующий. А потом дали двухкомнатную квартиру в новом доме на шестом этаже. Только детей у них не было, точнее был сыночек, но умер годовалый—заболел. Анастасия с ним в больницу легла. Вроде все хорошо, потом температура резко подскочила. А врачи с медсестрами в тот вечер с дежурства в кино ушли, на премьеру. Так ребенку никто и не смог помочь. Горе пришло в их семью. Горе, после которого свет меркнет уже навсегда. Больше у них детей не было, так и остались они одиноки.

В 1982 г. у Павла Кузьмича случился инсульт с парезом — отказали ноги. Анастасия Николаевна — верный друг, любящая жена все 25 лет до сегодняшнего дня ухаживает за супругом, несмотря на собственное плохое здоровье, трудности жизни. Благодаря ее усилиям, целеустремленности, Павел Кузьмич сегодня с трудом, но самостоятельно передвигается. Не погасла еще искра жизни.

Минск, 2008
Записано Алиной Долгих и Анной Смоляковой

Бублис Мария Антоновна

26.07.1927, д. Заречье Плещеницкого р-на Минской обл.

Отец – Рудковский Антон Иванович 1884 г.р. и мать – Рудковская Стефанида Станиславовна тоже 1884 г.р. работали в колхозе, отец был конюхом, мать трудилась на разных работах. В семье было 5 детей, я – старшая. Война застала нас в Заречье в 1943 году. Староста сказал, чтобы мне надо в район получать паспорт, это была ловушка. Немцы в

Плещеницах нас собрали всех вместе, там были дети моего возраста. Назавтра нас собрали и погрузили в грузовые машины, помню, как ещё мама сбегала в магазин и купила мне хлеба. Нас отвезли в Минск, там погрузили в товарняки. Нас было столько много, что даже не было где стать, и везде были одни дети. Нас повезли в Германию. По дороге нас стали бомбить. Мы не знали кто это, как долго это продлится. Через некоторое время поезд тронулся, и нас повезли дальше.

В Германии нас брали хозяева к себе для выполнения хозяйственных работ. Меня взял один Bauer (крестьянин), мою подругу Ольгу, которая была старше меня на 3 года, забрал другой человек.

Когда меня привезли в дом хозяина, там уже было много рабочих, из них я сразу познакомилась с двумя поляками и украинкой Клавой, на 3 года старше меня. Помню, тогда немцы говорили: «Зачем нам детей везут, нам работники нужны». Поселили меня в комнате с Клавой, жили мы в доме хозяев на втором этаже. Еду нам давали такую же, какую ели сами хозяева: завтрак – чай, кусочек батона; обед – суп, картошка/каша, чай; ужин – чай и каша. На всех нас хозяева получали карточки на еду.

Наш Bauer держал коров, кур и голубей. Нам нужно было до завтрака подоить коров, по 12 в день, помню, как руки опухали, что даже пальцы сжать не могла. После завтрака мы шли на поле, когда ничего не надо было сажать и полоть, мы собирали камни. Помогали хозяйке Эмиль чинить мешки. Однажды, мы с Клавой работали на поле и решили отдохнуть, Bauer заметил и отругал нас. Помню, когда ругал меня, кричал: «Kleine!» Работать было очень тяжело… Выгружали как-то клевер из машины, так потом руки опухли и долго болели.

Однажды работали мы на участке поля, который был возле леса, и тут появились американские самолёты и начали обстрел. Мы побежали в лес, а они на лес скинули бочку с бензином – лес загорелся. Молодые быстро убежали, а у меня были ботинки на деревянной подошве, я убегала и всё боялась, как бы ни упасть. Убегаю я убегаю, а огонь следом: у меня подгорели волосы, ресницы, ноги до колена. Клава потом вернулась и стала мне помогать. Bauer повёз меня в Лейпциг в поликлинику, там мне ноги забинтовали, но мне всё равно нужно было работать. Я пасла телят, но сидеть нельзя было, хозяин сказал, чтобы я всё время ходила и следила за ними.

Позже хозяин ещё возил меня в больницу, мне сделали перевязку и дали лекарства и бинты, чтобы уже мы дома долечивались.

Хозяин хорошо к нам относился, никогда не бил. У него сына были на фронте, он был против войны. Помню, как он дал мне наш советский журнал, со стихами Пушкина. Я плакала, для меня это была огромная радость, как будто бы я получила письмо от мамы. До сих пор помню стихотворение из этого журнала: «Цветок засохший, бездыханный…» (Мария Антоновна продекламировала целое стихотворение).

Освободили нас американцы. Тогда из работы нам надо было только доить коров. Две недели мы ещё были у хозяина. Потом был приказ завести всех русских в лагерь в Лейпциге. Помню было там много людей, одни женщины. Потом, нас забрали на уборку урожая – мы молотили. Я проработала всего один день, и меня и ещё некоторых девчонок забрали в клуб в артисты. Нам дали форму, пилотки, гимнастёрки и мы выступали перед военными советскими солдатами. У меня был кавалер – капитан Фирсов Мишка, и когда я закончила своё выступление, он приготовил мне место в зале. Потом выступал клоун, который ходил по рядам, подошёл ко мне и сказал: «Ты, девочка, хорошая, детей у тебя будет много, но растить ты их будешь одна».

В конце 1945 года нас отвезли в Минск, мне повезло – я ехала в кабине, а все остальные сверху на грузовике. По приезду нам дали документы и отправили домой. В моей деревне, в Заречье, меня встретили хорошо, сразу же приняли в комсомол. Надо было учиться, и я пошла на курсы агрономов в Минске, которые окончила на 5. Меня отправили работать в райсельхозотдел в Плещеницах, работала там агрономом 2 года, замет меня перевели на другое место. Вышла замуж и уехала в Минск. Устроилась в обувной магазин, потом работала на фабрике «Элема». Родила пять дочек, и как по предсказанию клоуна, вырастила их одна.

Минск, 2010

Записала Татьяна Кругленя

Витковская (Махнач) Анна Александровна

27 .08.1927, д. Каменка Узденского р-на Минской обл. – 7.06.2011, г. Минск

Была вывезена в Германию и работала у бауэра в Франкфурте на Майне. После освобождения 25 марта 1945 г. пришлось задержаться и там же с 15 июля 1945 г. по 15 января 1946 г. была задействована на работах одной из воинских частей Красной Армии. Вернулась домой 23 февраля 1946 г.

Минск, 2000

Вольнова (Дубовик) Валентина Степановна

10 .03.1945, г. Кенинсберг (Пруссия) – 10.12.2003, г. Минск

Мама Дубовик Валентина Степановна из д. Харевичи Пуховичского района 3 мая 1944 г. была насильно вывезена на принудительные работы в Восточную Пруссию. Попала в Кенигсберг. Там я и родилась. Освобождена частями Красной Армии 7 апреля 1945 г. Образование высшее.

Минск, 1994

Воскобович (Парфенова) Валентина Сергеевна

1.12.1944, г. Зальфельд (Германия)

Родителей схватили в Могилеве и вывезли в Германию на принудительные работы. Попали они на лакокрасочную фабрику г. Зальфельд. Вот там я и родилась. Освободили американцы. Образование высшее.

Минск, 2011

Грекович (Гутковская) Болеслава Иосифовна

21.03.1926, г.Минск

Во время оккупации в городе Минске постоянно проходили облавы. Забирали молодежь и вывозили в Германию. В 1944 г. в г. Минске я попала в плен к фашистам во время облавы в городе. В товарном вагоне поезда меня вывезли в Польшу в г. Познань. В Познани я провела две недели во время их я проходила саносмотр. Меня мыли и стригли. По прошествии этого времени меня отправили в трудовой лагерь Ютерборг, что в 60 км от Берлина. Жила в бараках. Работала на заводе на сельскохозяйственных работах, но больше всего на расчистке города от завалов, так как город постоянно бомбили самолеты.

20 апреля 1945 г. на рассвете Красная Армия освободила город и лагерь от немцев. На второй день после освобождения была организована комендатура, я пришла к коменданту и попросила, чтобы меня отправили домой, но он ответил, что надо еще поработать. Я стала работать в комендатуре переводчицей, так как хорошо знала немецкий язык, до войны в 1937 г. в Минск были привезены немцы Поволжья, за нашей семьей закрепили две немецкие семьи. Мы их учили говорить по-русски, а сами научились говорить на немецком. После комендатуры я работала в оперативной группе в г. Торгау тоже переводчицей в течение двух лет. И только в июне 1947 г. я вернулась на родину в Беларусь.

Записано учащимися СШ № 47 г. Минска
Минск, 2010

Гусев Евгений Александрович

2.10.1929-26.07.2007, г. Минск

2 марта 1944 г. вся семья (отец, мать, бабушка и Женя) были орестованы гестапо за связь с партизанами. В начале они попали в Минское гестапо, затем были переведены в минский концлагерь на Широкой. А еще через некоторое время были вывезены в Пруссию, за время пребывания в Германии был в лагерях Штаблак, Данциг, Сопот, Гдыня. Освобожден Красной Армией из концлагеря в городе Гдыня.

Уже после войны он окончил школу и получил высшее образование инжинера-программиста и проработал по специальности 44 года. После выхода на пенсию он активно занимался общественной работой. Евгений Гусев был одним из первых, кто стоял у истоков международного движения бывших узников фашизма. Был вице-президентом общественного объединения “Белорусская оссоциациация бывших несовершеннолетних узников фашизма”. В Минске на месте бывшего лагеря уничтожения Малый Тростенец стоит манумент в память погибших там 200 500 граждан. Среди расстреленных за месяц до освобождения Минска – фамилии родителей Евгения Гусева.

Евгений Александрович оставил после себя уникальные и подробные воспоминания о годах прибывание под игом нацизма. Назвал их грустно и проникновенно-трогательно “Растоптаные цветы”.

См.: Гусев Евгений Александрович // Война и украденные годы. Минск, 2009. С. 78–86; Гусев Евгений Александрович // Война и украденные годы. 2-е изд. испр. и доп. Минск, 2010. С. 69–75.

Давыденко (Ринейская) Зоя Викентьевна

15.08.1937, д. Замен-Ринья

Когда началась война, мы проживали в д. Замен-Ринья. Деревня наша находилась в очень красивом месте, среди леса. Вокруг протекала небольшая речушка – отток Березины.

В начале войны наша деревня находилась на территории партизанской зоны. Днем приходили немцы, а ночью партизаны. Мой отец не успев прийти в 1939 г. с финской войны в 1941 ушел обратно защищать Родину. Отца я почти не запомнила, помню только как моя мама провожая его последний раз, в 1941 позвала нас с сестрой и сказала – «Попрощайтесь детки, кто знает, может быть уже и не увидимся...» До сих пор от этого воспоминания накатываются слезы на глаза... Все время в моем военном детстве я думала о том, что папа где-то борется с врагом и обязательно победит... И мы будем свободны! Это помогало переживать наши лишения. ...А отец так и не вернулся...

Мы остались одни– моя мама, я и старшая сестра, которой было всего лишь семь лет. Я мало что помню, т.к. возраст мой был слишком мал... Но даже в моей еще совсем детской памяти навсегда врезались звуки бомбежки, непонятный детский страх и запомнился, упавший рядом с нашей деревней, подбитый фашистами русский самолет.

Где-то в 1942 г. мы переехали в местечко Щедрин, где жила папина сестра. Там уже были немцы. Они всех женщин, которые покрепче здоровьем ,гоняли рыть окопы. Мама там работала от темна, до темна... Мы с сестрой оставались одни. Однажды был такой случай... Свет нельзя было включать и его включали только тогда, когда окна завешивали или забивали одеялами, так, чтобы и просвета не было. Лампочку на день обычно выкручивали. Как-то мы с сестрой попытались включить свет. Она вкрутила лампочку, а я должна была включить выключатель. До этого я нанизывала бусинки на гвоздь, и когда для включения мне понадобились руки, я гвоздик с бусинами взяла в рот. Потянувшись к выключателю, я нечаянно дернулась и проглотила этот гвоздь. Я даже испугаться не успела. Сестра заставила меня улечься и сказала, что я должна умереть и наказав лежать и не двигаться, побежала за мамой. Мне стало нестерпимо страшно. Мама прибежала с работ в ожидании беды. Побежав к старосте, она

попыталась добиться разрешения отвезти меня к врачу, но так его и не получила.

Назавтра всех готовили к эвакуации... Мама переживала за меня и староста ей предложил оставить меня здесь, с родными. Но родных у нас не было и меня пришлось взять с собой. Пригнали машины , нагрузили людьми и повезли в Красный берег. Выгрузили нас на кладбище, где мы ночевали две ночи. Искали детей, больных тифом. Тиф тогда был везде и немцы его боялись. Если находили детей, больных им, их куда-то уводили и, видимо, расстреливали.

Наконец подошел товарняк и нас погрузили в вагоны, закрыв их снаружи на засов. Ехали мы долго и никто не знал куда. Поезд загнали в тупик. Потом ехали еще. Так доехали до Польши. Очень хотелось кушать, дети все время плакали от голода. Матери терпели и пытались их успокоить. В Польше нам помогла одна женщина, полька. Мама немного умела разговаривать по-польски и, увидев ее, стала просить дать хоть что-нибудь покушать детям. Та дала ей немного гороху. Нас это спасло. Мы понемногу размачивали его и ели. Когда доехали до Германии, нас поместили в лагерь, где каждого сфотографировали с его номерком на груди и повели на санобработку. Нас раздели, всю одежду собрали и погрузили в камеры. Нас всех погнали по какому-то длинному тоннелю, вдоль которого стояли солдаты и поливали нас со шлангов какой-то ужасно зловонной и жгучей жидкостью. У меня земля уходила из под ног. Я потеряла сознание... Мама, испугавшись, что меня заметят, подхватила меня на руки и нас пронесло мимо еще одной беды. Всех слабых расстреливали. После обратно всех погнали в лагерь. Там запомнился мне суп из брюквы, жуткого вида, да и вкуса тоже. Но нам тогда он казался слаще и вкуснее меда.

После начали приезжать немцы- хозяева и выбирать себе для работ в своем хозяйстве людей. Нас взял к себе фермер. У него было очень много скота и работников тоже много. Там были три девушки из Украины, также французы и даже немцы. Там была большая площадка, где под открытым небом находился скот. Мы работали там на уборке. Так же маму увозили в поле на работу, а мы с сестрой помогали убирать за голубями. Там было два больших сарая, заставлены голубятнями. Мы должны были кормить и убирать за ними. Потом молодняк убирали, пока они еще не научились летать. После их сдавали на кухню и обрабатывали.

Когда наши уже подходили к Германии, хозяин разрешил маме брать нас в поле. Там очень часто была бомбежка. Помниться такой случай: Мы убирали брюкву. Налетели самолеты и застрочили пулеметы. Завыла тревога и все бросились в убежище. Там было много подвалов, где хранилась брюква и морковь. Но мы с мамой были далековато от убежища и добежать могли не успеть. Мы увидели большое дерево у дороги и упали под него. Мне казалось, что сердце выскочит из моей детской груди. Вокруг строчили пулеметы. И тут почти прямо на нас летит самолет и строчит, летит прямо под наше дерево! Мама накрыла нас собой, чтобы спасти, а мне вдруг страшнее всего стало от мысли, что вдруг сейчас с ней что-нибудь случиться. Я стала вырываться и лезть маме на голову и кричать, что пусть лучше меня убьет чем тебя! Что мы будем делать одни?! Он, казалось, пролетел над самыми нашими головами, так низко, что, конечно, нас засек. Но, почему-то, одному лишь Богу известно, поднялся выше и улетел...

Вскоре пришли американцы и освободили нас. Радости не было конца. В 1945 г., в сентябре мы приехали домой. Я пошла учиться в первый класс. Все, казалось, теперь будет налаживаться, война кончилась! Но случилась со мной еще одно несчастье − я заболела малярией. Все равно пыталась ходить в школу. Школа у нас была в доме, где жила учительница. Меня начинала трясти лихорадка, температура поднималась до 40 градусов. Лечились лишь хиной, от которой глаза и тело становились желтыми. Было трудно. Жили мы в бункерах. Тетрадей и бумаги не было. Нужно было что-то придумать. И мы придумали. В лесу, в немецких бункерах, стены были обиты желтой бумагой, которую мы отдирали от стен и делали из не тетради. А чернила готовили из ольховых шишек. Так учились, но с годами становилось все лучше и немного легче. После семи классов нужно было думать о том, как прокормить себя, маму. Нужно было думать о профессии. Поступить решила в техникум легкой промышленности, где, по окончании, работала уже на швейной фабрике им. Крупской. Вышла замуж. Родили детей. Потом опять вернулись в Минск.

Наше поколение застало ужас войны. Застало самым нежным возрастом, тем, когда так необходимо видеть дом, семью, любовь и заботу. Но жизнь продолжается и мы должны донести наши, пускай небольшие, но правдивые детские воспоминания нынешнему

поколению, чьи воспоминания детства так сильно отличаются от наших! Донести для того хотя бы, что б помнить, как в песне поется − «Если мы войну забудем − вновь придет война!» Что бы их жизнь и детство детей никогда не омрачали беды и лишения войны!

Минск, 2010

Дегтярь (Комлик) Надежда Александровна

15.01.1926, д. Новое село Пуховичского р-на Минской обл.

Забрали 18 февраля 1943 г. привезли в Минск и разместили на территории белполка. Это район Грушевки. Потом в товарняки. Куда? Не знаем. Там нас держали примерно месяц и снова в вагоны. Попали в г. Штанзуд. Вот оттуда забрал нас четырех бауэр. Там у него было таких как мы человек 50. Жили в бараках. На две недели хозяин выдавал продукты: полкило сеченки, полкило сахара, пачка маргарина, на неделю булку хлеба, 25 фунтов картошки, литр перегону. Освободил нас 8 мая 1945 г. Русские солдаты пришли где-то в 6 вечера. Встретились с ними и рассказали как жили и как к нам относились немцы. Один из них Фашнитар относился к нам особенно плохо. Бил палкой. Вот мы и рассказали, так тут же и убили. Я часто болел и лежал в больнице, так на меня этот Фашнитар оформил документы в лагерь смерти. Но не успел, так как пришли русские.

На следующий день запрягли подводы и поехали до г. Штенина. та нас проверял русский врач. Кто был здоров, то такого оставляли для ремонта мостов. Кто был больным, то их отправляли домой. Нас посадили в товарняк и привезли в какой-то город. Вот здесь уже была проверка – кто добровольно уехал, а кто насильно. Я попал в Минск и затем в свое родное Новое Село. Окончила 6 классов.

Записала Валентина Кострицкая.
Минск, 2011

Диашева (Бородич) Нинелла Никифоровна

24.03.1932, Орша Витебской обл.

Бородич Мария Павловна

23.09.1908, г. Орша Витебской обл. – 2.11.1996, г. Минск

Родители: отец Бородич Никифор Михайлович (1900) - землеустроитель, мать Бородич Мария Павловна (1908) - домохозяйка.

Что такое война мы на себе ощутили сразу после сообщения по радио. На город посыпались немецкие бомбы. В Орше важный железнодорожный узел и город в первые дни почти весь сгорел. Мы жили на левом берегу Днепра по улице 1-й Лагерной дом № 8, жилые дома там сохранились, у нас был свой дом, построенный в 1937 г., но оставаться было небезопасно и отец отвел нас в деревню «Новое село» к родственникам за 18 км от Орши. Шли пешком, взяв с собой только ручную кладь. По дороге нас обстреливали немцы с самолетов, низко снижаясь над нами, стреляли холостыми, ведь они видели, что идут женщины и дети. Нам было очень страшно, мы бросались на землю в траву и так много раз. Так развлекались эти «сверхчеловеки», шутили. Родственники нас прятали, и отец вместе с мужчинами − односельчанами ушел догонять эвакуированный военкомат и догнал!!! Отец в первых боях был тяжело ранен, в г. Горький, где работал до окончания войны. Мы же с мамой (я и сестра Людмила 1938 г. р.) вернулись уже в оккупированную Оршу, в свой дом. Мама, кроме того, что заботилась о нас, еще помогала бороться с фашистами. К нам из-за линии фронта приходили девушки-связные по рекомендации полковника Алексеевича Бабкина Кирилла (это муж маминой родной сестры Фаины). Нас, детей, в это не посвящали. Но кто-то донес на маму и ее в декабре 1943 г арестовали. Целый месяц она провела в одиночной камере на цементном полу, при постоянных допросах, в тревоге за нас, ее детей. Но она выдержала. Жизнь ей сохранили, но в июне 1944 г. мама вместе с нами была вывезена в немецкое рабство, где использовалась на работах в сельском хозяйстве. Помню, как везли нас из Орши в «телятнике» на полу из соломы, на которой и седели и спали. Прошли через второй лагерь, название их я не помню, это было на территории Польши, где проходили санобработку, а в 3-м лагере мы уже стали товаром, который выбирали хозяева для работы. Нашу семью (мама, я и сестра Людмила), а вместе с нами еще одну женщину из Смоленска с дочкой Тамарой (1936 г.р.) выбрала одна молодая немка, деловая помощница бауэра и привезла нас в Bustermake. Это деревня, или поселок, там была церковь, магазин, почта и в основном одноэтажные дома. Нас поселили в специальный барак, предназначенный для рабочих. Там жили уже до нас заселенные немцы, русские поляки. Только одна комната оставалась свободной. В прошлом это была кухня. Пол из красного кирпича, уже изрядно выдолбленный, в одном углу плита, в другом углу деревянные

нары. Их заняли мы − я наверху, мама с Людой внизу. Мама вместе с другими женщинами уходила на работу с утра до вечера, возвращалась очень уставшая, а я как старшая из детей следила за младшими и еще готовила еду, в основном это был гороховый суп (это была наша основная еда). Картошку и горох, а еще молочную сыворотку можно было получать в достаточном количестве, хлеб по карточкам. В октябре месяце немец, который водил на работу и с работы, сказал маме, что и я с весны 1945 г. буду работать вместе со всеми на поле, и хорошо бы пройти испытание уже в октябре, что я и сделала. Убирали сахарную свеклу. А так как одежды у меня теплой не было я в первый же выход на работу в поле, сильно простудилась, болела больше месяца. Приближалось уже конец 1944-го. Все чаще слышались выстрелы из мощных орудий, вдали полыхало зарево. Все это всеяло в нас надежду на освобождение. И вот наступил апрель, пришла весна и в одно прекрасное утро поступила команда всем идти в лес, находиться в доме опасно. И мы все пошли в лес. Из мужчин − немцев был только наш провожатый и однорукий почтальон (всех Гитлер послал на фронт, даже мальчишек-подростков не было). Когда мы были в лесу, этот однорукий почтальон выглядывал из-за дерева и вдруг мы услышали такую знакомую родную речь «Ты что там выглядываешь? … такую твою мать!» И тут случилось невероятное: все наши женщины, выскочили и стали обнимать и целовать этого храброго солдата − нашего освободителя. Это был совсем еще молодой человек невысокого роста в запыленных сапогах, и с автоматом в руках. Он сказал «Пошли за мной, там уже наши!» и мы все пошли за ним. Действительно там были уже наши, свои и мы почувствовали себя свободными и защищенными. Это случилось в апреле 1945 г. Но домой, в Оршу, мы вернулись только в октябре 1945 г. На смену передовым боевым войскам пришли хозяйственники, которым на первых порах тоже нужна была помощь. В первые же дни почти все поляки, прихватив с собой лошадей, телеги уехали в свою Польшу, которая, была не так далеко, как наша Орша. Мы возвращались по установленному порядку, проходя проверку в фильтрационных пунктах НКВД. Вернувшись в Оршу, пошла в 5-й класс СШ № 5. Я, закончила школу с серебряной медалью в 1951 г. И в этом же году поступила на биофак БГУ.

Минск, 2010

Домасевич Владимир Васильевич

19.02.1937, д.Вышелов

В нашей оккупированной д. Вышелов фашисты основали тут собственный орган власти – комендатуру. Сначала нас, жителей деревни, пытались обманом заставить уехать в какой-то лагерь. Сильно больным обещали хорошее медицинское обслуживание. Но мало кто верил. С наступлением советских войск, фашисты перестали обманывать и начали просто забирать людей. Им нужны были дети как доноры для немецких солдат и офицеров. Нас детей повели к зданию комендатуру. Возле него стояли грузовики покрытые брезентом. Нас начали "грузить". Родителей оттеснили от детей, чтоб никак они не могли помочь. Нас увезли. В конце грузовика посадили одного вооруженного солдата дабы никто не сбежал.

Повезли нас в лагерь д. Скобровка Пуховического р-на. Это был "Специальный донорский лагерь по забору крови для раненых немецких солдат и офицеров". Был тогда март 1944 г. Там нас разделили. Младшие находились в бараках, старшие поднимали уровень дороги так как была весна, снег таял надо было "гатавать дорогу". Длилось это до освобождения.

Мы пытались бежать. Однажды мы большой группой, ночью, сбежали из лагеря километров на три. Но один из нас, Петя, не мог дальше физически идти по болезни. И он сказал что сдаст нас немцам, если мы бросим его. Пришлось нам вернуться в лагерь.

Минск, 2010
Записано учащимися СШ № 47 г. Минска

Дубровская (Лантасова) Зинаида Евгеньевна

12.076.1941 д.Большевик Минского р-на

В нашей семье было трое детей. Сестре 6 лет, брату три года. Живя на оккупированной территории отец помогал партизан. Он передавал им нужные сведения. Нередко по подозрению отца вызывали и били. Лежал возле конюшен, а мать еле дотаскивала его избитого и в крови домой. Пришлось отцу уйти в партизанский отряд. Во время карательной операции 28 июня 1944 г. немцы окружили деревню. Стали всех хватать. Отец желая нам помочь появился и был с нами, но и его схватили. В Германию везли в переполненных товарных вагонах долго. Распределил к бауэру в д. Ленушки, что в Восточной Пруссии.

Отец был на тяжелых работах. Рыл канавы, мать доила коров. Сестра занималась нами - малолетками до прихода родителей.. кормили нас плохо и мы болели. Мама часто говорила, как ей хотелось бы вернуться домой. Вздохнуть родного воздуха глоток и полежать на родной земле. Она что плакала, не зная, сможем ли мы вернуться когда-нибудь. Она очень тосковала по родным. По вечерам нельзя было выйти на улицу, потому что могли изнасиловать, а мальчиков побить или вообще убить. За это некто не нес ответственности. Правду в такой обстановке практически не возможно было доказать. Вот в январе 1945 г. начали поговаривать, что наши войска освобождают нас. Помещик услышав такое бросил все. Значит убежал. Мы же начали собираться группы. 24 января сколько было радости. Невозможно передать. Отец сразу пошел вместе с частями Красной Армии. Мама с тремя детьми готовилась к отправке домой. Что не умереть с голоду устроилась она прачкой в нашу воинскую часть. 7 апреля 1945 г. мы вернулись домой. Вернулся и отец. О нашем прошлом мы не рассказывали. Боялись. Остались счастливыми, что остались живыми. Надо любить и беречь Родину.

Минск, 2011

Ельская (Соколова) Татьяна Дмитриевна

28 .06.1926, д. Ланьково Белыничского р-на Могилевской обл.

В семье нас было пятеро детей. Родители работали в колхозе. Когда началась война, мой брат пошел в партизаны. Его убили фашисты. Было опасно и нам оставаться. Поэтому мы, молодежь, ходили ночевать на болото. Брали с собой свертки, которые заменяли нам матрацы, одевались теплее. На одной из таких ночевок, нас взяли в плен немцы. Это было где-то в мае 1944 г. Нас повезли в Белыничи. Мы побыли там немного, потом повезли нас в Могилев. Питались по дороге тем, что смогли собрать нам наши матери. В основном, это были сухари.

В Могилеве пробыли несколько недель. Нас отбирали, делили на больных и здоровых. Больных отправляли домой, здоровых везли в Германию. Мы не знали, куда нас везут. Питались лишь сухарями. Вскоре нас привезли в г. Галле. В этом самом городе нас не кормили, поэтому приходилось осматривать мусорные баки. И тогда мы заболели тифом. Нас определили в больницу, вылечили и отправили в г. Анабург. В этом городе мы находились с 10 июня по 24 апреля 1944

г. Один мужчина сказал нам, чтобы говорили, будто мы родственники, тогда нас будут держать вместе. Нас было семеро: три девушки, двое парней и двое мужчин. Все мы из одной деревни были. Когда нас привезли в г. Анабург определили на лесоразработку.

Жили мы в разных бункерах: девушки отдельно, мужчины отдельно. Мы вставали утром, нам давали кофе и немного хлеба. Кофе пили без сахара и могли брать его в любое время.

Шли несколько километров. Сначала ходили валить лес, потом садить. В обед возвращались. К нам приходил мальчик - подросток и приносил нам суп с потрохами. На ужин давали вареную маленькую картошку в шелухе. Отдельно от бункера стояла «кубовая», где мы мылись − так мы называли сооружение запоминающее куб, в котором стоял большой таз. Мы, девушки, заболели коростой. От коросты все тело чесалось, поэтому мы крали с кухни соль и терли ею пораженные места. Мужчины сказали нам, чтобы собрали сосновой коры и сварили ее в кастрюле, а отваром помылись. Благодаря этому, мы вылечились. Помню бункеры охранял пожилой охранник, а по дороге в лес росли сады. Но если кто срывал плод, того немец больно стегал плеткой. Поэтому мы боялись и плоды не трогали.

Неожиданно начали бомбить окрестность. Бомбили далеко, но у нас все было слышно. Немецкая кухарка сказала как-то мне «Фрау. Здесь спать нельзя. Уходите в лес» − и показывала рукой в сторону леса. Мы собрали все необходимое и ушли в лес. Думали, останемся там надолго. За четверть ночи, мы соорудили шалаши. Но скоро пришли наши, русские солдаты. Солдаты сказали нам идти в какой-то большой дом. Туда мы и пошли. Нас распределяли по странам, городам местностям.

После освобождения я работала в колхозе, это было в 1945 г., а в 1947 г. вышла замуж.

Минск, 2010
Записано учащимися СШ № 134

Зубарев Александр Иванович

1 .10.1925, д. Хотиловичи Кричевского р-на Могилевской обл.

В сложное время был арестован за распространение листовок, сбор оружия. Приходилось собирать сведения о гарнизоне в Кричеве, записывать номера следующих на фронт машин. Даже пришлось

обстреливать немецкий самолет в районе Кричева. Во время ареста подвергался унизительным пыткам, но спасла меня жена старосты, которая не поддерживая его деятельности пригрозила ему. Моих друзей А.С. Гуриновича, Р.К. Мельникова, М. Щетикова расстреляли в 1944 г. После этого меня 20 июля 1942 г. вывезли поездом в тюрьму Гродно, затем в тюрьму Ольтерсберга. В январе 1943 г. как политический перемещен в лагерь смерти Штутхоф близ Гданьска. Мое место было определено в блоке № 5. Более месяца допрашивали. Работал на земляных и бетонно-каменных работах. Поскольку Красна Армия приближалась, то нас в конце апреля 1945 г. посадили на баржу и оставили в море на произвол судьбы. Дальше что было не помню. Нас привели в чувства работники Красного креста на острове Мюн. В г. Штеге увидел английских солдат. Это было 5 мая 1945.

Минск, 2010

Ильчик Аркадий Григорьевич

10.06.1928,

… Праздновал я тогда Купале, веселье было в самом разгаре. Но тут мой сосед попросил всех успокоиться и послушать. Ужасное осознание ситуации произошло не сразу. Некоторые запаниковали. Через некоторое время услышали шум самолетов. Все в панике побежали в лес. Кое-как пересидели. Потом вся деревня начала рыть землянки.

Вскоре пришли и передовые части вермахта. Я со всей семьей все время пересиживал в землянке или в дому, не пытался вмешиваться в бои партизан против фашистов. Так продолжалось около двух лет.

После долгих боев фашисты все таки прорвались. Мы обежали в лес прятаться. Но я не успел убежать. Меня захватили в плен.

Отвези меня в концлагерь находившийся в Гомельской области. Но долго я там не задержался. Узников лагеря, включая меня, завели в вагоны, как скот. Давали воды и хлеба в малых порциях для всего вагона. Выглядело это со стороны, будто хозяин кидает кость собакам. Кое – кому из других вагонов удалось бежать, но нам не повезло.

Нас повезли в лагерь под г. Вуперталь. Там нас выстроили как товар для бауэров, которые выбирали для себя самых крепких и увозили на работу. Меня и еще 11 мужчин забрали работать в больнице в том же городе. Охраны там особой не было, только

ограждена была колючей проволокой. Поскольку я был самый юный, мне досталось работа уборщика и дворника. Работали много, отдыхали мало. Наша комната находилась на самом высоком этаже шестом. Мне иногда везло: больные немцы, именно немцы, жестами звали меня к себе и давали разной еды. Так где-то длилось года полтора без особых происшествий. Потом только с наступлением союзнических войск, во время бомбежек мы переносили больных с высоких этажей в подвал.

Но вот наступил этот день. Мы увидели, что больницу окружили американцы. Естественно, мы тогда не вышли на работу. Нас освободили, но среди американцев не было тех, кто разговаривал бы на русском. Нас отпустили и разрешили ходить по всему городу. Через некоторое время нас отправили в лагерь для раненых, а потом и на Родину отвезли. Допрашивали немного, так как я был в допризывном возрасте. Пришлось служить три года на шахтах. Там я нашел любовь и женился. Через два года, в связи с плохими условиями жизни, переселился в Минск.

Записано учащимися СШ № 47 г. Минска
Минск, 2010

Камоцкая (Старостенко) Мария Николаевна

1.11.1925. д. Боханы Хотимского р-на Могилевской обл. – 23.11.2009, г. Минск

Родители имели троих детей. Вот уже в самом начале войны погиб отец, дом сгорел. Мама жила с детьми в землянке.

Некоторое время, дома днем были бомбежки немцев, а ночью − партизан. Немцы схватили в д. Боханы и повезли в Германию в концлагерь Ромбах. Там с 3 сентября 1943 г. по декабрь 1944 г. работала на литейном заводе. Жили мы в бараках, спали на трехъярусных кроватях. Нас кормили салатами (шпинатами) с грязью. Затем нас 5 суток вели пешком до города. Ночью шли, а днем копали окопы. Когда вели нас, то возле дорог мы собирали фрукты и ели их. Затем в г. Вецлер с января 1945 г. меня отдали в семью Вильгельма Гегера. Там я жила у хозяина. Меня вместе с хозяином освободили американцы. Распределили нас и отвезли на родину. Отправилась работать на Украину. Зимой работала на сахарном заводе, летом − на бурачном поле. Деньги зарабатывала и оказывала помощь матери. На родине работала в колхозе. Тут же получила справку, а на Украине – паспорт. И переехала жить в Минск.

Минск, 2009
Записано учащимися СШ № 134 г. Минска

Карасева (Добринская) Тамара Тимофеевна

7. 04 1938, г. Витебск

Родилась в семье рабочих. Семья состояла из семи человек родители и пятеро детей. Старший сын отца от первого брака ушел в партизаны. Потом в первых числах марта 1944 г. к дому (мы жили в каменном доме на окраине г. Витебска) подошла колонна немецких машин. Немцы вошли в дом и велели всем выйти, при этом не преминув пнуть ногой по коробке с елочными игрушками, которые разлетелись во все концы. Сначала нас завезли в «5-й полк» на пару дней, может больше. Потом загрузили в телятники. На полу лежала солома и много людей. Кто плакал, кто кричал, а кто стонал. Ехали медленно и очень долго. Брат рассказывает, что на протяжении пути, периодически в одном из вагонов раздавали хлеб и еще что-то. Но что там творилось! Люди были голодные и кто поактивнее и посмелее – тот мог и получить этот хлеб.

Привезли в Германию, разместили нас в бараки. Этих одноэтажных бараков было много. Они были обнесены высокой стеной колючей проволокой и кругом полицейские. А с торца этой территории (как мне помнится) была стена более плотная, которая отделяла нас от каких-то корпусов, но тоже вроде проволочная, потому что сквозь нее иногда видны были заключенные.

Как тогда говорили взрослые – это был концлагерь Дахау. Так с марта по июнь 1943 г. началась наша новая жизнь (Позже с июня 1943 г. начали работать у бауэра селения Кикинхауз. Мы же жили в бараках, где стояли двух, трех ярусные нары. Взрослых и детей постарше гоняли куда-то на работу. Детям в лагере делали уколы, однажды после очередной инъекции, которую делали якобы от коклюша, к утру умерло много детей.

Я же лежала на верхнем ярусе с предельно высокой температурой, так как на месте укола (укол делали в предплечье) образовалась гнойная, выболевшая до кости рана. Было очень плохо. Как говорил брат долго была в бреду. То приходила в себя, то опять уходила. Помню, когда очнулась − в бараке никого не было и только кое-где такие же больные дети.

Когда в барак возвращались взрослые, то как-то лечили народным способом. Но ведь ничего не было, кроме какой-нибудь травки.

Но как-то один лагерный заключенный тайком передал маме какое-то средство, то ли мазь, то ли масло, которое меня спасло. А то ведь считали меня уже почти мертвой.

Я, конечно, об этом не помню. Мне рассказывали взрослые. В результате осталась жива, но с выболевшей до кости затянувшейся раной – этот след лагеря остался на всю жизнь на моем предплечье.

В апреле 1944 г. в лагере начали отбирать трудоспособных молодых для работ. В конце апреля увезли отца Тимофея Ефимовича (1886), маму Анастасию Ивановну (1896), сестру Валю (1928), брата Виктора (1930), брата Сергея (1932), и меня 6 летнюю. Рабсила не роскошная, поэтому долго оставались в лагере. Привезли нас в Гиггенхаузен округ Фрайзинг (по данным Международной службы поиска в Арользене зарегистрированы с 29 апреля 1944 г. по 25 мая 1945 г.). Родители и брат Сергей (12 лет) работали на мельничном и лесопильном заводе Мосмюле-Массенхаузен у Франца Пауля Оберприлляра. Жили мы с матерью в комнатке на мельнице, типа кладовки. Там помещалась одна железная кровать, одна тумбочка и один стул. Взрослые (и брата к ним отношу) работали, а я продолжала болеть, или вернее, отходить от болезни.

Очень гуманно, что кухонная работница (кстати, немка) каждое утро приносила мне и ставила на тумбочку для меня стакан горячего молока и кусочек хлеба. Правда, я ни разу его не выпила, мне не хотелось, вероятно, из-за своего состояния болезненного. Ведь были кости и кожа, так говорила мама. А потом потихоньку начала даже выходить на улицу из этой кладовки. У хозяина был 2-х этажный особняк. На первом этаже была кухня, столовая и вроде бы спальня хозяев. И вдруг срочно нас всех четверых переселяют на 2-й этаж особняка. А там огромный зал с роскошной мягкой мебелью, на которую страшно было присесть после наших скитаний.

И в этот же день ко мне во дворе подошли два военных в незнакомой мне форме, присели на корточки возле меня и о чем-то расспрашивали, т. к. я не понимала они перешли на жесты. И я поняла, что их интересует, кто я и где я живу, сплю. Я тогда с глупой детской гордостью или наивностью указала на 2-й этаж особняка, после чего они угостили меня шоколадкой и ушли.

Как потом я узнала это были наши освободители – американцы. Правда, мать меня потом отругала, что я беру угощенье от неизвестных людей, боялась, чтоб не отравили.

У хозяина в столовой часто собирались немцы, что-то обсуждали. А перед концом войны хозяин умирает от сердечного приступа. Сыновья (или сын) были на фронте. Оставалась жена Кетея, очень симпатичная женщина. Американцы вывезли нас в г. Фрайзинг, а потом в Чехословакию г. Будовцы, а далее отправляли нас наши (русские) домой, в г. Витебск вернулась вся семья 6 августа 1945 г. (по данным госархива Витебской обл.).

Вернулись на тоже место, где от нашего дома остался только пепел. Не вернулся с этой войны сын отца (от первого брака), который был в партизанах. Пропал без вести.

Был такой период в нашей жизни, когда насильственно угнанные в Германию подвергались преследованию, поэтому мои родители при их жизни старались оградить меня от знаний и воспоминаний о Германии. Только потом мои старшие сестра и братья смогли что-то рассказать. А старший брат Виктор тогда работал инженером-технологом, потом начальником инструментального цеха на заводе в г. Витебске. В командировке на полярные (секретные) заводы и заграница – ему был запрет, так как был в Германии.

Минск, 2010

Кедич (Карпичкова) Александра Прокофьевна

6.11.1936, Золотомино Кормянского р-на Гомельской обл.

Я вместе с моими двумя сестрами Евдокией (1928) и Полиной (1934) были эвакуированы при приближении линии фронта. Пришлось обустраиваться в д.Лесище Бобруйского района. Для организации донорской крови фашисты, где-то в конце апреля – начале мая 1944 г. передали в деревне, что бы все население собралось на окраине деревни. Не выполнившие приказ будут расстреляны. Собравшихся окружили солдаты. Вблизи на столах лежали бирки. Детей подводили и вешали бирки с номерами их на шею и отправляли в машины. Стоял страшный крик. Матери лишались иногда по трое детей. Всем было страшно. Стрельба. Некоторые бросались под машины. Нас перевезли в Красный Берег. Поместили в конюшню. Тут были дети и с других деревень. Все это пространство было окружено колюче

проволокой и находилось под охраной часовых и собак. Страшно. Свет проникал только через щели. После команды выходить по 5 человек ворота открылись. Мы прошли к железной дороге. Там нас ожидал товарняк. Закрыты мы были наглухо. Лишь небольшое угловое отверстие давало немного света. На территории Польши двери вагонов были уже открыты, но никто не убегал. Куда? Первый лагерь, где нас высадили был Лертен. Бараки обнесенные проволокой, стены исписанные фамилиями. Спали на двухъярусных нарах под грязными одеялами на рогожке из древесной стружки. Множество клопов и насекомых. Их никто не травил, что бы хоть как-то помочь нам. Кормили два раза в день. В обед на первое - баланда из гороховой муки или смесь с отрубями. На второе. Как мне казалось, лягушечьи головастики или 3-4 картошки в мундирах с шпинатом обработанным кипятком. Здесь мы находились около двух недель. Затем нас перевезли в г. Капэн. Здесь у нас не было фамилий. На шее висела бирка с номером. Старших переписали и их фамилии сохранились в архивах, а у нас нет. У фюрера - начальника лагеря был злой характер. Он не имел правой руки и черный протез торчал из рукава. В другой руке постоянно держал дубинку. Мы его очень боялись. Так как нам хотелось есть, то мы тянулись к помойной яме. Там картофельные очистки, иногда корки подпорченного хлеба, Вот он там нас и настигал. Бил. Вот и троих беглецов в поисках съестного поймали и били на столе в присутствии детей до полусмерти. Они кричали, а мы плакали.

В декабре 1944 г. нас перевезли в новый лагерь г. Дассау. Здесь было много лагерей идля дятей и взрослых. Нас от них тделяла колячая проволока. Здесь прошла переписка в соответствии с возрастом. Так меня разлучили с сестрами. Старшую Дусю перевели к взрослы в другой лагерь. Она там работала на заводе шлифовщицей в две смены по 12 часов. Нас же приодели. Правда обувь носилась недолго. Она была из картона сшита. Мне тогда сестра раздобыла деревянные колодки. Нередко они терялись или от быстрой ходьбы или дорожных неудобств. К нам стали прибывать и дети из других стран. Прибыло несколько таких групп из Хорватии. В общении мы не понимали друг друга. Затем прибыли дети политических заключенных. На их руках я видела наколотые номера. Сними потом я была в детском доме. Часто болели. У меня, например, уши. После обострения вообще теряла

слух. Когда бомбили лагерь, то я не слышала и оставалась в бараке. Для спасения с другого лагеря ко мне бежала моя сестра Дуся.
Мы работали подсобными, но по 7 часов. Сначала мы напильниками обтачивали металлические детали по заранее нанесенным линиям. При нарушениях наказывали битьем по рукам. Так как у нас ничего не получалось, то перевели в другой цех, глее мы насыпали белый порошок в узкие мешки, от которого чихали и кашляли. Еще собирали на поле камни. Чистили на кухне картофель. Помниться как моя сестра Полина спрятала под мышку сырую картофелину. Немка при выходе обнаружила. Сестру били до тех пор, пока не пошла кровь и она не упала без сознания. Уже дети приводили е ев чувство, облив водой тело. Сестра долго ходила с головой болью и опухшим лицом. Кормили нас плохо. Хлеб выдавали на территории лагеря на три дня. Его то мы сразу съедали, но потом приходилось голодать. У кого он оставался, то просили одолжить. Откусывали понемногу. Для санобработки нас один раз в месяц водили в баню.

Минск, 2011

Кетурка (Евтух) Татьяна Варламовна

18.12.1929, д. Казеные Лычицы Новогрудского повета Новогрудского воеводства (Польша)

КАМІТЭТ
ДЗЯРЖАЎНАЙ БЯСПЕКІ
БЕЛАРУСКАЙ ССР

УПРАЎЛЕННЕ
ПА ГРОДЗЕНСКАЙ ВОБЛАСЦІ

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
БЕЛОРУССКОЙ ССР

УПРАВЛЕНИЕ
ПО ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

28 марта I991 г. № К-209

г. Гродно

С П Р А В К А

Евтух Татьяна Варламовна, 1929 года рождения, уроженка деревни Казеные Лычицы Новогрудского района Гродненской области, проживая по месту рождения, в августе 1943 года была вывезена в оккупированную немцами Эстонию, где содержалась в лагере до сентября 1944 года. Затем отправлена в Польшу в лагерь гор. Освенцим, где находилась до освобождения Советскими войсками по январь 1945 года. После прохождения государственной проверки 2I февраля 1945 года возвратилась к прежнему месту жительства.

Начальник подразделения Р.И. Верстак

Ковач (Епимашко) Татьяна Тимофеевна

22.06.1940, д. Уголец Пуховичского р-на Минской обл.

Наша семья состояла из 6 братьев и двух сестер. Был у нас большой дом. Старшие братья Иван и Александр работали в Минске и тем самым помогали семье. Старшая сестра Анна вскоре пошла работать на картонную фабрику, что находилась вблизи нашей деревни.

Уже во время во время войны родилась еще одна наша сестричка – Валентина. Папу немцы водили на расстрел, за то, что его сыновья служат в армии защищают Родину. Не знаю как, но он остался жив. Но во время карательной операции наша деревня была сожжена. Мои братья Коля и Володя и Аня спрятались, а меня, да еще сестер Марию и Валю, брата Мишу схватили. Так мы расстались. Сначала были в деревне Междуречье в сарай. Что помогло, но нас не сожгли, а нас на повозках вывезли через речку в концлагерь в Марьину Горку. С нами была и наша мама. Нас не кормили. Помню, что я много плакала и слышала чужую речь. Брат рассказывал, как он хотел мне помочь и второй раз стал за получением пищи, но получил такой удар между лопаток, что было ему больно и мы плакали. Мы выжили и вернулся папа со старшими братьями. Братья Владимир и Николай прятались в лесу, а вот Аню схватили и отправили в Германию. Но мои два брата Иван и Александр не вернулись с войны. Мы же построили землянку, но она была без пола. Мы сильно болели брюшным и сыпным тифом. Потом построили домик, где нам хватало всем места. Образование среднее специальное.

Минск, 2011

Константинова Ольга Петровна

1938 – 1.12.2005, г. Минск

С февраля 1944 г. по апрель 1945 г. находилась в д. Кирхвай. что недалеко от Бремена. Образование высшее.

Минск, 1999

Коробейко (Буценец) Галина Александровна

23.02.1941. п. Фрабасова Пуховичского р-на

Прятались от гитлеровцев в лесу. Это было недалеко от дома. Но в апреле 1944 г. там и схватили и перевезли в лагерь Пухович. Освобождение состоялось в мае 1944 г. Образование среднее.

Минск, 2000

Корзун (Козловская) Александра Порфирьевна

28.03. 1930, д. Понизовье Логойского р-на Минской обл.

Когда началась война отец ушел на фронт, а мама осталась одна с 7 детьми (2 умерли еще до войны). Вот отец и брат погибли во время войны. Я же к немцам я попала 3 мая 1944 г. Мне тогда было 14 лет. Когда шла блокада, я была в лесу, меня схватили немцы и забрали в Германию. Так я попала в Гамбург.

В лагере, где я была, каждую ночь была бомбежка, но одна ночь мне запомнилась на всю жизнь. В эту ночь пленные, как и всегда, полезли в подвал и вдруг, раздался взрыв − это была очередная сброшенная с самолета бомба. Когда выжившие люди оправились от шока, в этом подвале уже были надзиратели. Там погибло 147 человек. То, что осталось от убитых немцы сами с большего собрали, а части тел погибших, которые от взрыва разлетелись в разные стороны, собирали пленные.

На работу нас гоняли на радиозавод. Мы все там голодали. Мы брали гнилую картошку и прикладывали ее к печке, чтобы хоть что-нибудь поесть. Немец заметил и сказал нам, что если мы будем так делать, то он отведет нас на виселицу. Пугал так нас.

3 мая 1945 г. нас освободили американцы. Когда они привезли нас к русским − это был лучший момент в той жизни. «Наши» встречали нас с оркестром на красивой зеленой поляне. Потом русские повезли нас домой. Не доехав до Минска 1000 км, машина, на которой

нас везли, пошла в откос, перевернулась и, уткнувшись в дерево, остановилась. Одна из марширующих колонн, увидев разбитую машину остановилась, чтобы помочь нам. Меня вытянули из машины почти неживую. Только общими усилиями откачали. Очнулась я вся в крови. В этой аварии погибло много людей. О происшествии мне напоминает выбитая кость на руке.

Довезли нас до Волковыска, а дальше до Минска мы добирались на поезде. Попала я домой, но дом и все что было в нем сгорело. Мама осталась одна с 6 детьми. Я уехала в Минск, где пошла, учиться в ФЗО (при фабрике «Элема»). Это было тяжелое время. Проучилась 6 месяцев и пошла работать. Жизнь понемногу стала налаживаться, но и прошлое напоминает.

Минск, 2006
Записано учащимися СШ № 134 г. Минска.

Кострова Валентина Яковлевна

19.09.1932, д. Китин Паричского р-на Полесской обл.

С 6 лет осталась без матери. Потом и отец от туберкулеза. Дед тоже был привлечен за невыполнение плана. Все тогда хозяйство на мне оставалось. Пасти гусей, начистить бульбу, корову загнать. Это все в 6 лет. Если нарушу она меня и побьет. Однажды влезли в прискрынку. Открыли йод а он на белье. Вот за это и получила. Потом меня за 2 года сдали в детский дом в Паричи. Меня то крестный забрал на лето в деревню. Вот я и осталась. А нас всех детдомовцев эвакуировали и никто не попал в Германию. А вот мне было суждено

В мае 1941 г. девочка Валя закончила два класса, ей было 9 лет. Она воспитывалась в детском доме. Когда началась война, была в деревне у дедушки... А вскоре пришлось стать узником лагеря в Германии.

В нашей деревне было много беженцев. И в нашем доме они ночевали − не было свободного места. И стали люди тифом болеть. И я тоже болела.

Однажды, когда, видимо, фронт стал приближаться, немцы с собаками окружили деревню, согнали всех жителей и сказали всем детям от 8 до 14 лет − выйти. Мы вышли. Нам повесили номерочки, погрузили нас в машины и увезли. А сколько было плача...

Увезли нас в немецкий госпиталь в Красный Берег, это Жлобинский район. Там у детей брали кровь...

Уже после войны, когда я ездила на экскурсию в Красный берег, экскурсовод рассказывал о том, как у детей брали кровь для раненных немцев, а потом детские тела сжигали, этим детям после войны памятник поставили.

Домашняя» кухня. Нас лечили от вшей, от чесотки − от всех болезней. Но что интересно, сами немцы − солдаты − мазали нас от чесотки. А потом погрузили в вагоны и в Германию отвезли. Это был апрель 1944 г.

Привезли нас в Германию − в г. Капен. Отбирали на разные работы. Нас, девочек семь-десять, отобрал один немец и привел на кухню, где кормили русских рабочих. Кормили плохо... Он нас сперва всегда садил кушать, а после − за работу.

А потом наш шеф забрал пятерых девочек и меня. Я тогда была очень маленького роста, наверное, пожалел меня. И привел нас работать на ту кухню, где кушали рабочие-иностранцы. Кстати, он сказал называть его Fatti, а его жену −Mutti (папа и мама)...

Урок. Один раз, дети есть дети, когда на кухне никого не было, мы захотели сладкого и стали по очереди пробовать сладкую твороженную массу. И вот моя очередь, я только зачерпнула − и в рот... А сзади: «Was ist das?» (Что это такое?) Боже! Выпал у меня черпак, все разбрызгалось... А там, в Германии, все очень строго, воровства нет, экономии и честности поучиться можно было − это я уже когда повзрослела, сопоставила и поняла.

Прогнал меня шеф с кухни. Я пошла... Что мне делать? Куда мне идти?..

Испугалась я сильно, ведь за воровство могут в жандармерии плетьми засечь, готова была даже в лес убежать − от стыда подальше. Хорошо, что тетя Мария − латышка, работавшая на кухне, − надоумила: завтра попроси у начальника прощения, поцелуй ему руку... Утром я так и сделала. Он меня простил. Но урок этот остался на всю жизнь. И детей своих, и внуков я учила никогда не брать чужого.

После войны, вернувшись на родину, Валентина оканчивала сельскую школу, была пионервожатой в летнем лагере, а позже − старшей пионервожатой школы, секретарем комсомольской организации колхоза. Судьба привела на Минский велозавод, где довелось быть секретарем комсомольской организации цеха. Окончила институт народного хозяйства.

Подготовил Виталий БАБИЧ

Минский городской исполнительный комитет администрация Ленинского района Благодарственное письмо заместителю. Председателя ветеранов при КУП-ЖЭУ-45 0.05.21007 заместитель главы администрации А.Н. Красцкий
После войны приняли в комсомол. Уже 7 классов закончила в 1948 г. Хотела, но в Германии же была. Но директором школы был мой троюродный брат. Вот и без всяких вопросов и приняли назначили меня пионервожатой, а потом за 5 км от нас пионервожатой школы. Вот тогда даже стала секретарем комсомольской организации. Вся общественная работа на мне. Деньги получала за 15 км. Это далеко за Березину. Без охраны и никто и не думал брат хоть копеечку. Библиотека школьная на мне была. На родительские собрания стали постановки в зависимости от праздника. Но самый большой праздник это в канун Нового года. Творили все из бумаги. Отец работал начальников цеха на велозаводе. И квартиру получили на Нахимова. Это совсем недалеко от завода. Так все просто было. Ой, Боже, Боже. Не война так в мироне время случилось горе. И детей так же воспитывала. Старший сын Саша в институт физкультуры – штангист во время студенческого отряда в Крыму. Разгружали вагоны, а грузины парни пристали к девушке. Вот ножами и убили. Друг выжил, а мой умер. А младший в технологическом институте. Тоже студен. Вот ехал с дачи на мотоцикле и на повороте врезался в асфальтоукладчик. В 1994 г. умер муж. Сейчас общественная работа спасает. Много благодарностей получаю. Валентина Яковлевна показывает газеты «Мотовело» (2005 1997) Но для нее остается наиболее значимой встреча с Президентом 2 июля 1994 г. на 50-летии юбилейной даты освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Не забывает и Ленинский совет ветеранов г.Минска. тут и грамоты и письма от знакомых, которых поражает оптимизм доброй женщины.

Кривелева (Снытко) Мария Филипповна

18.12.1926 (по паспорту – 22.05.1927), д. Кледневичи Дрибинского р-на – 09.2009, г. Минск

Когда началась, война мне было 15 лет, деревня, где я жила с родителями была оккупирована немцами, там я и жила до октября 1943 г. Брат сражался в партизанах в Климовичских лесах.

23 октября 1943г. при отступлении, немцы угнали жителей нашей деревни за Днепр, в район г. Орши, где мы остановились с соседской семьей в поселке Александрия. Зимой партизаны подорвали железную дорогу, после этого деревня, где мы жили, была оцеплена немцами меня и еще 25 человек забрали как заложников. Ночью нас погнали в местечко Копысь, до утра держали в закрытом сарае, а рано утром немцы погрузили нас в закрытую машину и отправили в

Оршанскую тюрьму. Там вызывали на допрос, ничего не добившись, через несколько, дней нас погрузили в специальный поезд «Черный ворон» и отправили в Германию. На границе с Польшей, на станции Граево был распределительный пункт. Там оформляли документы, проверяли здоровье. А через две недели нас отправили в Германию в г. Фюрстенвальде. Там мы работали на заводе, на котором делали шины. Жили в лагере закрытого типа. Летом 1944 г., когда в выходной на два часа открывали ворота, удрала из лагеря. На второй день после побега меня нашли и отправили в наказание в концентрационный лагерь Освенцим (лагерный номер Э106118). В январе 1945 г. лагерь был эвакуирован. Пешком нас гнали в лагерь Равенсбрюк. От туда молодых забрали на работу в г. Нойштадт, на завод где делали самолеты. Там опять оказалась за колючей проволокой. С барака не выпускали.

Освободили нас англичане вечером 2 мая 1945 г. На следующий день в городе увидели русских солдат на танках. В Германии в г. Вангерин около месяца были на распределенном пункте. Распределяли по областям. Добирались в Россию пешком, на подводах, пешком, подвозили вперед на машинах. Те кто, отставал, находились на лечении в военном госпитале, пока подойдет другая колонна. Вещи наши повезли в Гомель. Летом добрались до Гродно. Там нас откормили, и когда пришла наша очередь, мы уехали домой в д. Кледневичи, где я родилась и росла, сгорела и я поехала к матери в д. Шаблавы Дрибинского р-на. Это было 15 августа 1945 г. После войны попала в Минск, где осталась и живу до сих пор.

Составлено на основании анкеты и справки Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.

Минск, 1993

Крищанович (Кононова) Мария Павловна

18.01. 1928, д. Тросна Шкловского р-на Могилевской обл.

Из родной деревни 16 декабря 1942 г. была насильственно вывезена на работы в Германию. Оказалась в г.Гдыня. только 5 апреля освободили советские солдаты, но домой попала 15 декабря 1945 г.

Образование три класса.

Минск, 2001

Крук (Южанина) Екатерина Зиновьевна

1-я половина 1924, д. Пережер Руденского р-на Минской обл.

Угнана 26 марта 1943 г. попала в пересыльные лагеря Регенсбурга, а затем с 16 апреля 1943 по май 1945 г. работала сельскохозяйственной рабочей у землевладельца М. Шперла в д. Кальмюнц округа Регенсбург. В мае-июле 1945 г. находилась в сборно-пересыльном пункте № 128 г. Шремс. 10 августа 1945 г. прибыла в деревню. Ее ожидала печальная новость − мама Анна Петровна умерла 26 марта 1945 г.

Минск, 2010

Кузьмина (Протас) Софья Леонтьевна

1929, д. Урочь Слонимского р-на Гродненской обл.

Два моих брата были партизанами. Один из их погиб в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Меня же 1 сентября 1943 г. вывезли в г. Дюссельдорф. Находилась в Рейхенбахере Вег лагере № 1. Освобождение встретила в г. Корбах 15 апреля. Некоторое время, то есть по 1 сентября 1945 г. находилась в детском доме г. Бонна. После прохождения проверки 10 ноября 1945 г. убыла на родину.
Образование высшее

Кузьмичева Таиса Адамовна

13.069.1932, г. Минск

В 1943 г., когда Таиса Адамовна Кузьмичева стала полноправным бойцом спецгруппы НКГБ СССР «Местные», ей исполнилось всего... одиннадцать лет. У представителей нынешнего молодого поколения может возникнуть вполне закономерный вопрос: «Какой же из нее боец, да еще спецгруппы?» Девчонка, и только. Тем, кто вырос в мирное время, невдомек, как рано взрослели те, чье детство оказалось опаленным войной.

Приходил папа... Двоюродный. Перед войной семья жила на улице Ульяновской в Минске. Через два дня после оккупации немцами белорусской столицы от дома остались одни руины, и матери с двумя детьми − девятилетней Таисой и трехлетней Галей − пришлось перебраться в квартиру к папиным знакомым. Сам глава семейства Адам Козлов, до войны работавший в гараже Совмина и возивший министра сельского хозяйства, стал одним из организаторов

подпольной работы в Минске. Ему удалось установить связь с несколькими местными партизанскими отрядами.

– Папа приходил домой редко, как правило, по ночам, чтобы никто из соседей не видел, – вспоминает Таиса Адамовна. – После одного из таких визитов к нам нагрянул полицейский патруль. Один из полицаев спросил: «Где ваша мама?» Малышка-сестра, которая еще не осознавала всю серьезность происходящего, призналась: «С папой ушла!» – «Это еще с каким таким папой?» И, чтобы отвести подозрения от отца, я выпалила: «С двоюродным!» Посетители рассмеялись и удалились. Репутация матери была подпорчена, но это спасло родителям жизнь.

Ольге Николаевне еще не раз приходилось оправдываться. И за себя, и за мужа. Однажды Адам Козлов и Володя Сеньков (один из братьев Сеньковых, знаменитых подпольщиков) переоделись в немецкую форму. В отряде не хватало соли, и они решили обеспечить товарищей необходимым продуктом. Пришли в Минск и угнали две груженые машины: одну прямо с завода, другую – с продуктового склада. Знакомые увидели Адама Ивановича в немецкой форме. «Говоришь, твой муж на фронте, а он...» – укоряли они потом его жену.

Мама зашила фанату в куклу... Когда Таисе исполнилось одиннадцать, отец сказал: «Дочка, ты уже у меня большая, помогай!» С этого момента девочка стала связной у подпольщиков. Ей доверяли сообщения, которые необходимо было передать слово в слово, проверить, есть ли на дороге полицейский патруль. Она пробегала не один километр по городу, оповещая подпольщиков о месте и времени встречи для разработки совместных операций. Перед тем как выбрать место сбора, ее посылали проверить, нет ли там немецкой засады. «При этом у меня было одно немаловажное преимущество. На меня, как на ребенка, немцы снимания не обращали», – вспоминает Таиса Адамовна.

Приходилось многое делать из того, на что не каждый взрослый мог отважиться. Однажды мама зашила в куклу (раньше это были куклы с гуттаперчевой головой и тряпичным, набитым опилками туловищем) гранату. Пришлось нести эту «куклу» через город в Лощицу. А еще вспоминает Таиса Адамовна такой случай. «Мама дала мне корзинку с куриными яйцами, на дне которой была спрятана взрывчатка. Я прикрепила корзинку к велосипеду и поехала по дороге, а мама шла

рядом. Оставалось уже совсем чуть-чуть до дома, где мы должны были передать опасный груз, как вдруг рядом с нами останавливается машина. «О, яйко!» – радостно восклицает немец, заставляет нас сесть в машину, берет из корзины несколько яиц и спрашивает, куда подвезти. Мама назвала место неподалеку оттого дома, где нас ждали. Немец подвез и взял «за услугу» еще несколько яиц из корзинки. Но, к счастью, он оказался не жадным. Если бы решил взять еще несколько яиц, то взрывчатка была бы обнаружена».

Из 3-й больницы свои люди передавали медикаменты. И здесь помощь юной подпольщицы была своевременной. Ведь бинты и лекарства так нужны были борцам за независимость нашей страны.

Как Тая коров пасла. В сентябре 1943-го начались повальные аресты. Пришлось покинуть Минск и отправиться в партизанский отряд «Местные», которым командовал Станислав Ваупшасов, больше известный под именем Градов. Здесь на плечи юной подпольщицы легла забота о раненых, стирка и готовка. Посылали ее и в дозор, но, делая скидку на возраст, отправляли только днем. А однажды девчушку, которая выросла в городе и совершенно не умела обращаться со скотиной, отправили пасти коров.

–Мои ровесники на лето всегда уезжали к бабушкам в деревню. Поэтому коровы, козы и овцы для них не были в диковинку, – рассказывает Таиса Адамовна. – У нас же такой возможности не было, отчего я испытывала даже некое чувство зависти и всегда просила родителей: «Купите родственников в деревне».

Вместе с мальчишками-партизанами Леней Кулешовым и Игорем Исаевым девчушка отправилась на очередное задание – попасти трех коров. Сначала все шло неплохо. Животные мирно щипали травку, отдыхали на мягком лугу. Но через некоторое время, видимо, учуяв волков, дали деру. Причем все в разные стороны. Каждый из ребят побежал за своей коровой – упустить их было нельзя: столько молока и мяса! Долго бежали.

–Это сейчас-то я знаю, что нужно было забежать наперед, преградить ей путь. А тогда я только бежала за ней, все подгоняя и подгоняя. Навстречу ехали мужики на телеге. Остановили корову, а я им: «Это моя корова». Они мне: «А ты откуда?» –«А вы кто?» Выяснилось, что это партизаны из отряда под командованием Михаила Мормулева (мы их звали «мормулевцы»), везли в наш отряд печи. У них, видимо, жестянщик был, и они снабжали наш отряд

необходимыми в хозяйстве изделиями. Так они вместе с коровой и доставили меня на место.

Отцу сообщили, что семью расстреляли. − После был неудачный выход из окружения. Плен. Вместе с женами и детьми других подпольщиков нас посадили в подвал. На следующий день женщин стали куда-то уводить. Мы закричали. Четверых детей, а в их числе были мы с Галей, немцы перебросили через плетень, и мы догнали своих мам, − со слезами на глазах вспоминает Таиса Адамовна. − Остальных ребятишек позже нашли в избе расстрелянными. До освобождения Беларуси оставалось ровно 28 дней. Нас же с мамой отправили в концлагерь Майданек на территории Польши, потом переправили в Чехословакию, где мы работали на заводе. Пока ехали, постоянно ощущали, как за нами следом идет Красная Армия...

В начале мая 1945-го охрану с лагеря, где жили работавшие на заводе, сняли, а нас разобрали по домам местные жители. Это нас и спасло. Как потом узнали, в двадцати километрах находился подобный лагерь, и, отступая, немцы всех расстреляли. 6 мая пани Верткова, которая прятала нас, открыла погреб и сказала: «Выходите, ваши уже здесь».

Не дожидаясь организованной отправки назад в Минск, Ольга Николаевна и девчонки направились домой пешком. Больше месяца ушло на дорогу. Но самой трогательной оказалась встреча с отцом, которому сообщили, что его семья погибла.

− Мы тогда жили у бабушки. Стою, жарю картошку, − голос Таисы Адамовны дрожит. − Вошел мужчина, посмотрел на меня пристально, побледнел и чуть слышно произнес: «Тамара (он называл меня именно так), ты?!»

−Я.

Сложно передать словами то чувство радости, которое испытал тогда Адам Козлов. Без преувеличения, это было возвращение к жизни...

...После войны двадцать лет Таиса Кузьмичева проработала старшим инспектором отдела кадров первого автобусного парка. На лацканах ее пиджака, кроме знаков «Партизан Беларуси», «Участник Великой Отечественной войны» и отрядного знака «Отдельная мотострелковая бригада особого батальона» (куда входил партизанский отряд), − медаль «Ветеран труда».

На вопрос «Не страшно ли было воевать?» Таиса Адамовна ответила: «В те годы чувство патриотизма было развито настолько, что каждый, и взрослый, и ребенок, даже не задумывался о собственной безопасности –все было ради нее – Победы!»

P.S. Накануне Дня Независимости в Комитете государственной безопасности состоялась встреча бойцов и связных спецгрупп, действовавших на территории Беларуси. В числе гостей – Таиса Адамовна Кузьмичева.

Уряднова Н. Боец из «Местных» // Знамя Юности 2009. 2–9 июля. С. 10.

Начинался день 5 июня 1944 г. Рассвет был солнечный и ясный. Обоз продвигался и с еле заметкой проселочной дороге. Кто-то из партизан сказал: "Пройдем этот лес в мы спасены", значит вышли из окружения. По лесу продвигались без разговоров» торопясь погоняли лошадей, затаив дыхание прислушивались к каждому звуку, каждому шороху.

Вдруг тишину прорезала пулеметная очередь, началось что-то страшное. Обезумевшие лошади неслись друг на друга переворачивая телеги, крик людей, плач детей, стрельба, ржание лошадей, все смешалось в утренней дымке. Я свалилась с телеги и бросилась в канаву, оглянувшись увидела на телеге сидит сестренка Галочка пяти лет с обезумевшим лицом, а конь становится на дыбы и вот-вот перевернет телегу, в это время подбежала мама и стащила Галочку с телеги и бросилась с ней на руках б лес. Я бросилась за мамой.

Но уйти в лес нам не удалось, Навстречу вышли полицаи, наставив на нас автоматы. Вывели нас на дорогу. Что-то страшнее было вокруг. Убитые лошади, перевернутые телеги, а самая страшная картина была впереди.

На дороге лежал двоюродный брат Бася Кресик – 17 лет. Полицейский взял Васю за ноги оттащил на обочину дороги и бросил. Он был мертв, Группа полицейских, обступив что-то в центре дороги, громко кричали, чем-то возмущались.

В это время к нам подвели Галю Андросик – 11 лет, двух братьев Акушевичей; Толю – 7лет и Лешу – 5 лет и брата и сестру Глинских Такого же возраста. Полицейские спрашивали у мамы, чьи это дети? Где их родители? Почему они все убежали? Мама отвечала, что это все ее дети, а ж окружили ее и всем хотелось поближе к ней призваться, а малыши маленькими рученьками старались хотя бы ухватиться за ее

юбку. Полицейский на мамин ответ расхохотался, а потом лицо его перекосилось страшной злобой и он стал бить маму прикладом. Мы все в один голос закричали, заплакали.

Склонившиеся полицаи и немцы в центре дороги на наш крик обернулись, выпрямились и расступились. Мы увидели на дороге в углублении полусидевшим Николая Семеновича Андросяка – он был мертв, на левом виске виднелась застывшая капелька крови. Из-под расстегнутого полицаями комбинезона выглядывала форма одежды действующей армии с погонами, он был заброшен в партизанский отряд с большой земли".

Галя, его дочь, в ужасе закричала: "Папа! "Мама сжала ей рот, но в крике в общем плаче полицаи уловили отчаянный вскрик. Мама шепнула Гало, что если она признается что Николай Семенович ее отец, нас всех расстреляют, а полицаям объясняла, что Галя ее да; дочь, а убитого офицера мы не знаем, что мама с детьми просто попросила подвезти нас. Нас долго били, а потом поставили у песчаного обрыва, на другой стороне обрыва поставили пулемет, стали строчить из пулемета над головами и вокруг нас. Стреляли и хохотали, а мама нас всех прижимала к себе и говорила: "Не бойтесь, мы же все вместе и если нас убьют мы и там все будем вместе и просила не смотреть на пулемет".

Во время этого "развлечения" (в основном это были полицейские) верхом на лошади подъехал немец, о чем-то поговорил с ними, показывая на Николая Семеновича и нас. Затем показал нам выходить из ямы со словами "ВЭК, ВЭК" и нас погнали в ближайший хутор, по прибытии в хутор бросили в сарай, где продержали нас до следующего утра, не дав даже глотка воды. День был очень жаркий и нам после всех этих пыток очень хотелось есть и пить. Маленькие плакали, но понимая наше положение, плакали молча, только растирали грязными ручонками слезы по щекам, мы старшие рады были что нас оставили хоть немного передохнуть – терпели молча.

Ночью к нам в сарай доставляли еще женщин и детей, среди них оказалась жена Николая Семеновича с дочерью Светланой – 7 лет.

На завтра к полудню нас погнали в деревню, где сразу не стали сортировать. Детей в одну сторону, взрослых в другую. Рассортировав, взрослых погнали дальше. Я и Галя Андросик плакали, кричали, звали маму, прижимая младших Галочку и Светлану к себе. Немец-часовой спросил у нас "Мутер"?, показав вдогонку цепочке женщин и на наш

утвердительный ответ, взял нас и перебросил через плетень, что-то крикнув конвоирам-немцам и мы четверо догнали своих мам. Двое Акушевичей и двое Глинских остались в этой хате, а мы пошли дальше в колонне со взрослыми. /Вернувшись в июне 1945 г. мы узнали, что всех детей оставшихся в этом доме расстреляли, а нам выходит немецкий солдат спас жизнь, разрешив догнать своих мам.

Гнали нас до населенного пункта Шитковичи по болоту, вода доходила взрослым под мышки, а нам до горла. Галочку мама несла на руках. Болото было топкое. Шли по примятой тропинке едва заметной, чуть нога ступала в сторону, так сразу засасывало, немец сразу бил прикладом в спицу, а то направлял автомат на тонущую, пытаясь застрелить, но видно наш плач и просьбы женщин оказывали какое-то действие на этих уже не молодых солдат. В этом, кажется, забытом богом и непроходимом для людей болоте в погожий день, солдат-зверь почему-то вешал автомат снова на плечо, не применяя его. Помогая друг другу мы все-таки смогли преодолеть это болото, не потеряв ни одного человека. Шли почти весь день. Казалось этому болоту нет конца и края, к сумеркам мы вышли на большак.

По большаку небольшими группами гнали таких же истерзанных людей, если попадались в этих группах мужчины, то в них нельзя было признать людей. Это было кровавое обнаженное истекающее кровью месиво. Мама только шептала мне: "Не смотри, потеряешь сознание, тебя сразу убьют". Потом нашу группу догнала машина, подбирала нашу и другие группы, пока не набили полную машину. Стояли в кузове плотно прижавшись друг к другу, так что упасть с машины никто не смог бы даже потеряв сознание, кроме стоящих у края бортов. Одна все же девушка, стоявшая у борта, выпала или выпрыгнула, так и осталась лежать на дороге, прошитая автоматной очередью.

Привезли нас в Шитковичи и загнали в огромный сарай, битком набитый людьми. Мама и Нина Адамовна Андросик с трудом протолкнули нас поближе к стене, с тем расчетом, что если подожгут, крыша провалится в середине и гореть будем живыми, а у края стен раньше задохнемся от дыма, а потом сгорим. Здесь же мама, как предчувствовала, заменила с крестьянскими женщинами свою и нашу одежду на самотканую, которую носили в деревнях. Утром следующего дня немцы ходили с маминой сумочкой и по фотографиям искали нас, но не узнали, они искали в городской

одежде, а на крестьянскую мало обращали внимания. При разборе обоза нашли мамину сумку, а там лежали фотографии и две гранаты, но видно разобрались немцы что к чему, когда мы уже смешались с массой людей.

Пробыв в Шитковичах сутки нас, перевезли в Старые Дороги. Там тоже долго не задержали, ведь наши войска вели наступление. В Старых дорогах опять сортировка, меня оставили с мамой, а сестренку Галочку хотели отнять и погрузить в машину. Мама крепко прижала ее к себе и не отпускала. Два дюжих немца пытались вырвать Галочку из маминых рук, а затем стали бить маму. Видя, что и это не помогает, что мама мертвой хваткой держит дочку, тогда немцы стали палками бить Галочку. Мама упала на землю и закрыла ее своим телом, а мне кричала, чтобы я отошла и не смотрела. Все удары палок она приняла на себя. Стоял неимоверный крик, плач, стон все вокруг издавали звуки ужаса. Этот шум наверное помешал гулявшим на втором этаже, рядом стоявшего здания, офицерской компании, там играла музыка, видны были женщины, К окну подошел офицер с бокалом в руках, что-то крикнул по-немецки и немцы оставили маму. Нина Адамовна и я помогли ей встать, она чуть держалась на ногах, сестренку оставили с нами.

В этот же день нас посадили в товарные вагоны и повезли на запад. За вес эти дни нам не дали ид капли ничего съедобного. Ели любую травинку какая попадалась под руку. Привезли в Белосток и поместили в бараки в лагере. На следующий день утром в лагере дали по черпаку какой-то бурду. Эту порцию здесь давали через день, от голода у нас уже не было сил передвигаться. Выстоять проверку, которая длилась несколько часов под палящим солнцем стоило неимоверных сил. После проверки загоняли снова в бараки* где мы падали на нары и казалось уже никогда не сгложем встать, По ночам уже слышались звуки канонады».

Однажды по бараку пополз слух, что у немцев сдохла лошадь от чесотки а что они разрешают брать это мясо. Старшие, я и Галя Андросик пошли к тому месту, но пока мы пришли, там было только кроваво-грязное пятно, больше мы ничего не увидели. Лошадиную тушу растерзали голодные люди без остатка.

С семьей Николая Семеновича Андросика мы прошли все ужасы этого ада и вместе 13 июня 1945 г. вернулись в г. Минск, В лагере нас строили на проверку в день по два раза. Это была страшная пытка.

Распухшие от голода под нещадным палящим солнцем выстоять но менее двух часов это адская пытка. Кто падал, те больше не возвращались в барак. Чем отчетливей по ночам слышались звуки канонады, тем больше зверели надзиратели, а однажды, выйдя на проверку, в барак нас больше не пустили, погнали к железной дороге и снова вагоны-товарняки. повезли нас на запад.

Следующей станцией − остановка была Варшава, Здесь уже растеряв все силы, мы шли под непрерывные выстрелы. Упавший человек уже не поднимался, его добивали выстрелом. Как добралась до лагеря теперь даже не могу представить, какое это нужно было иметь желание жить. Страх не встать, **не** упасть, гнал нас вперед, помогая друг другу удержаться. Шли держась друг за друга.

Но вот и лагерь, кто-то перевел вывеску на воротах лагеря с немецкого языка на русский "Добро пожаловать". Здесь же потеряли уже все человеческое. Утром строились на проверку в две шеренги, третью выкладывало трупами, которые не дожили до утра. Ложились на нары плотно прижимались друг к другу чтобы согреться, а однажды проснулась от холода в спину, оказалось я прижимаюсь уже к закоченевшей женщине, крысы здесь свирепствовали тоже, У них такие холодно-ледяные лапы и хвост, как пробежит по лицу, ужас. Умерших за ночь они часто отъедали уши, нос и проч.

Построения здесь сопровождалось травлей овчарок, чуть промешкался, так и вонзит свои зубы. При малейшем нарушении во всем лагере производился отбор людей, которые в лагерь больше не возвращались, их сжигали в крематории. Когда произносилось, рассчитаешь на каждым второй, третий или четвертый, больше пятого не рассчитывались. Значит один из расчета по команде выходил вперед за их угоняли навсегда, затем проезжала повозка,, мы грузили третью шеренгу − трупы на нее и ее везли вслед за угнанными» а нас возвращали в бараки. Увезла и я из этого лагеря следы зубов овчарки. Не выдержала на палящем солнце во время проверки и присела на корточки, облокотясь спиной к Маминым ногам и только ее бдительность успела меня во время поднять а спасти, Укусы достались ноге» до сих пор видны рубцы.

Двор лагеря был весь засыпан шлаком, здесь мы не видели[4] ни одного зеленого листка или травинки. Постоянно меня преследовала мыслью почему я не догадалась взять с собой своей родной земли, мне казалось, если бы я могла зажать в ладони хоть бы щепотку родной

земли, мне бы все было ни почем. Я бы обязательно выжила, а сели пришлось бы умереть, так тоже с родной землей в руке не страшно. Вот эта мысль твердо засела в моем детском воображении и она меня преследовала на протяжении всего времена, пока не вернулись мы домой.

Однажды нам объявили, что мы пождем в баню на санитарную обработку. Перед входом в баню нас стригли и засматривали в рот, у кого были золотые зубы или коронки вырывали и бросали в ведро, затем заходили в так называема! предбанник, сбрасывали одежду, подходили к двум ушатам, один стоял на полу, другой на скамеечке и макали руки и ноги в какую-то липкую скользкую жидкость, а рядом стояла капо и смотрела, чтобы никто не прошел мимо, Мама мне пояснила, что это жидкое мыло, что нас будут мыть, не бойся. Войдя в моечный зал, я увидела на потолке много душевых зонтиков, вдоль стен стояли деревянные скамейки, на них изредка стояли цинкованные тазики, наглухо прикрученные к скамейкам, скамейки к полу. Все было сухое и ничего не напоминало, что здесь бывает вода, только очень скользкий пол от множества прошедших в скользкий жидкости мокрых ног. Мы вошли почти последние, слышали, как за нами захлопнули тяжелую дверь и закрыли на ключ. Все молча ждали, что сейчас включат газ и вместо мойки мы уйдем в небытие. В душевых зонтиках, что-то щелкнуло, Начался плач и крик, Вдруг распахнулась дверь и мы услышали команду "Шнель, шнель"! "Вэк"! Из образовавшейся только что кашей кучи одежды, мы выхватывали, что попало, чтобы прикрыть голое тело и, выскочив на улицу строились.

Построив, нас погнали опять на железную дорогу и загрузили в телятники. Потом в пути кто-то сказал, что на о ошибочно загнали в крематорий и чуть не сожгли, должны были сжечь гамбургских евреев а только близость наших войск не дала им возможность осуществить замысел, на нас у них не хватило времени, мы была не в плане.

Нас опять везли на запад. Привезли в Чехословакию, где нас и застало освобождение 6 мая 1945 г. Этот день для меня стал вторым днем рождения,

Везла нас опять без глотка воды, не говоря уже об еде. И когда привезла в г. Забжег а загрузили полуживых в машины и повезла до дороге обсаженной яблонями мы старалась на ходу сорвать яблоко, чтобы не видела охранники и если это удавалось было неописуемой радостью.

Привезла в деревню Лисница, где разместили на цементном полу в каком-то здании, напоминающим клуб. Здесь к голоду прибавилась болезни, лежала в покат на полу с высокой температурой, говорила, что это корь. Здесь мы пробыли тоже не долго - нас перегнала в деревню Лещина. Разместила также в клубе, но уже с деревянным полом и с двух этажными нарами, мешка со стружками, а зимой поставила две буржуйки, которые топила опилками,

В этом лагере стала кормить хоть однообразно, но постоянно, в *7 00* утрам и в 8 часов вечером похлебкой из корлюпа. Гоняли на работу на какой-то завод, где делала какие-то моторы. Завод находился в 2–3 км от Лещины. За похлебкой ездили тоже на завод, ее раздавали всегда в лагере, Возили на маленьких колясках в виде возков. Однажды везла эту тележку а приостановилась возле кладбища, там так красиво горела лампочки или свеча на маленьких **елочках** украшавших могилы – было рождество, но получала такой толчок в грудь, что упав, ударилась головой об асфальтовую дорогу и провалялась не помню сколько на нарах, не могла встать, открывалась рвота а головокружение, Немцы посмотрев на мое состояние не гоняли на работу.

Очень много здесь помогали нашему существованию местные жители. Подбрасывала через забор то что-нибудь из одежды, то кусок хлеба, то картошку в мундире, а иногда подносили к колонне, когда мы шла на работу ила с работы. За несколько дней до освобождения, нас разобрали местные жители и спрятали по своим подвалам и сараям, чтобы нас немцы при отступлении не уничтожила, как это было где-то в соседней деревне в 20 км от Лещины.

Нас, маму, меня и Галю прятала семья Строгалевых.

Описать нашу радость 6 мая 1945 г., нет слов как и нет слов описать тот ужас, который пришлось испытать за прошедший год. После освобождения, нам сказали, что нас будут отправлять организованно, где-то через 1–2 месяца, но ждать такой срок у нас не было никаких сил и мы где-то через дней 5–7 , чуть окрепнув, пустились в путь пешком *на* родину. Возвращались шесте с Андросяками.

Шли по железной дороге, где если везло, немного подвозили. Ехали на крышах, на подножках вагонов, на платформах загруженных углем, худые изможденные, перепачканные в уголь, грязь, пыль, такой наш был вид. Очень много шли пешком, железные дорога была

взорваны, разрушены мосты. Почта месяц добиралась до родного Минска.

13 июня 1945 г. вечером шла по родным улицам. Радость скоро была омрачена. Так как мы вернулись аз длена, нам было приказано в 24 часа покинуть родной город а снова мытарства уже на родной земле. Опять как а в 1943 г. скрывалась, ночевали где придется, пока штаб партизанского движения не смог доказать, что мы действительно не врага.

Справка о нашей гибели − расстрела до сих пор хранится в семье.

Машинопись.

Дополнено рукописью. В 1989 г. узнали, что Варшавский концлагерь был филиалом лагеря Майданек.

Далее прилагаются документальные материалы написанные в разное время, ео имеющие отношения к предмету нашего разговора. (Примеч. – К.К.).

Служебная характеристика

КОЗЛОВ Адам Иванович, 1908 г. рождения, белорус, беспартийный, женат, уроженец и житель города Минска БССР. Шофер. Семья погибла − расстреляна немцами. КОЗЛОВ во время немецкой оккупации города Минска проживал в городе Минске. С 1942 г. имел связь с партизанским отрядом "МСТИТЕЛЬ", с февраля месяца 1943 г. по 20 июля 1944 г. в отряде им. Л.П. Берия.

Тов. КОЗЛОВ на своем текущем счету имеет ряд боевых диверсий, за что командованием отряда представлен "к правительственной награде и к медали ПАРТИЗАНУ Отечественной войны. Взысканий не имел. В боях смел и решителен.

Командир Барановичского отряда имени Берия
/Градов/
подполковник

подпись
печать

Я, Кузьмичева Таиса Адамовна, 1932 г. рождения /девичья фамилия Козлова, могла быть под именем Тамара, т.к. меня с детства называют таким именем до настоящего времени/ находилась с родителям, в партизанском отряде "Местные" под командованием Героя Советского Союза Ваупшасова С.А. /псевдоним Градов/.

5 июня 1944 г., во время последней блокады немцами партизанской зоны, я вместе с матерью Козловой Ольгой Николаевной 1914 г. рождения, сестрой Козловой Галиной Адамовной /по мужу Чугаевич, 1939 г. рождения были захвачены немцами в плен на территории Минской области в лесу неподалеку от населенных пунктов Мышевичи и Гнездное и доставили нас в дер. Щитковичи. Затем нас перевозили из лагеря в лагерь, в

начале г. Старые Дороги, затем на территории Польши в г. Белостоке я еще где-то вблизи Варшавы, Из Польши мы попали на территорию Чехословакии в деревню Лесине или Лещине. Деревня находилась на берегу реки, говорили, что это Марава, с другой стороны к деревне подходили горы, говорили, что это отроги 1Сарпат. Лагерь располагался б большом клубном здании, где на территории лагеря прошивала чехословацкая семья, дети которой ходили в школу, родители где то работали. Эти дети тайком подкармливали нас с сестрой, а при отъезде нас на родину подарили мне на память прилагаемую фотокарточку.

На фотокарточке их отец, старшая сестра, имени не помню, сестры б клетчатых платьях Мажена и Елена, в теином платье − Веруня и с гармошкой их младший братишка Иржи.

Работали мы на заводе, где изготовлялись какие-то моторы в 2 километрах за деревней. За рекой километрах в 3–5 находился город, названия города точно не помню, говорили вроде бы Забжег.

Освободили нас 6 мая 1915 г., за два дня до освобождения, чтобы немцы нас не расстреляли, нас разобрали чехи по своим домам. Лично нас прятала семья Строгалевых в погребе, жившая на противоположной стороне улицы недалеко от лагеря.

Очень прошу помочь мне и сестре восстановить действительное местонахождение лагеря в Чехословакии и из какого лагеря ми попали

Очень хотелось бы чтобы помогли нам разыскать наших спасителей, которые в страшную годину помогли нам выжить и спастись от гибели и еще очень хочется знать как сломилась их судьбе.

Т. А. Кузьмичева

Минск, 13 июля 1988

Лагойко Григорий Филиппович

28.10.1924, д. Столпище Кировского р-на Могилевской обл.

Родился в конце 1924 г. Жил в Могилевской области Кировского района в д. Столпище. Окончил школу в 40 году. Когда после 8 лет брали в школу, то меня не взяли. Не хватало полных 8 лет. Была отсрочка, да и родители не спешили сдавать учиться. То взяли уже на 9 году. Окончил школу и год и 40 полный и половину 41 просто работал в колхозе рабочим. Мне уже было 17 лет, неполных. Когда школу закончил, то мне было 16. не хватало двух или трех месяцев. Потом нас хотели уже... Родители, родители тоже работали в колхозе. Отец и мать. Семья состояла из 9 человек. Было 7 детей. Малой − меньшей было полтора года, когда война началась. В доме жили. Колхоз не очень плохой и я любил работать в колхозе. Пахали. Земельные работы. Какую команду бригадир давал, то такую команду исполняли.

Когда началась война в 41 году. Что было? Сразу на 8 или 9 месяц немцы пришли в Бобруйск, а мы от Бобруйска были 17 км. Немцы пришли к нам в деревню. Оккупировали все это. Как колхоз был. Они его и оставили. Не разбрасывали. Им это было выгодно. Потому что скот, рабочая сила. Потому что когда была мобилизация в нашем районе, не успели всех мобилизовать. Большинство осталось дома, которые способны были воевать. Прошло, где-то с июня месяца, как война началась и до октябрьской. То сколько месяцев прошло? Полгода. Так, организовались у нас небольшие в лесу партизанские отряды. У нас в Кличевском районе Могилевской области, вы наверное знаете, что там было много оставшихся, которые отступали и не попавшие в плен и бежавшие из плена. Они тоже в лесу остались. Они были в нашей деревне и их называли приписниками. Они сразу не попали в лес, а сумел остаться, спрятаться. Потом пришли. А в деревне были женщины одинокие и они попринимали. Вот они там жили. И вот когда появились партизаны. Это было где-то в октябре в конце года. Пришли из лесу и дали команду «Если вы не разберете». Они ночью собрали всех. «И если вы не разберете все колхозное имущество, то мы его спалим». Какая команда и от кого − не известно. Но люди думали, что делать? Взяли и растащили весь этот колхоз. Немцам это не понравилось. Они стали создавать свою власть. Стали создавать полицейские команды. И нашлись те, которые начали у них служить. И началась в деревне. Между своими людьми началась борьба. Которые к немцам, а их не очень было, но перебросились и стали помогать немцам. Люди озлобились и пошли в лес побольше, к партизанам. Это в молодежь и мужики которым до 50 мужики. И начали вооружаться. Началась борьба. Немцы приходят с полицейскими, которые они организовали. Отряды полицейских и стали вылавливать партизанские семьи, и стали издеваться. Знаете, как было? Всякое было. И расстрелы были. Те приходят ночью − партизаны и давят родственников, которые были полиции. И началась борьба в деревне. Вот так, понимаете?

Это был 1942 год. Полностью, считайте, такая борьба производилась в наших районах. Это Кировский район и часть Бобруйского, и еще Кличевский, который рядом. Штаб партизанский находился в Кличевском районе. У меня были родственники тоже, которые находились в партизанах. Братья двоюродные, почти все

погибли, только осталось только пару человек после войны. Это продолжалось целый 1942 год.

В 1943 г. в январе месяце начались облавы. Молодежь в первую очередь начали немцы вылавливать и загонять в лагеря. Им надо была рабочая сила. Окопы рыть. Начали гонять всех молодых. В январе 1943 году получилась облава и я попал в эту каталажку. Вот понимаете, как было? Пришлось. Собрали нас, где-то отвезли в Бобруйск. А в Бобруйске там были организованные по районам лагеря по деревням. Где большие школы, то проволокой пообгородили и туда привозили людей и по 400 и 500. Вот такие были лагеря. Мы из Бобруйска попали. Из нашей деревни организовали большой лагерь 400 человек. Привезли туда и я тоже попал в этот лагерь. Но мне удалось бежать из этого лагеря. Он в нашей деревне не долго был. Вот с января до апреля.

В апреле партизаны решил этот лагерь ликвидировать. Как это произошло? Ночью. Но, по-видимому, сил партизанских было мало. Один командир был из нашей деревни. Свиридов − он бывший офицер и попал в окружение и пошел в лес. И за ним многие пошли многие деревенские в лес. Второй отряд был. Это была другая деревня, километров 8 или 9 от нашей деревни. Изох его фамилия. Это был сильный отряд и был поближе к Кличеву. Вот они пришли ночью. Отряд партизан там собрался, но охранял в д. Столпище сильный гарнизон полицейский. Полицейский гарнизон был сильный. Их точки были недалеко от лагеря. В метрах 200. Они сделали такую охрану. Окопались. Сделали стену деревянную, засыпали песком и бойницы были. И вот в таком сидела полиция и немцы. Комендант лагеря. Ну повыселяли людей, которые были возле этого лагеря и находились там комендант, переводчик и охрана жила немецкая. Они охраняли за проволокой. Гоняли на работу, а ночь в этот лагерь сгоняли назад. Когда партизаны начали освобождать и хотели распустить лагерь. Они решили убрать немцев, но им этого не удалось. Когда напали на этот лагерь, получилась бойня и до утра у них не хватило сил. Убили начальника лагеря, убили переводчика, который с ним работал и несколько немцев, которые были в охране. Но полицейские сильно были ограждены и успели в район сообщить. И вот с района пришло подкрепление. И под утро партизаны отступили.

Немцы решили так. Взяли этот лагерь и перебросили его в Литву. А мы остались, которые были в деревне молодые и пожилые. Наши полицейские озлобились и начали более гонять таких мужиков, которым лет под 45. «Берите винтовки и охраняйтесь от партизан». Люди не хотят этого делать. Вот прошла эта картина и в апреле месяце, то есть в марте, опять началась сплошная облава. Начали ловить молодежь от 15 до 40. И женщин, и ребят, и мужиков и всех − независимо, есть семьи или нет. Вот такая облава. Начали сгонять и потом погнали они нас опять. Меня тоже. Я целое лето прятался, что бы не попасть. Но меня предали наши местные. Один из наших ездил с немцами. Он был бывшим военный и староста, который был избран. Они пришли и сказали, что в этом доме были 2 парня. Это мой брат с 27 года. Мы старались не попадать к ним в руки. Это уже слышно, и мы чувствовали, что должен вот-вот конец им быть. Это был уже март 1944. Вот и попал я. Брата не успели. Он спрятался так, что его не нашли.

Забрали меня и пригнали опять в Бобруйск. Посадили в эшелон. Это Полесье. Где Светлогорск. Там есть станция Шатилки. Вот возле этой станции в лесу лагерь такой же самый. Там было здание. Видимо это было гумно, как раньше в деревне, где складывали збожжа, когда молотили. Нас там загородили проволочным заграждением и тут нас держали. И гоняли линию эту которую… Вы должны знать в Бобруйске, где образовался Бобруйский котел? Я был там и разбирался в этих вопросах. Мне ото было 18 и пошел 19 год в 1944 году. А нас отвезли в этот лагерь и мы там рыли опять же окопы и противотанковые рвы. Это надо три метра ширины вверху и метр вниз под склоном. И глубина метра 2,5 метра не меньше. Вот сколько надо земли выкидывать. Это издевательство над народом. Побыли мы там.

Как вам сказать? Вот 65 лет прошло и поэтому все вспомнить не так и просто. Вот март − апрель, ну, где-то перед маем, когда наши нажали уже здесь. Немцы попали в кольцо и они нас опять стали эвакуировать. И этот лагерь через пинские болота и в Пинск. Мы там наверное дней 15 по этому болоту нас в грязи гоняли. Нас выгнали в Пинск. А там в лесу партизаны кругом. Их бьют. Немцы растерялись и вот опять нас из Пинска на Брест. Вот такими рывками мы переходили. Ночью перегоняли. Короче нас вывели с котла. В Бресте перегнали границу. Там еще мост большой. Я был еще после войны на экскурсию. Вот через этот мост на сторону Польши. Там нас там

погрузили в эшелон и за Варшаву перевезли. Это километров 15 или 12. Там опять организован лагерь. Не концлагерь, а гражданский. Отобрали они. Стариков туда они не брали, и женщин, и детей тоже. Мужиков, в основном, от 16 до 40. Нужна была сила землю рыть. Вот там за Варшавой в лагере мы были, пока наши Минск взяли в июле. Это было когда в Варшаве в августе поднялось польское восстание. Там много погибло. Ой, что там творилось! Даже мы в этом лагере были. И было нам слышно как бомбили Варшаву. Ее всю расколотили и не осталось ни одного дома. На окраине только каркасы стояли. Ничего не было. Все разбили. А под завалами столько людей оставалось. И вот, числа так, 10 декабря что ли, 1944 г., нас с этого лагеря взяли и в Варшаву привезли. Надо было разбирать все эти завалы. Надо было пути поставить. Немцам надо было эшелоны установить, что бы проехать. Убрать мусор и трупы. Их приходилось увозить из Варшавы. Нам пришлось там побыть только один месяц до Нового года.

Я помню на Новый год, как я помню, 31 декабря нам надо было идти ужинать. Нас же надо было кормить. Суп какой-то и на 7 человек булку. Так вот, на Новый год 31 декабря налетели самолеты и открыли бомбежку. Нас всех сняли и даже не покормили, потому что пришлось от туда утекать на сторону восточной Пруссии. От Варшавы и к Балтийскому морю. Пешком целый месяц нас гнали. А знаете как? Днем то видно. Самолеты налетают, колонны идут немцев. Очень боялись и сами солдаты. Как самолеты налетают − они в панике. Они бегут и кричат все , гвалт. Нас так догнали до самой почти на берег Балтийского моря. к марту вот куда загнали в 1944 году. Это мы, считай, январь и только в марте. Нас уже не останавливали. Не давали работы, а просто гнали и гнали. Голодали и били нас. Кто не мог идти могли и пристрелить. Им надо был так. Нас пригнали в восточную Пруссию. Фронт то, поджимал их. И они не могли остановиться.

Дошли до Одера и там немого задержались. Вот за Берлин 150 км. Нас объединили с концлагерниками. Они были в полосатых одеждах. У некоторых были черные нашивки. Это, как я понял потом, потому что ребята рассказывали − красная, синяя, зеленая полоска. Это говорят, побеги были. Вот такие знаки шили. Кого не расстреляли, то возвращали назад. Черный крест на спине особо отличившимся. И вот что, загнали нас за Берлин 150 км на Эльбу. Там же от Балтийского моря они уже отвернули и погнали туда в глубь Германии. Где-то может километров 100 отогнали от берега. Это где-то подходило к

маю. 25 апреля, может быть нас туда пригнали, и там есть такой город. Даже название забыл. Где нас освобождали это был город Пархим. И стало так, числа 27 апреля − 28 до 1 мая они уже за нами не стали смотреть конвой. Потому что даже который нами командовал в лагере, он трохи по-русски разговаривал, он хозяйственник. Он говорил «Ну, бараны русские». Я «Бараны, так бараны, черт с вами». Он «Мы кончили свое воевать. Больше не с кем. Пойдем в плен к американцам. А вы?». Махнул руками.

Была ночью на 2 или на 3 мая, уже когда нас прогнали и остановились. Слышим тихо стало и эти немцы, передовые части которые подошли туда, их начали разоружать. Смотрим за нами никто не смотрит. Они оружие кидали в откос на дороге. А за нами никто не смотрит пока. Это прошло 1 и 2. А вот 3 мая, видно днем, появились американские солдаты. Но нас перегнали по мосту на ту сторону Эльбы. Там мост такой был. На нашей стороне наши русские солдаты, а на той − американские солдаты. Немцы успели перегнать часть наших лагерников. Вот мы посидели 3 мая на той стороне и американцы, кто курит − дают сигарету, кто не курит − конфету дают. Мы рады, освободились.

А что же будет дальше? А были там, одну ночь переночевали, а мне в голову стукнуло. Я уже разбирался. Там нас было 11 человек, хлопцев таких. Самый старший − лет 40. Такой мужик. Я говорю, «Что мы будем к американцам. Что мы туда пойдем назад через мост. Та же наши, советские. К нашим пойдем». Подумали мы и пошли. Походим к этому мосту, а там, в американских частях, негры в основном были. Брюки позакасанные. Май месяц. Где-то 4 мая. Еще война. Она-то окончилась 8. Вот мы постояли, посмотрели, собрались и идем через мост. А американцы ни слова. Идем.

Перешли на свою сторону. Смотрим, тут наш ребята, а фронт то еще не пришел. Тут только передовые части. Гуляют вовсю. Война то заканчивается, они-то видят. Вот мы пошли. Остановились. Что дальше делать? А там, когда восточная Пруссия − выгоняли. Прусаки не хотели на сторону советскую. Они вообще жили зажиточно. Они крестьяне в фургоны нагрузили добро и доехали бы. А американцы − фургоны и лошади на сторону. Они их построили, как и мы, в шеренги. И что мог взять ты в руки, то и забрал, а это все осталось на этой стороне. Через 1−2 дни подошли наши войска и смотрят, что мы в разброс. Сила такая, знаете. Там были и семейные, и разные.

Которые находились и работали у хозяевов. Ну и начали рассейку делать. Хлопцев молодых − в части. Вот. Где-то 6 мая я уже попал. Приехал майор. Он отобрал 105 человек. «Вот ребята, теперь другая у вас будет работа. Будем собирать все трофеи и отправлять в Россию». Вот и все.

Ну мы так и остались в этой части. И я 6 месяцев находился. Это был 2-й Белорусский фронт Рокоссовского. Командир сказал нам, и мы собирали коров, лошадей. Формировали их. С России приезжали старики, женщины и дети несовершеннолетние. Комплектовали и своим ходом. Тогда не было поездов. И были мы там полгода в этом 2-м Белорусском. Собирали трофеи и отправляли.

И под осень, отходила дело к зиме. Нам сказали, что нам надо на пересыльной пункт. И что будут формировать из нас команды. Куда нас будут отправлять мы не знали. И будет у нас майор. И был смерш. Это сейчас КГБ. Да. Смерш это военное название. Они начали нас пропускать через сито. Откуда попал, где находится в каких точках. Перерегистрировали и в подсобное хозяйство. Кого работать, а кого... Там в Германии все военные части жили на самоснабжении. Сами летом 45 года сеяли. Там хватило скота. Коров и свиней годовали. И сами для себя делали продукты. Ну, я как раз попал, где было имение Паулюса. Фельдмаршала. В этой точке собирали эти трофеи. Я даже в этом имении побывал. Вот так.

Уже под конец, к зиме. Этому начальнику штаба − старшему лейтенанту в этом смерше, ему надо были ребяты. Он говорит «Вы молодые хлопцы, здоровые». У них было вещей много. Офицерье себе брало, а солдатам не давали. И он нашел себе. Его семья в Ленинграде. Вся семья погибла. Он там нашел женщину с репатриированных. Она учительница была. Ему было под 50, ну и ей было под 45. Она толковая была баба. Он мне и говорит, а у меня − 7 классов было. Он и говорит «Грамотные ребята. Мне надо помощники». Я «А что будем делать?». «Мы будем готовить документы всем, кто был в лагерях. Штамповать конверты. По краям 4 печати малые и посредине и потом сшивалось. На руки мы не даем. Этих грузят всех в эшелоны и на родину. А документы − почтой».

Вот я еще полгода был в этой команде. Побыл и вот потом он и говорит «Вот и кончили мы свою миссию. Вас куда? На пересыльной всех, кто там был, отправим. Но мне надо три хлопцы». Я то, с ним был близко. «Мне надо 3 хороших хлопцы. Я тебя возьму, но ты

можешь еще пару, двоих». Ладно, пойду с ребятами поговорю. Вот, еще один смоленский парень, а другой − из Бобруйска. «Но вот я вам сделаю так. Не на пересыльной, а сделаем так как и репатриированным. Запечатаем конверты и направим по месту жительства в военкомат. И все. Он же нас просевал. Там, в военкомате, когда приедете, разберутся с вами. Что делать с вами дальше. Это уже было 46 году.

Вот в марте месяце − в начале апреля мы снялись оттуда. Вместе с ним и доехали до Кенигсберга. Это значит Калининграда, как теперь он называется. Доехали, а там начальник станции, майор такой. Вот там надо было сделать перевалку. Там шла колея уже, а наша российская − шире. Надо было его вещи перегрузить. Так вот, мы его вещи перегрузили этих офицеров, которые ехали отпустили. А нас, кто дальше, сняли. Он же видит, что не солдаты. У нас, форма то была военная, только без пагон. Но он видит, что не военные. Он говорит «Я вас на пересыльной. Я знаю вашу тактику». Я говорю «Вот вам наши командировочные». Нам то дали документы, что мы сопровождаем вагоны, а майор говорит, что херня ваши командировочные. Он взял и кинул наши документы в шуфлядку. Я говорю, что не поедем на пересыльной. А он говорит «Почему? Я принудительно вас отправлю». Мы сидели, сидели с 11 дня до 5 вечера. Конвоя нет, солдат то, что бы они могли конвоировать на пересыльной. А он сидел и еще пару человек на железной дороге. И все. Вот подходит большой эшелон, вагонов 12. Все нагружены. Все лагерные. Семейные, и бабы, и мужики, и пожилые. Подхожу и спрашиваю «Хлопцы, куда едете? Какое направление? А он говорит «Киев». Я подумал «Подожди, он же пойдет через Эстонию, Литву и на Бобруйск. Ведь киевская дорога идет через Бобруйск. Но нас не хотят брать. Там были старшие, проводники. Мы подумали, подумали и я опять прихожу к майору. А мне начальник штаба сказал «Если заберут эти бумаги, и если вам удастся как-нибудь прорваться, то езжайте. Не обращайте внимания. Ваши основные бумаги будут на месте. Я говорю «Товарищ майор, как хотите, если надо вам эти бумажки, которые вы сняли с рук. Заберите на память». «А что?». «А эшелон подошел, как раз по-моему пути. И я поеду, так как они подкинут». Посидел, посидел открыл шуфлядку. «Берите бумажки».

Приехали домой. Ночь ехали и к утру приехали. Пришли в свою деревню. Встретились со своими родителями. Там только пожилые

мужики и бабы. Всех то забрали на фронт. Ну что мы побыли, а матка моя говорит «Что же делать? Что делать? Мне сказали так «Если доберешься, то жди пока тебя не позовут. Потому что из военкомата когда придут бумаги. Они должны позвать. Она сказала «Я пойду к председателю. И что он скажет?». А председатель был у нас с партизанского отряда. И я его знал. Пришел поздоровался, а старший брат его 24 декабря 1944 г. забрали в армию. Он когда сбежал из Варшавы. Он посмотрел, что там написан срок − месяц. Сказал. «Ты можешь не спешить. Посиди. Вот когда выйдет срок 24 июня или какого-то месяца, вот ты тогда и поедешь в военкомат". Подумал ладно. «А что ты будешь делать?» Он на меня «Приходи в колхоз помогать работать». Я «С удовольствием». И вот так и остался. Правда, поехали мы, в колхозе надо было на луг косить.

Потом приезжает там одна девчонка. Молодая такая. «Гриша, тебя требует военкомат». «Хорошо». Я бригадиру говорю «Надо ехать в военкомат». «Езжай». Приезжаю. А там сидит майор – начальник второй части. Тоже фронтовик. У него нога что-то, раненый. Посидел и достал наши бумаги. папки с конвертами. Распечатал и прочитал. Нас было двое с этого района. Третий поехал в Смоленск. Его туда отправили. «Что хлопцы с вами делать?». Тот второй − с 21, а я − с 24 года. «Через год ваши годы принадлежат мобилизации в 47 году». Ну, он поговорил с нами. «Я вам выпишу военные билеты, и езжайте куда хотите». А тогда, в это время, надо было восстанавливать. Все города разрушены были в Беларуси. Сожжены. Даже где я жил в деревне, она уцелела, а кругом − семь деревень сожгли.

Мы получили военные билеты и пошли, и встретили друга. А он был в партизанском отряде. Знакомый наш. Хороший товарищ. Он работал вторым секретарем комсомола. Вот когда мы с военкомата вышли, мы встретились с ним. Стали разговаривать при встрече. «Откуда прибыли?». «С Германии». Рассказали ему нашу историю, как произошло. Он говорит «Так я могу сделать путевки в любой город Беларуси. Поедете туда работать». Я «Как?». «А вот так. Просто, Бобруйский обком, а он находился в Бобруйске, он распределяет на Могилев, Гомель, Минск. В общем на города. Давай, раз ты можешь. Взял ли мы направление обкома комсомола и приехали туда. Приехали, а там председатель вышел, взял наши направления посмотрел и сказал «Сейчас разберемся. Куда хотите ехать? В Минск поедете?». Я говорю «Поедем». А из Минска приехал товарищ один,

которому надо было взять 30 человек. Он говорит на этого «Вот пожалуйста, вот ребята которые тебе нравятся выбирайте». Так я попал в Минск и на этом моя военная жизнь закончилась.

Что касается родителей? Троих вместе с отцом ввезли. Отец попал в лагерь. В Литве был он. Когда освободили Литву. Этот лагерь перешел. Ну не успели его эвакуировать и он оттуда пришел пешком домой. Меньший брат Иван, он и сейчас в Минске живет. Он попал. После меня вторая облава была. Меня взяли в марте, а его в апреле. Эвакуировали деревню немцы. И тут уже не куда деваться и его завезли в Варшаву. Он в Варшаве был на заводе. Там не долго поработал. Вот когда 8 августа началось восстание, а их 6 августа польское подполье, заводское. Там много вывезло молодежи в лес. И их 30 человек. А там в Варшаве была такая суматоха. Дней три. Неразбериха. Поляки себе, немцы себе. Пачалася вайна памиж паляками и немцами. Так этих ребят этот подпольщик вывез в лес они там побыли дней пять в лесу. И наши подошли и их забрали на родину. Мать, когда освободили деревню, была эвакуирована км 8. Она была в другой деревне. Здесь проходила боевая линия. Немцы окружили и мать через неделе две вернулась с 5 малыми детьми опять домой. И вскорости пришел отец домой. И через месяца два, наверное или три, младший брат вернулся тоже домой. Его в армию не призывали, он было молодой. А в декабре его призвали в армию. Мама осталась с 5 детьми. Выжила. Это же деревня. Они жили в своем доме откуда эвакуировали их. А эвакуировали, когда фронт поджал и они в этой эвакуации побыли недели 2. Там помогали люди деревни Букино.

После войны все остались живы и здоровы. У меня маленькая фотография есть. Я могу посмотреть у себя в альбоме. Вот фотографии брата нет. Только офицерская. Там есть его лицо. Он когда вернулся домой. Приехал. И ему помогали солдаты. Он приехал своим ходом. Он вернулся и его призвали в армию. Он попал в полковую школу. Вот их в мае выпустили и война закончилась, и он остался служить в армии. Получил звание лейтенанта. Сначала был с командиром части. Он шафером был. А потом, когда 16 лет прослужил в армии, после сокращения в армии он пошел под сокращение и кончил политехнический институт в Минске. И работал зам. начальника отдела механизации. Сейчас он на пенсии. Ему 81 год. У него 2 детей. Живет в Минске.

Минск, 2009
Интервьюировал и записал Кузьма Козак

Ладутько (Кветковская) Елена Николаевна

14.05.1930, д. Большевик Минского р-на Минской обл.

28 июня 1944 г. вместе с жителями деревни отец Николай (Константинович – *так в док.*), мать Ксения Ивановна (1887 г.р.) и дочери Мария (1920 г.р.) и Елена были вывезена в Восточную Пруссию. Работали у бауэра на сельхозработах г. Гердау. Освобождены частями Красной Армии 25 января 1945 г. и оставлены при военной комендатуре г. Гердау до июля 1945 г. Фильтрацию прошли 10 июля 1945 г. в г. Кибартай (Литва).

Записала Лариса Александренко
Минск, 1993

Ладутько (Рогачева) Анна Никаноровна

15.02.1931, д. Думлово Людиновского р-на Орловской обл. (ныне Калужская обл., Россия)

Отец был на фронте. Во время карательной операции в феврале 1942 г. была схвачена фашистами. С марта 1942 г. по октябрь 1943 г. находилась в концлагере «Перкуль» (Эстония), а затем переведена в лагерь на остров Даго. В июне 1944 г. освобождена советскими моряками. Окончила 8 классов.

Минск, 1993

Латушко (Лавская) Нонна Семеновна

8.07.1935, г. Минск

8 июня 1941 г. мне исполнилось 6 лет, а через две недели началась война. Отец ушел на фронт, где и погиб. Мы с мамой Ядвигой Адольфовной (1914 г.р.) остались в купированном Минске.

В апреле 1944 г. я с мамой и ее сестрой пошли на рынок, чтобы кое-что из вещей обменять на продукты. В этот день на рынке была произведена облава. Окруженные немецкими солдатами, всех задержанных под конвоем повели на товарную станцию. Там нас продержали несколько дней без пищи, под открытым небом, а затем погрузили в товарные вагоны, как скот, и угнали на чужбину.

В Германии мы попали к хозяйке, которая владела рестораном и гостиницей. Маму и ее сестру определили на уборку гостиничных

номеров, а меня на кухню подсобной рабочей в помощь посудомойщице и чистки картофеля для приготовления питания, посещающим немецкими гражданами ресторан. У хозяйки еще работали две женщины из Украины и один мужчина из Польши. Жили мы в небольшой комнатке на чердаке. Взрослым выходить на работу положено было в 6.00 утра, а мне было разрешено на два часа позже т.е в 8.00 утра, а заканчивали работу в 21.00 вечера.

В конце апреля 1945 г. нас освободили союзные войска США. Американцы всех узников г. Мунстера собрали в один лагерь и через пару месяцев на грузовых машинах транспортировали для передачи органам Советской Армии.

Но прежде чем попасть к своим, нам предстояло пересечь английскую зону, где нам пришлось пробыть еще пару месяцев у них в лагере до отправки в Советский Союз. С 8 июля по 17 августа 1945 г. фильтрацию прошла в лагере № 218 г. Мальхинска. В ноябре месяце 1945 мы вернулись на родину, в родной город Минск.

Минск, 2006

Липский Арнольд Семенович

14.06.1933, г. Червень Минской обл. – 18.07.2007, г. Минск

Липская Нина Федоровна

1912, Буда-Кошевлевкого р-на Гомельской обл.

Во время войны Арнольд вместе с мамой оказался в г. Смоленске. В марте 1943 г. они были схвачены фашистами и вывезены в Германию. Находились в лагерях Райшпортфель и Грюнау, что недалеко от Берлина. Пришлось немало им хлебнуть горя. Освободили части Красной Армии в мае 1945 г. в г. Райшпортфель.

Вместе с мамой в июне 1945 они вернулись на Родину. Мама осталась в г. Рославль, а Арнольд Семенович − окончил школу и получил высшее образование в Минске. С 1947 г. по 1993 г. работал на Минском тракторном заводе.

Минск, 1993

Лыч (Райкова) Нина Антоновна

09.12.1937, г. Витебск

Многие рабочие и служащие Минского автозавода знакомые Ниной Антоновной Лыч. 45 лет она два раза в день пересекала турникет

проходной: утром - на службу, а вечером -домой. Три года назад покинула родной МАЗ, все-таки годы... Привыкли на заводе к ней, уважали за принципиальность, ответственность. Возможно, что таким характер Нины Антоновны сформировало суровое детство

Сколько ей лет, Нина Антоновна точно не знает. По одним сведениям, появилась она на свет в начале 1941-го: чуть менее года после того, как с советско-финской войны пришел отец. А вот в справке, по которой определяла возраст заключенных в концентрационном лагере «Освенцим» специальная комиссия, годом рождения Нины Райковой (Райкова - девичья фамилия) указан 1939-й. - Неважно, в каком году я родилась, - считает Нина Антоновна. -Если здоровье позволяет до сих нор трудиться (после МАЗа она пошла работать в одну из столичных фирм), ты не чувствуешь возраста.

*На левой руке Нины Антонов*ны б5950. Именно так клеймили своих рабов немецкие нацисты В концлагерь «Освенцим», где мне присвоили этот номер я попала в 1943 году из-под Городка, что на Витебщине, -говорит Нина Антоновна. Нина многое не помнит: уж слишком мала была. Не помнит, как выглядели мама и братик Вася. Они навсегда остались в Длинных списках погибших в «Освенциме».

Из воспоминаний Дмитрия Райкова, двоюродного брата Нины Лыч:

«Везли где-то 5 суток. Давали ведро воды на вагон и булку хлеба на 5 человек. Погнали нас в душ, остригли, смазали вонючей жидкостью, одели в полосатую одежду и поселили в барак. Он от кирпичный с трехъярусными нарами. Там проживало до тысячи человек. Для них в любую погоду проводились утренние и вечерние проверки. Умерших утрам выносили из барака и укладывали лицом вверх, но так, чтобы номер был виден. В 29-м бараке, где проживало около 350 человек, была комната, и там брали кровь».

*- В центральном концлагере «Освенцим-Аушвиц» мы были недолго, - рассказывает Нина Антоновна. - Вскоре немцы отобрали наиболее крепких детей и направили их в так называемый филиал, находившийся неподалеку от города Быдгощ. Ребята, которые были постарше, позже рассказывали мне, что голубоглазых и светл*оволосых детей нацисты решили денационализировать: сделать из них своих верноподданных, приближенных к арийской расе. Большую группу детей немцы перевезли в Константынув (Тухенген), где создали нечто наподобие детдо*ма. Здесь ребятишек кормили чуть получше и обучали немецкому языку. Но детским домом это учреждение назвать было трудно.*

- Немцы придумали нашему «детдому» статус: обсервационный (наблюдательный, опекунский) лагерь для безнадзорной молодежи с востока при полиции безопасности в Тухенгене, - говорит Нина Антоновна. - Своему языку обучали рьяно... В 1945 году в Константынув вошли красноармейцы. Это

событие я уже хорошо помню. Немного подлечили нас в эвакогоспитале, приодели, подкормили и привезли в Союз. Так я попала в Рязанскую область, в Сапож-ковский детдом. В школе немецкий давался ей особенно легко.

- Это плюсом тяжело назвать. Ведь мы, детдомовцы, язык врага ненавидели... Несмотря на то что война уже отгремела, жили воспитанники впроголодь. Поэтому мальчишки и девчонки из детдома частенько устраивали набеги на огороды сапожковцев. А конфликты с «городскими» ребятами, что воспитывались в семьях местных жителей, в школе постоянно переходили в драки.

И все же были моменты счастья: некоторых ребятишек находили родные.

- Однажды после моего блестящего исполнения главной роли в спектакле «Кошкин дом» на конкурсе самодеятельности ко мне подошли мальчик и девочка: «Мы - твои двоюродные брат и сестра, живем в соседнем детдоме».

От них Нина узнала, что в деревне под Витебском живет ее отец.

Но у него была уже новая семья. А в ней девушка не прижилась.

...Много лет минуло. Нина Антоновна окончила техникум, работала на МАЗе, дети выросли, есть внуки. Увы, рано овдовела...

- Дома вы редко меня застанете: предпочитаю домашнему очагу общественную работу, - говорит Нина Антоновна.

Она возглавляет Белорусскую ассоциацию бывших несовершеннолетних узников фашизма. Благодаря этой общественной организации многие дети войны получили возможность обсуждать наболевшие проблемы не в узком кругу, а, как говорится, на людях.

- Чем мы занимаемся? - переспрашивает Нина Антоновна.

Со дня своего основания ассоциация работает в контакте с органами соцзащиты. И на первом месте у нас, конечно же, гражданские, социальные и культурные акции. Об этом мы рассказываем на международных конференциях, и которых принимают участие бывшие малолетние узники фашизма, а также в газете «Судьба», издающейся в России. Тесные связи существуют

уже много лет между нашей организацией и друзьями из Германии - Фондом Максимилиана Колбе из города Оренбурга, Международным образовательным центром в Ганновере, благотворительными организациями земли Гессен. Поддерживаем связи с общественными организациями бывших узников в Польше, Австрии, Израиле, Австралии.

А ведь начиналось все в 1987 году, когда бывшие несовершеннолетние узники нацизма, собравшиеся в музее московской школы '№ 1137, обратились с письмом в Советский детский фонд: «*...Неужели же психологические стандарты, под которыми подразумеваются такие понятия, как*

«участник войны», не вмещают в себя детство, перенесшее страдание предельной трагической силы?»

- Это обращение мы опубликовали в журнале «Семья», и тут же стали обивать пороги различных организаций, - вспоминает Нина Антоновна. - До самого ЦК КПСС дошли. Правда, к Горбачеву не попали, а вот к одному из ближайших его чиновников достучались. С той поры у меня появилось дело на всю оставшуюся жизнь...

Маева (Лайкова) Татьяна Ивановна

22.12.1924, Шкловского р-на Могилевской обл.

Была вывезена в Германию на принудительные работы. Получила среднее образование.

Минск, 2009

Макарова Вера Владимировна

8.08.1927, г. Севастополь (Крымская АССР) – 16.03.2008, г.Минск

5 декабря 1943 г. была вывезена насильственно немцами в Германию. С 25 декабря 1943 г. по апрель 1945 г. Работала на заводе Лангензальца, содержалась в лагере. В апреле 1945 г. была освобождена американскими войсками. Имеет высшее экономическое образование.

Минск, 2000

Матылевич (Букина) Алимпиада Васильевна

15.05.1932, д. Бузуны Радошковичского района

Головач (Букина) Мария Васильевна

05.09.1935, д. Бузуны Радошковичского района

Семья Букиных была большой. Мама – Клавдия Иосифовна (1908 г.р.), отец Василий Петрович был кузнецом. Так как он был грамотным, то пришлось ему занимал пост в Сельсовете. Он был уважаемым человеком. Всего нас было 9 человек.

Когда же началась война, то он вместе другими односельчанами вступил в партизаны. В партизаны пошел и брат Иван (1926 г.р.). Так как наша местность стала партизанской зоной, то в 1942 г. деревню окружили немцы. Они искали партизан. Обыскали все дома, но никого не нашли. Тогда согнали всех жителей в самый большой крестьянский дом. Жителей деревни, в том числе и нашу семью, посадили на повозки и отвезли на железную дорогу. Вот только или в Заславль или в Минск? В товарном поезде не кормили, никуда не выпускали, На пути в Варшаву немцы проходили, смотрели, кто из людей умер или тяжело болен. Их забирали и выносили из поезда на остановках.

Из Варшавы попадаем в концлагерь Кенигсберга, что в Восточной Пруссии. Наиболее крепких отправляли на большой военный завод по ремонту самолетов. Вот туда и попали отец, мать и брат Иван, сестра Софья.

Территория лагеря представляла собой безрадостную картину. Высокий забор. Проволока с предупреждающими надписями об опасности. Никаких

растений. Около 20 деревянных бараков с окнами. Внутри трехъярусные нары. Лестница, тюфяк набитый соломой или ветошью. С нами жили еще другие семьи. Где-то человек немногим более 20. Снизу старшие, а сверху − младшие. Вот так мы вместе и жили. Основная работа для меня, и моих сестер − Марии и Алимы, да еще несколько таких девочек, уборка бани и туалета. Тяжело было.

Есть было нечего, многие умирали от голода, от болезней. Кормили все брюквой. Когда заболела дифтерией сестра Галина, то приезжал на санитарной машине врач. На нем был одет белый халат. Вот тогда и увезли сестру, но она вскоре умерла. Мама работала там же уборщицей. И ей было непросто нас поддерживать. Вот в 1945 г. она родила Аню, но та, по возвращению домой, умерла. Помню, что люди в белых халатах дали мне шоколадку, а потом к лицу приложили маску. Что было дальше, не помню. Когда очнулась, увидела, что рука была перевязана. Возможно использовали в качестве донора крови.

Во время работы познакомилась с польской девочкой Басей. Она хорошо говорила по-немецки и я вскоре тоже практически все понимала. Особенно нам всем запомнился случай угона самолета нашими военнопленными. У одного из них была девушка Люся. Она ожидала ребенка, но тоже должна была с ними убежать. Но как рассказывали не успела она сесть в первый самолет, а во второй. Тот так и не взлетел. Вот ее одежду нашли в самолете и службы сразу же выяснили кому она принадлежит. На утро три человека ее забрали в тюрьму. Там она родила ребенка, но перед освобождением лагеря гестаповцы успели ее повесить вместе с ребенком. Тому уже было шесть месяцев. Это я с мамой видела. Да и многие ходили смотреть на такую страшную картину. Вообще перед освобождением положение несколько изменилось. Магазины были Ра скрыты и можно было брать, но только не нам. За нарушения расстреливали. Часто бомбили. Вот одна из бомб попадала, где и мы прятались. Так одного убило, а другого ранило.

Однажды узники лагеря услышали долгожданные слова: «Наши идут!». Люди увидели солдат. Впереди колонны шли молодые бойцы, за ними старики, а потом все остальные. Они мне представлялись богатырями. Узники получили свободу. Они блуждали по городу в поисках пищи и жилья. Вот и мы вместе с еще несколькими семьями поселились в каком-то бараке. Есть было нечего. Все магазины и дома были разграблены. Люди погибали. На улицах гремели взрывы, но, к счастью наш барак уцелел. После освобождении отца и брата призвали в армию. Мы же прошли регистрацию. Стремились как можно быстрее

попасть домой, на свою Родину. Вот мама вместе с сестрами вернулась в родную деревню Бузуны. Там они получили долгожданное письмо от отца. Узнали, что он был ранен в спину, но жив. Вот после этого отец вернулся домой, а брат Иван − только через 7 лет. Отцу пришлось в Боровлянах лечиться, но остался инвалидом.

К этой важной истории прилагаются документы:

Управление
Комитета государственной безопасности
по Минской области
15 января 1993 г.
г. Минск

СПРАВКА

Согласно архивным документам в отношении лиц, вывозившихся на принудительные работы в Германию в период Великой Отечественной войны, значится БУКША Клавдия Иосифовна, 1908 г. рождения, уроженка д. Бизуны Радашковичского р-на Молодечненской области, которая в июне 1943 г. вместе с семьей была насильно угнана в Германию, Находилась в лагере в г.Кенигсберге и работала уборщицей. 4 мая 1945 г. с группой освобожденных советских граждан возвратилась на родину.
В документах на Букину К.И. указано, что вместе с ней в Германии находились:
− муж, Букин Василий Петрович, 45 лет;
− сын, Букин Иван Васильевич, I926 г.р.
− сын, Букин Николай Васильевич; 4 года;
− дочь, Букина Софья Васильевна, 14 лет;
− дочь, Букина Алима Васильевна, 10 лет;
− дочь, Букина Мария Васильевна, 8 лет;
− дочь, Букина Галина Васильевна, 3 года;
− дочь, Букина Анна Васильевна, 1945 г.р.

Других данных не имеется.

Зам. начальника Управления КГБ
Республики Беларусь
по г.Минску и Минской области

Гр-ке Головач (Букиной) И.В

Архивная справа

26.08.91
На Ваше заявление от 19−08.91

В документах архивного фонда Молодечненской областной Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний, причиненных советским гражданам немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой

Отечественной войны в поименных списках советских граждан, угнанных в немецкое рабство по д. Бузуны Боровского сельского Совета Радошковичского района значится семья Букиных:

Букин Василий Петрович
Букина Клавдия Иосифовна
Букин Иван Васильевич
Букина Софья Васильевна
Букина Алимпиада Васильевна
Букина Мария Васильевна
Букин Николай Васильевич
Букина Галина Васильевна Основание:
Ф226 оп.I д. 63 . л.79.

Директор филиала Госархива
Минск, 1993

Минск, 2010
Подготовил Кузьма Козак

Махова (Плешкова) Лидия Ивановна
19.11.1932, д. Плешково Меховского р-на Витебской обл.

Проживали мы в д. Капасы Меховского района. Как только началась война папа ушел на фронт. (4 июля 1941 г.). Очень хорошо помню, как проводили мы с мамой папу. Мне было девять лет и папа меня нес на плечах до самого пункта отправки на фронт. А вот самое страшное было потом, когда мы с мамой возвращались домой, за нами гнался немецкий самолет и стрелял, как мы упадем на землю он улетает, как только поднимаемся, он снова летит и стреляет. Вот так для нас началась война. Прожили мы в своей деревне весь сорок первый, а в сорок втором году летом почти всю деревню сожгли. В нашей деревне, она находилась в окружении леса, очень часто были партизаны, вернее ночь партизаны, день немцы. После того, как наш дом сгорел мы переехали в д. Хвошни к дедушке (маминому папе). У дедушки жили мы с мамой, тетя Шура, мамина сестра с сыном Брониславом. Они перед началом войны переехали в гости с Ленинграда, так и остались.

Дедушка мой Лопатнев Кузьма Иванович, бабушка Дарья Федоровна и их сын Анисим. Тетя Шура Пухова В скором времени дядя Анисим ушел в партизаны, ему было 17 лет. И началось: как партизанская семья, забрали у дедушки корову (кормилицу) и все, что можно забрать было забрано. Хорошо, что были доброжелательные соседи, как-то помогали друг другу, да еще дедушка был хорошим

сапожником и чинил обувь за харчи. Таким образом мы дожили до зимы 1942 г. И вот как-то ночью пришел дядя Анисим с партизанами, и сказал, что есть возможность переправить партизанские семьи через фронт. Бабушка и дедушка отказались сразу, а маму и тетю уговаривали решиться на это. Как добирались до партизанского лагеря, я не помню. Пробыли в лесу мы (как говорила мама) 2–3 недели. Не было возможности переправиться через фронт, т.к. семей было очень много. А в это время немцы начали блокаду на партизан. Сами партизаны как-то смогли выбраться из этого кошмара, а нас всех оставили в лесу. Каким то чудом мы выбрались и вернулись в деревню к дедушке. Перезимовали, ну а летом уже было легче.

Многим партизаном удалось перейти линию фронта, в том числе и мой дядя, и еще навоевался под Сталинградом, где был ранен и стал инвалидом (это по рассказу дяди).

Летом 1943 г. наши войска приближались уже к Витебской области. Все жители деревни разбежались, кто в лес, кто рыл окопы в близи деревни, там и сидели, мы были в том числе. Потом немцы собрали всех с этих окопов и погнали на станцию Бычиха. Людей было очень много, в основном старики, дети и женщины. До станции не догнали и остановили ночевать в какой-то деревне. И в этой деревне нам помог немец. Я это правда, не помню. Он помог нам бежать ночью из деревни.

И мы оказались за деревней в лесу, но лес и дороги прочесывались немцами на мотоциклах и мы попали на станцию уже с другой партией людей. А ту первую группу людей увезли в эшелонах и они попали в Германию. А нас погрузили в теплушки и везли очень долго. Давали раз в день по маленькому куску хлеба с опилками и ведро воды на весь вагон. Довезли нас почти до самого Белостока, но там был взорван мост и нас повезли опять куда то. Таким образом, наш эшелон перевезли на станцию Лесная, а потом перевезли в лагерь, который находился возле д. Березовка. Лагерь «Шталаг-337» до 1943 г. там находились военнопленные. Поместили нас в земляной барак. Было очень холодно и голодно. Кормили раз в сутки давали баланду и кусок хлеба. Очень много людей зразу заболел в том числе тетин сын Бронник и вскоре, умер.

Потом заболели бабушка, тетя, мама и я. Да и немудрено было заболеть в таких условиях: клопы, холод, голод. Ведь сейчас даже представить нельзя, что за девять месяцев лагеря мылись один раз и то, как загнали нас в душевую и включили холодную воду, а потом кипяток. Всех заболевших тифом поместили в отдельный барак. Там нас пытались лечить, но даже воды не было.

Дедушку заставили работать, он чинил немцам обувь. Благодаря этому нас не увели в другие лагеря, не рассоединили, ведь было и так, что детей отправляли отдельно от матерей.

Бабушка умерла, и ее похоронили в большой общей могиле. Это кладбище находится в лесу, рядом с деревней Березовка и лагеря, там захоронено 88 402 человека гражданского населения военнопленных. Когда нас выпустили из тифозного барака, то в лагере было очень мало людей. После тифа мама ходить и вставать не могла, тетя тоже, а вот я ходила.

В это время заболел дедушка. В бараке было мало народу, но была медсестра (русская) и какой-то угол, где она сидела. Я подошла к ней и попросила помочь дедушке и она помогла. Сделала укол дедушке, он вздохнул три раза и умер. Пролежал дедушка мертвый на нарах рядом с нами несколько дней, пока его не забрали на кладбище. Там они все и лежат, но только в разных могилах. За кладбищем ухаживают леснянские школьники. Я тоже часто бываю там. Когда дедушка умер, нас (маму, тетю и меня) и еще несколько человек вывезли из лагеря под Барановичами в д. Узноги.

Привезли, высадили нас на краю деревни, где обычно стоит крест. Там мы просидели целый день. Никто нас не хотел брать после лагеря, но потом одна хорошая семья Лайша нас приютила, правда в сарай, но мы были и этому рады. Каждое утро проходил полицейский и водил нас (меня, тетю и других) на работу, полоть грядки на подсобное хозяйство. Но скоро пришла наша армия и нас освободили. Тетя устроилась сразу на работу, и мы переехали в Барановичи. Жить было негде, но в самом центре города была немецкая конюшня (был жилой дом, но немцы сделали конюшню). Эту конюшню разбили на отдельные комнаты. Это сделали наши солдаты, и одна из них досталась нам. Это был 1944 год летом. Тетя Шура очень долго жила в этой комнатушке. Потом дом снесли (теперь там гостиница «Горизонт») и ей дали, более лучшую квартиру, но без удобств, а со временем и этот дом снесли и ей дали квартиру с удобствами, где она прожила 92 года. А вот личная жизнь у нее так и не сложилась. Когда нашелся муж, он был на фронте, а после фронта он вернулся в Ленинград. Дал тете вызов (после войны) в Ленинград можно было приехать только по вызову. Она приехала, а он ее обвинил в смерти сына, дескать, Мария (моя мама) Лиду сберегла, а ты нет. Тетя уехала, этого она ему простить не смогла. Потом он приезжал в Барановичи, просил прощение, но напрасно. Больше замуж так не вышла, а ей было тогда 35 лет. В 1944 году, осень я пошла в школу.

Ходила в школу в деревяшках, которые остались от лагеря. Нас таких оборвышей было мало. Я даже сейчас, это все с ужасом вспоминаю, когда красный крест оказал нам помощь, дали мне мальчишечьи ботинки, но они были на одну ногу. У меня было столько радости, что не описать. Я сейчас смотрю на детей, когда идут в школу, и им завидую.

Папа все был в армии, он всю войну был солдатом и не знал где мы, потому что письма его были без ответа. Мама с тетей написали письмо просто на д. Хвошня и таким образом мы нашлись для папы и дяди Анисима. Первым приехал к нам дядя, которому дали одну комнату и кухню в частном секторе. Папа вернулся к нам в 45 году летом в отпуск, а через день меня, как отличницу отправили в Артек на 1,5 месяца. Нас из Беларуси было 7 человек. Боже, после всего пережитого, какое для меня было счастье и радость. Вернувшись из Артека, я хоть и была ребенком, но увидела, что мама ходит молчаливая и сама не своя. Она все не могла оправиться от лагеря и болезни, и папа все это видел, когда был в отпуске. А потом еще и нашла письмо, от какой то тети Зины, которая уговаривала маму отдать меня им. Оказывается, когда папа раненый лежал в госпитале в Волоколамске, за ним очень хорошо ухаживала эта тетя Зина. Папа ведь писал письма в деревню, разыскивал нас, а ему кто-то написал, что нас с мамой повесили. Даже писали где. Вот поэтому все и случилось, когда папа увидел маму, то был в раздумье долго. Но я ему очень помогла в его решении. Написала письмо, «Если ты забыл маму, то забудь и меня». Через несколько дней папа приехал к нам и устроился на работу, в деревню решили не возвращаться. Так и прожили мы в одной комнате с кухней, которую получил дядя Анисим. А он уехал в Ленинград. Папа, как участник войны никогда и ничего не просил, и не требовал. Умер папа в 1970 г.

В 1946 г. я подала заявление в школьную комсомольскую организацию. На собрании, которое принимало меня в комсомол, я запомнила на всю жизнь. Я в заявлении написала о лагере. Досталось на всю катушку, правда в комсомол приняли, но после этого больше об этом не писала нигде. А когда нужно было доказывать, что мы были в лагере, все это делала через суд. Свидетельские показания для меня давала Валентина Солошкина. Она сидела с нами в одном бараке, она была немного старше меня, но я, ее хорошо запомнила, да и она меня. Они тоже остались в Барановичах. Валя, когда устраивалась на работу, всегда писала, что была в лагере, а у моей тети даже оказалась справка о смерти сына, но это уже не имело значение. А когда я вышла замуж за военного летчика, то тем паче приходилось молчать о моем пребывании

в лагере. Вот так прошла большая часть жизни, пережито очень много, но самое страшное это война и потерял близких и родных людей.

Барановичи, 2009

Мацкевич (Калиновская) Александра Никифоровна

2.05.1927 г., д. Мартюхово Толочинского р-на Витебской обл.

Была схвачена 29 марта 1943 г. по месту рождения как член партизанской семьи. Отец был расстрелян в 1943 г., 2 несовершеннолетних брата погибли в партизанах при выполнении боевого задания. С 29.03 – 15.04.1943 г. находилась в тюрьме в г. Толочин. 15.04.1943 г. была в принудительном порядке выслана в Германию, д. Розенталь, район г. Бреслау, работала у крестьянина на сельхозработах до мая 1945 г. В мае 1945г. была освобождена войсками Красной Армии. Регистрацию прошла в сборно-проверочном пункте и 10 июня 1945 г. была отправлена на Родину. Имеет среднее образование.

Минск, 1998

Мацкевич (Кулик) Любовь Петровна

23. 09.1927, г.п. Антополь Брестской обл. -6.03.2008, г.Минск

В 1943 г. пришла повестка явиться к немцам, но я не явилась. Вот вечером к нам домой пришли полицаи. Я было спряталась за грубкой, но меня нашли. Схватили и повели к остальным схваченным. Уже на следующий день нас повели к железной дороге. Мы шли пешком под проливным дождем. Посадили в товарный поезд в Германию, в г. Хальброн, (когда была в лагере, перевозили по разным местам, для работ).

Жили в бараке, немцы – били, кушать давали 100 грамм на день. Работала как мужчина, весь день копала окопы, и украдкой бегала перекусить хотя бы крошечку хлеба. Целый день работали, а вечером еды могли и не дать. За то, что послушалась немецкую женщину, надсмотрщик чуть не убил.

Из плена освобождали американцы в 1945 г. Повезли на родину. Победу встретила на родине. Когда привезли – в Антополе был парад. Город был почти в нетронутом состоянии, так как в нем сильных бомбежек не было. Жила с мамой. Вышла замуж и переехала в Минск.

Москаленко Валентина Митрофановна

2.09.1929, г. Червень Минская обл.

Нас в семье кроме мамы и папы было трое: я, старший брат Коля и Витя. Помню, как поняла, что началась войны: мама держит на руках грудного Витю и плачет, Коля держит её за юбку и тоже плачет, я смотрю в окно, а там стоит очень много солдат со штыками… Отца, Григория, забрали на фронт, я его почти не помню. Помню только, что он был военным, у него была красивая форма. Он меня очень сильно любил, сажал меня к себе на колени и подбрасывал вверх.

Мы голодали, поэтому приходилось питаться крапивой и лебедой и когда однажды пошли за ними – был сильный дождь. Я сильно промокла и заболела, мама отвезла меня в больницу. Мне сделали операцию (у меня до сих пор паралич лицевого нерва) и положили в палату, мама переночевала со мной, а назавтра уехала домой. Потом из больницы меня никто не забрал и меня определили в детский дом. У нас не было одежды, мы ходили по домам и просили что-нибудь из одежды, потом нам шили её из грубой мешковины. Мы очень сильно голодали, в день в детдоме умирало по 10-15 человек, и наши партизаны, узнав это, тайком привозили нам конину.

Документы наши с приходом немцев (в 1944 году) сожгли (впоследствии, я сменила отчество и стала Валентиной Митрофановной). Многие евреи начали отправлять своих детей в детский дом, в надежде, что кто-нибудь спасётся, меняли им имена и фамилии. Но немцы вычислили это, собрали всех еврейских деток, посадили на большие сани и увезли. Директор детдома – Елена Григорьевна Задорина – могла бы их спасти – раздать детей деревенским жителям, но почему-то не сделала этого. Помню, как дети кричали, когда их увозили: «Елена Задорина, спаси нас!» Было очень тяжело…

Однажды в детдом пришёл староста и сказал, что нам надо идти в Комендатуру, но мы сказали, что не пойдём. Он сказал, что нам дадут карточки, по которым мы будем получать много хлеба. Мы, я и другие дети из детдома пришли, хоть и знали, что многих хватали и увозили в Германию. Мы ещё до этого твёрдо сказали нашей заведующей, что в Германию не поедем. В комендатуре записали наши фамилии, посадили на воз и повезли в лагерь в Минск, который располагался в районе улицы Сухой. Мы спали в лагере на трёхъярусных нарах, сильно голодали, было очень страшно. Пробыли мы там несколько дней, затем, приехала машина и отвезла нас к железной дороге. Там нас погрузили в вагоны для перевозки животных, в телятники и повезли в Польшу.

Нам детей осматривали германские хозяева, чтобы купить их для всевозможных работ. В этом лагере было очень много людей. Везде стояли немцы с огромными овчарками, которые громко лаяли. Нам обрезали волосы, взвешивали. У меня на шее был железный крестик, мне его батюшка в детдоме в Червени дал, его у нас в качестве учителя поставили, помню, как мы «Отче наш» учили. Когда я стала на весы, один солдат сорвал его с меня (у меня до сих пор небольшой шрам на шее) и что-то прокричал по-немецки. С нами была взрослая Валя, она знала немецкий, она перевела, что солдат сказал: «С крестиком нельзя, а то вес лишний будет». Затем, ко мне подошла женщина, осмотрела зубы, здорова ли я и забрала меня к себе.

Хозяйку звали фрау Духт, у неё уже были рабочие из Франции, Литвы, а тут ещё она и нас, детдомовцев, купила. Помимо меня, там были Вера и Мая Ломака, Галя и Нина Ярмоловы, Нина Чикунова. Вместе с нами были и партизанские жёны – Валя и Лена Русских. Немцы поймали их, когда те пытались провезти лекарства партизанам. Их не убили, так как партизанки дали золото полицаям и те вместо того, чтобы убить, их отправили в Германию. Нас сразу накормили и отправили в баню. Помню, как работники смеялись с нашего внешнего вида… Затем нам выдали чистую одежду.

Жили мы в специальном общежитии для рабочих. Кормили нас картошкой, шпинатом, брюквой, мяса не было, его посылали солдатам на фронт. Фрау Духт, родом из Берлина, была очень богатой, её 3 сына и муж, родом из Швейцарии, ушли на войну, и поэтому она ненавидела власть Гитлера. У неё был большой трёхэтажный дом и много прислуги, но она всё равно была беззащитной и доброй. На день рожденье она подарила мне красивое платье, она мне платье из своего (она была грузной женщиной). У нас в детдоме была учительница немецкого языка – Галина Адольфовна, поэтому к немецкому языку я привыкла быстро и понимала хозяйку. Я говорила ей: «Гитлер, капут!» А она мне погрозила пальцем и сказала, что тут так говорить нельзя, а то будет плохо. Называла меня «Walja tapfer» (Храбрая Валя). Я быстро схватывала немецкий язык.

У меня (последствие операции) сильно болела голова и однажды, когда я мыла умывальник, мне стало очень плохо, и я упала. Ко мне подбежала хозяйка и спросила, что со мной, я не сказала про свой недуг, я знала, что на то время быть слабым – значит «отправиться в печь».

В мои обязанности входила работа на заводе, ещё я помогала немкам убирать у хозяйки, а в доме было около 20 комнат. Но хозяйка

никого к себе близко не подпускала, у неё была первая помощница Мария, она еще в Берлине работала у неё. Убирала я и вокруг завода, со мной работала и Лида Марчук, мы мыли туалеты, на сам завод нас не пускали, мы подозревали, что это был завод по изготовлению снарядов. Ещё мы работали в военном городке, где формировали отряды СС из молодых мальчишек 12-16 лет, там были немцы, французы, чехословаки. Вечером они занимались в классах, а утром и днём их увозили в горы и обучали обращаться с оружием, мы часто слышали выстрелы. Эти дети были очень жестокие, после обучения их отправляли на фронт. Они жили в 4-5-ти этажных домах, которые мы должны были убирать и чистить им ботинки. Возле домов был большой сад, где росли груши и яблоки. Помню, откусишь кусочек, а он сам во рту тает. В Германии было красиво, чистенько, у каждого дома росли цветы, идёт улица, а по обе её стороны цветут каштаны…

В Германии я провела 1 год и 5 месяцев, за всё это время хозяйка не ругала и не била меня. Освободили нас афро-американцы. Между собой мы называли их «Мароки». Они были очень добрыми, но не любили немцев, хотя и относились к ним уважительно. Вот, такой случай я помню: Остановился танк, к нему подошла немка и протянула американцу флакон с духами, тот взял и поблагодарил её, а когда она отвернулась, американец разбил духи. Потом приехали «белые» американцы – высокие, стройные, в очках и сказали, что для русских нужно построить кухню. Там было молоко и другая еда, мы окрепли. Через 2-3 месяца приехали наши, было организованно собрание. Нам сказали, что нас заберут домой. Многие падали в обморок, когда узнали такую радостную новость, даже мужчины. Просто некоторые были в Германии уже давно и не видели своих родных. Мужчин забрали первых, за нами приехали потом. В конце 1945 года на чистом красивом немецком поезде мы приехали в Минск и стали думать, как добраться до Червеня. У одной из девочек были красивые часы из Германии, она отдала их шафёру – так мы доехали до Червеня. В детдом нас не приняли, сказали, что мы уже взрослые. И я с Галей и Ниной Ярмоловыми, Ниной Чикуновой и другими девчонками поехали в Минск, чтобы устроиться на работу.

Заводы, как и весь Минск, были в руинах… Мы пошли работать на стройку, жили в общежитии. Я часто меняла место работы: сначала это был велозавод, затем убирала на подшипниковом заводе, в магазине. Родила сына, Женю, работала очень много, чтобы прокормить его. Но семью так и не завела, стеснялась своего лица, искажённого болезнью.

Со мной работала девочка, которая после войны нашла свою маму, и та была очень недовольна, у неё уже была ещё одна дочь. Я послала маме письмо, она жила в Минске на Чкалова 7, но всё равно боялась встречи. Когда она приехала ко мне, я отвернулась к окну и так и не подошла к ней. Я думала, что со своим лицом, искажённым параличом, я буду для неё обузой, а старший брат Коля будет меня дразнить. Потом я с ними не встречалась. Однажды на остановке я почувствовала, что на меня смотрит какая-то женщина, она сказала, что очень уж я похожа на её соседку. Я сразу же поняла, что она говорит про мою маму, но не догадалась спросить, как у неё дела.

Минск, 2010

Записала Татьяна Кругленя

Милошевская Инна Васильевна

4.02.1937, г. Жлобин Гомельской обл.

Находилась 15 дней в концлагере Озаричи. После освобождения вернулась в г. Жлобин, а потом переехала в г. Минск. Получила среднее образование.

Минск, 2009

Наркевич (Васильченко) Лариса Ивановна

15.11.1936 г., г. Жлобин Гомельской обл. – 26.05.2010, г. Минск

Была схвачена фашистами по месту жительства в 1943–1944 гг. До марта 1944 г. находилась в лагере Озаричи. Имеет высшее образование.

Минск, 1998

Нарчук (Казмерчук) Татьяна Федоровна

1.06.1932, д. Избынь Хойникского р-на Полесской обл. (ныне Гомельская обл.)

В мае 1943 г. мама - Варвара, папа - Федор Исаакович и три сестры Татьяна, Евдокия (1923 г.р.) и Анна (1927 г.р.) были схвачены и вывезены на принудительные работы в Германию. Еще два брата находились в Красной Армии и воевали против немцев. В Германии в июне 1943 г. сначала попали в лагерь, который находился в Дрездене. Оттуда забрал бауэр для работы и на подводах нас перевезли в д. Грепендорф в имение Риторгут, что находится недалеко от г. Ошец (Остен). Там в мае 1945 г.

освободила Красная Армия и их перевезли в пересылочный лагерь г. Мельберг, а затем на родину. Образование 7 классов.

Записала Валентина Кострицкая.
Минск, 2011

Напреенко (Костюкевич) Нина Савельяновна

15.03.1934, (установили в детдоме) д. Растов Октябрьского р-на Полесской обл. сейчас Гомельская обл.) – 23.04.2006, г.Минск

С семьей жила в лесу, где зимой 1944 г. ее забрали. Ее отец Костюкевич Савелий Иванович служил в рядах Советской Армии, воевал в Берлине, мать, бабушка и две сестры погибли в лагере смерти. Сначала ее вместе с другими пригнали в д. Будда, затем – Октябрь (находится в районе), затем в Хойники и концлагерь Озаричи. После освобождения из лагеря Озаричи находилась в детском доме в Калинковичах, затем – Юревичах. Получила техническое образование.

Минск, 1992

Новодворская (Антик) София Ивановна

25.03.1939, д. Совденевичи Логойского р-на Минской обл.

В июне 1943 г. была схвачена фашистами вместе с родителями в д. Совденевичи. Работала с июня 1943 по май 1945 г. на крестьянском дворе близ города Конница. В мае 1945 г. была освобождена русскими войсками.

Минск, 2000

Орлова (Поливкина) Эмилия Петровна

20.08.1938, д. Клевцы Лезненского р-на Витебской обл.

В начале войны я была маленькой и практически ничего не помню. Знаю, что тогда была в д. Клевцы. У нас в семье было пятеро детей - я и четыре брата – Александр, Иван, Федор, Геннадий (1940). Так вот маму Матрену Григорьевну и всех ее детей вывезли на принудительные работы. Папу не взяли, так как он был болен.

Я не помню, как все это происходило, где нас захватили немцы, куда отправили и где содержали. Помню, что освободили нас американцы, в 1945 г. Мы вернулись обратно в деревню.

Минск, 2010
Записано учащимися СШ № 47 г. Минска

Пахолкин Николай Ефимович

8.02.1942, д. Лососина Лиознянского р-на Витебской обл.

В принудительном порядке 24 октября 1943 г. был вывезен немцами в Австрию с матерью Пахолкиной (Антоновой) Ульяной Петровной. Находился в Вене, мать работала в фирме «Габриель» на разных работах, проживали в лагере. Были освобождены в 1945 г. войсками Красной Армии. На Родину возвратились 27 мая 1945 г. в г. Кишинев. Имеет среднее образование.

Минск, 2009

Петлицкая (Витушко) Улима Петровна

24.06.1925, д. Бобри Логойского р-на Минской обл.

20 апреля 1943 г. была схвачена и вывезена немцами из совхоза Вишневка Минского района. С 20.04.1943 г. по 8.05.1945 г. была на работах в Австрии д. Штрас Инштрасенталь г. Кремс. Освобождена войсками Советской Армии 8 мая 1945 г. Получила среднее образование.

Минск, 1992

Петрович (Супрон) Зинаида Иосифовна

9.05.1933 г., д. Дениски Логойского р-на Минской обл.

6 июня 1943 г. была схвачена по месту рождения и вывезена. Работала у хозяина на сельхозработах на хуторе недалеко от г. Груденск. Его звали Кнешт Самерия, В январе 1945 г. была освобождена советскими войсками. Окончила 9 классов.

ГО Мин. Обл. Коллекция позитивов по фонду ЦГАР СССР. № 7021. Оп. 87. Д. 8. Л. 125.

Минск, 1993

Подобед (Мелькина) Надежда Александровна

11.02.1943, д. Чернев Брагинского р-на

Была схвачена в 1943 г. в д. Чернев Брагинского района. С 1943 по 1945 гг. находилась в Германии в д. Колген. Окончила 7 классов.

Минск, 2000

Потапчик (Баровская) Вера Лукьяновна

11.12.1928 г., д. Остроицы Логойского р-на Минской обл.

Брат Карл служил в рядах Красной Армии, второй брат Николай был партизаном. Вот я и жила вместе с отцом мамой в деревне до тех пор

пока не началась облава. Я у соседки была. Вот меня солдаты и схватили в июне 1944 г. Таких из деревни было 6 девочек. Нас в Минск привезли, посадили в товарный вагон и под охраной повезли. В вагонах были только женщины. На пути делали остановки и так возле вагонов и оправлялись. Не кормили. Охрана из немецких солдат всегда начеку. Все в страхе были. Думали, что сожгут. Привезли в Крайнау, что недалеко от Мюнхена. Попала я к хозяевам. Они производили пиво, ну а я вместе с украинкой Анной Грабенко занимались уборкой. Анна добровольно приехала и уже три года работала тут. Знала хорошо немецкий язык и поэтому служила для меня переводчицей.

Хозяйка была душа. Оберегала нас и когда у меня нарыв на пальце был, то она повела меня в военный госпиталь. А там как обычно хотели отмахнуться, но вынуждены были сделать разрез и гнойник был обработан. Дело пошло на поправку. Звали ее Фанни Краус, хозяина − Петер. У них были дети − Альберт, Роппи и Педал, а вот четвертого не помню уже. Она так переживала из-за такого плохого отношения к нам русским. Я же всегда говорила, что я беларуска. У меня была латка такая, где было написано «васйрусланд». Были и фотографии, да уже после войны или выбросили или уничтожили не осталось памяти. А жаль. Освобождена была американскими войсками в 1945 г. сначала нас в лагерь, а потом домой. Украинку тоже отправили.

Дома было тяжело. Все разрушено. Пробовала я ходит в школу, но это за 8 км. На парте 4 человека. Бумаги для письма нет. А дома работать надо. Вот и пришлось с 5 классами жить

Минск, 2011.
Подготовил Кузьма Козак

Прилуцкая (Колякина) Валентина Яковлевна

7.06.1933, ст. Жуковка Брянской обл.

Жили в красивой д. Приютино Жуковского района. И вот когда в 1943 г. наступала Красная Армия мама Степанида Антоновна, сестра Анна (1932 г.р.) были схвачены и вывезены. Возможно повлияло то, что родственники по матери участвовали в партизанском движении. Привезли нас в шталаг 342 г. Молодечно. Помню как я держалась матери. Помню как маму где-то под осень в 1943 г. расстреляли фашисты, а я и сестра Анна плакали у ее тела. Мама бала молодой и красивой, у нее была большая коса. Вот такой у меня она в памяти и осталась. Освобождены от мучений в июне 1944 г. После освобождения 1945−1952 гг. с сестрой находилась в Раковском детдоме. Затем наши пути

разошлись. Я получила среднее медицинское образование, а сестра высшее педагогическое.

Минск, 2011
Подготовил Кузьма Козак

Прошкина Антонина Андреевна

1.03.1935, д. Дюкарево Карачеевского р-на Брянской обл.

В августе 1943 г. была схвачена по месту рождения и со всей семьей вывезена. Отец погиб на фронте. В месте с матерью и братом работали у бауэра в г. Магдебурге. Освобождены американскими войсками в мае 1945 г. Получила среднемедицинское образование.

Минск, 14.01.2009.
Подготовил Кузьма Козак

Пунинская Леокадия Вячеславовна

12.09. 1944, г. Толочин Витебской обл.

С 6 октября 1943 г. мать и брат были высланы в Германию, где и была рождена, но местом рождения записан г. Толочин Витебской области. Все члены семьи работали в принудительном порядке в сельском хозяйстве с октября 1943 г. по апрель 1945 г. В апреле 1945 г. была освобождена в имении Печендорф (Восточная Пруссия). Имеет высшее образование.

Минск,1992

Пуховский Валентин Власович

25.12.1929, д. Нивищи Горецкого р-на Могилевской обл.

Родители колхозники или крестьяне. Пошел в школу, но до школы умел писать, считать, писать. Для меня было интересно было учиться: чтиво, счеты и тому подобное. Значит, до войны окончил пять классов.

Отец − Влас Захарович колхозник. Пахал землю, косил землю, молотил и т.д. Мать тоже колхозница была. В животноводстве, на поле. Это довоенный период. Когда война началась, территория наша была захвачена немцами. И они появились в июле. Война началась 21 июня и где-то, через 10−12 дней нашу территорию захватили.

Это все было неожиданно. Мы жили в деревне и там же районный город. И мы не знали, что война начнется. Вот когда началась, тогда и сообщили. Из продуктора заявили, что немецкая армия захватила территорию. Германия напала на Советский Союз. Для нас это

ошеломление было и непонятно, а что это за война и для чего, и как. Было время, когда дружили, трудились. Всем было трудно и особенно, кто работал в колхозах. И вдруг такое объявление.

И особенно непонятно было, когда стали забирать в армию мужчин, родителей и так далее. Отца не взяли. Он был участник гражданской войны и был контужен. Он воевал в Сибири с Колчаком. Вот поэтому его и не послали на войну. Я своим детским впечатлением видел, буквально видел по дням. Где-то через 5 с нашей деревни мужчин призывного возраста уже вызывали в районный центр. Собирали их и отправляли в армию. Я видел эти прощальные слезы и детей, и жен, и матерей. Но это совмещалось как-то с наивностью, и с какой-то новостью и со страхом − как люди теряют родных и самых близких. Когда собрали в деревне несколько мужчин, соответственно выпили. Соответственно и речи пошли «Мы немцев забросаем шапками» и тому подобное. Но через каких-то 10 дней они ушли.

А как себя вели евреи? Чувство страха? Была ли разница между ними и другими?

Районный центр Горки − знаменитая академия. Евреев в городе было много. Они там постоянно жили и в основном были предпринимателями, сапожниками. Для них торговля, склады и подобное. Я помню, что от нашей деревни до Горок был базар, где продавали крестьяне. И у нас были знакомые евреи, и всегда родители там останавливались. Заходили к ним остановиться, отдохнуть, чайку попить. Первые дни, когда немцев еще не было − сначала был страх общий. А когда немцы пришли, то вообще начали сгонять группами евреев. Потом нашили на них знаки. Собачья голова на метле. Спереди и с сзади желтый знак. И та же фигура собаки.

Да, желтый круг и собачья голова. И вернее, собачья голова на метле. И начали их сгонять на площадь. Я все это знаю. Ведь это было в 5 км от центра. Собирают на плац. Вещи каждый держит при себе. Потом должны отойти и оставить их. Вот вещи забрали. Их забрали и увезли в местечко Марьина Горка или подобное. Там начали расстреливать их. Повечерело, когда начали расстреливать. Многие начали разбегаться. И вечером, в июле долго темнота не наступает, и мы видели этих бегущих евреев с детьми. Еврейка и еврей − в деревни, мимо деревни. Немцы, когда проезжали на мотоциклах, то смотрели за порядком. Останавливались и проверяли порядок. И если обнаруживали нарушение, то расстреливали.

В связи с тем, что у нас в школе были еврей и еврейка. Он − директор школы Черняк, а она Ольга − физику преподавала. В хороших

отношениях отец у меня был с ними. Да по тому времени у нас были хорошие отношения. Мой отец был более грамотный, чем остальные. Он закончил 6 классов, наверное, церковно-приходской школы. У него было желание учиться. Он был бригадиром, счетоводом. Вы знаете, в то время грамотного мужика найти было очень редко. Так вот, Ольга Черняк и Михаил Черняк приходят к нам вечером поздно. Заходят в хату. Родители их то знали. Тем более, старший брат на 5 лет старше меня. Он ходил больше меня. Начальная школа в нашей деревне, а средняя школа рядом, в деревне сельсовета. Вот они зашли и я слышу. «*Спасите нас! Нам сказали явиться в районный центр. Мы хотим перебраться в лесу, но какую-то неделю – две нам надо пожить*». Отец сказал «*У нас есть погреб, и если вас это будет удовлетворять, то посмотрите, и пожалуйста*». Он свечку дал. Спустились они и посмотрели. Говорят «*Мы можем ночью выходить, а днем будем там*». Вот они спустили туда всякое барахло, матрацы, шубы. И жили они там, наверное, где-то дней 10. Потом по деревне начали появляться шпионы. Один на одного злые, и начали один одного выдавать. Отец говорит «*Мы с удовольствием мы подержали. Но сейчас и мы погибнем, и вы погибнете*». И говорит Черняк. Я слушал это. Все фразы были произнесены при детях. Он сказал «*Мы вот ночь переночуем. Вернее, ночь будем тут связь иметь, так как и еще кто-то подойдет, а потом уйдем в лес*». Так и произошло. После 10 дней в июле они ушли в лес. Дальнейшую судьбу мы их и не знаем. Вот история какова.

Немцы пришли и какие они порядки установили еще до 43 года?

Родители рассказывали, что собрали жителей и выбрали старосту. По каким параметрам и признакам, я не мог это определить. Во всяком случае, собрали собрание крестьян и объявили. Полицейские, немец и переводчик объявил, что с сегодняшнего дня это ваш начальник и ему подчиняться, слушаться и так далее. Работать должен каждый у себя на огороде. Были земельные приусадебные участки. Дальше, в колхоз не ходить. Решение будет принимать староста деревни. Он скажет что дальше делать. И опять собрали собрание, начальство решило – все колхозное имущество разделить. Животных, телеги, плуги, бороны и так далее. Стадо коров, когда в свое время обогулили коллективизацию, то они жить хотят. А раз нет власти, нет указания, то решили их раздать. Как раздали и по каким принципам я не знал. У нас же на тот период имелись: корова, свинья, пару овец держали, собака домашняя, куры. Вот такое имущество. Вот потом, когда разделили – лошадей на всех не хватило. На два дома – одна лошадь пришлось по распределению. Пахать-то надо. Вот отдали и мы продолжали так жить. Да еще землю

разделили по душам. Сколько у кого душ, то сколько и давали. У кого семья большая то и давали. Вот у нас 4 человека было. Мать отца − пятая. А рядом отец отца − дедушка мой. И с ними еще были. Вот и нам дали лошадь и 3 или 4 гектара дали, что б пахали. Жить то надо. Вот помню детски свои умом, что работать приходилось с утра до вечера. Но когда пришла пора уборочной, то рожь косили, жали. пшеница, овес и особенно в памяти горох. Посеяли горох, то осенью собирали такой урожай гороха.

Что касается поведения немцев. Вот наша деревня, видимо не стратегического назначения была. То мало кого зацепили. Единственно появились такие злотаманы. Сосед на соседа. Люди которые были раскулаченные, но жили более богато чем остальные, может сообщили связным в партизанские отряды, что они имеют связи с немцами. Так некоторых ночью приходят полицейские, выводя из дома и расстреливают. Слышим наутро уже что кого-то там убили. Но если в общем посмотреть, что жизнь была не хуже при колхозах. Дело в т том, что каждый имел свое хозяйство. Какие налоги я не могу сказать. Вот немецкие машины ездили и собирали кур. Это какой то праздник был. то молоко собирали. как-то и зерно, то же на что-то собирали. Если судить относительно разговоров, когда живешь в семье, то чувствуешь беды какие. Когда жили в колхозе, то родители работали круглый год за трудодни, колы. А в конце года отцу поедет мешок овсюга просеивает. Только жили со своего огорода. Во пожили и почувствовали, что сытые стали. А в целом, если посмотреть, немцы на основании своих же людей, имеется в виду полицейских, старост, проводили определенные репрессивные меры. Слышно было, там убили, там убили, в тюрьму посадили. Вот в районом центре была комендатура и гарнизон. И там, на машинах и мотоциклах. Вот они постоянно там были и имели связь со старостой. Но с нашей деревни ни одного не взяли в полицейские.

Что представляла собой наша деревня. В деревне домов так 60. *Лес* Далековато, 15 км. Мы находились в открытом пространстве. Когда дрова нужны, в лес ездили. Давали лошадь. Вот с отцом едешь далеко. Весь день на это уйдет.

Но *во время войны* значительно *уменьшилось население.* Забрали многих в армию. Через дом, наверное, забрали.

Когда немцы пришли, я еще один год ходил в школу. Это 41−42. Потом уже закрыли школу.

Все ли ходили в школу. Кто учителя, предметы?

Все кроме евреев. Предметы те же. Но как они совмещали не знаю. Белорусский и русский и даже в 5 классе немецкий язык преподавали. Как преподавали? Я помню, как немцев расселяли по деревням и хатам крестьянским, где они ночевали. Проснулся утром − два немца. Летом тепло. Они в сенцах спали. Зашли в хату. Матка что-то готовила, а я не знал это всего. Я то помню, что нам преподавали. И вот открываю учебник немецкого языка, а там на первой странице Ленин , на второй Сталин. И это показываю солдатам. И читаю Сталин и Ленин. Так они схватили книгу и выбросили. Им не понравилось агитация Сталина и Ленина. А дальше уже не было учебы и преподавания.

Причина?

Содержать же надо. Тогда же было районо и содержание и школы надо было и дрова возить. И преподавателем надо было платить. Я понимаю это так. и буквально в 42 году преподавание на этом закончилось.

Но в других оно продолжалось и в 43?

Да, у других это было, но у нас нет.

Может мало детей?

Может и это причина.

В вашем классе было сколько?

А начальной школе на деревне, там если брать по классам, то по 25 в классе. А потом , когда пошла семигодка, там уже меньше.

А еще свадьбы, похороны?

Свадьбы? Не помню, похороны были. Похоронам никто не препятствовал.

Церковь действовала?

В районом церкви, при выезде из районного центра, была церковь. Среди праздников Пасха. Были и другие религиозные праздники. Мать ходила посветить выпечку. Булки, выпечку носили. Бабки соберутся и туда.

В деревню заходили партизаны?

Заходили и даже убивали. Одного или нескольких определенных лиц, людей которых раньше раскулачивали и соответственно не выслали. Они оставались работать. И когда пришли немцы, то сообщение какое-то было, наверное. Шпики же были, и наверное, знали, кто и чем дышит. Вот 2 человек убили. Заявили, что они с полицейскими связаны или с немцами. Вот такие тонкости. Так что это было.

Видели их?

Я видел, кого убили. Потому что похороны были. А кто убил? Жена и дети говорят «Какие-то пришли, постучали». Они ночью сказали «Те и

те». Они открыли и зашли. «Где хозяин?». Вышел. Они «Становись на колени». Он стал. И они как бы для приговора − за что. Он закрылся рукой, а они из пистолета раз и убили. Такое вот. Это не только в нашей деревни и во многих было.

Паспорта, деньги существовали?

Паспортов не было.

Пленные попадали к вам или нет?

Попали. Буквально в июле уже, и когда оккупация прошла, то пленные, которые шли, нет, солдаты шли, а немцы их окружили. То они заходили в дома. Они недели две там жили. И мы их какое-то время содержали, то один покормит, то второй покормит, а потом через некоторое время они уходили в партизаны.

А партизаны когда появились?

Это уже было 42 году.

А известно было о тех, кто ушел в партизаны?

Поначалу не известно было, кто куда ушел. Много из молодежи, но связь была.

В деревне свет, электричество было?

Электричество в 40 году провели к нам. Лампочки были, радио было. А отопление дровами в печи. Торф, дрова.

Артисты приезжали?

К сожалению, нет.

Часто собирали вас для объявлений?

Нет. Может быть, отец и ходил куда-то на собрание. Даже ходил. Староста собирал, а мы, что пацаны были. Играли в лапту или на санках катались.

Инвалиды в деревне были?

Тогда такого понятия как инвалид, только если от Первой мировой войны. А так, понятия такого не было. Болели.

А больные были?

Больных не было.

Клуб?

Клуб был.

Магазин?

Магазина не было до войны и во время войны не было. Ходили мы в Горки. Это 5 км, а до станции 3 км.

Привлекали ли на работы?

Нет. На станции рабочие были, как до войны, так они и остались работать. Из деревни, насколько я помню, что-то какие-то организационные работы проводились. Необходимо столько то дней отработать. Просто тебе, тебе. Куда гоняли я не знаю.

Впечатление у вас, как у подростка – ничего страшного?

Да, если страшно одно, что когда немцы приезжали, по каким-то заданиям, я так думаю, что какие свои связи наших жителей с полицией, какие-то высказывания против немцев. Помню я, как наказывали молодых людей. Которым лет 17. На мотоциклах приезжают немцы или полицейские, то палками били.

Как это выглядело. Лежа, стоя?

Нет, палкой резиновой или простою. Пацан стоит и полицейский через плечо хлещет. За то и то налупит, налупит и побежал. А так, что бы расстреливали или вешали − в нашей деревне это не было. Но в Горках это было.

А вот женщины, как они? Примеры насилия со стороны солдат, полиции партизан?

Нет. Партизаны были далеко от нас − 15 км. Полиция и немцы, они приехали и, что бы насиловали, или выводили куда-то. Такого не слышали.

И что же дальше было?

Ну вот 42 и 1943 год. В 1943 году у меня старший брат, он с 25 года рождения…

Он жив?

Нет, он погиб на войне. Значит, сообщили, что таких-то мальчуганов, которым столько-то лет, собирают в сельский совет − полицейский участок. Ну и родственники там жили в сельсовете той деревни. Они сообщили − если он пойдет туда, то его заберут. Вот такая с этого и все началось. Брата звали Степан. Он не пошел туда. Но оттуда приезжают на лошади и телеге. Полицейский спрашивает «Где Степан?». Родители отвечают «Он ушел куда-то с молодежью». «Скажите ему, что б он явился в сельсовет». Родители говорят «Хорошо. Мы скажем». А он ушел в лес в партизаны. И не только он, но и другие. Человек 4 туда ушли в партизаны, которых хотели захватить и угнать в Германию. Ну и когда такое получилось, то на нашей семье легло такое пятно, что сын ушел в партизаны.

Это стало известно им?

Конечно. Им стало известно. Пропал. Они сказали − явиться. Мы сказали, что передадим. Да и за нами возможно была слежка и даже и было

преследование. И вот наступила осень. Это 1943 г. Август месяц года. Самая уборочная. Надо приступать уборке. И тоже нам сообщили, что скоро приедут полицейские. Отец говорит «Ну что, давай собираться будем, и в лес». И мы в конце августа уехали в лес.

На чем уехали?

На лошади. Телегу запрягли. И вечером, на ночь глядя, что бы меньше заметно стало и уехали. Приехали в лес, а с нашей деревни было семей 10 по таким же самым причинам и основаниям. Но это сентябрь. Уже и холода ночью. Дождик. Ну и мы собрались вместе в глуши леса. Родители смотрели как накормить лошадь, самим, что-нибудь достать. А вот мне подростку 13 лет. Холодно. Лапок нарубили и шалаши сделали. Так мы жили до 20 сентября. К нам пришли настоящие партизаны. Собрали взрослых и объявили, что мы вас будем охранять.

Брат не походил?

Нет. Брата мы не знали где он до конца жизни. Нас обязывают − они командиры и старшие партизанского отряда, что пусть детишки рано утром выйдут с корзинками на поле и пускай собирают картошку недалеко от дороги, которая центральная идет с Горок и на Горки. И пусть они нам, то есть партизанам, говорят кто движется по этой дороге. Какие силы немецкого войска. Вот мы и ходили рано утром и поздно вечером, наблюдали часа 2 часа, а потом бежим в лагерь и передаем картошку и рассказываем об увиденном связникам партизан. Партизаны, видимо, пользуясь этими данными делали набеги на немецкие колонны. И это длилось где-то до 5 сентября. Нет даже до конца сентября. Немцам надоело это все и они решили окружить лес и захватить. Кто им мешает и откуда такие данные? Вот рано утром мы побежали картошку копать. Слышим стрельба со стороны дороги. Видим через деревья, немцы идут и стреляют по деревьям. Видимо от страха. Народа там-то нет. Мы скорее в лагерь и говорим «Немцы идут. Мы стрельбу слышали». Не успели мы сообщить, как и наш участок леса стали окружать немцы. И вот тут началось самое страшное. Наши взрослые убежали. А те, кто не смог убежать, их расстрелять, в том числе и моего дедушку. Ему было 78 лет. У него был выбит глаз, когда он работал торговлей. Надо было жить и в Смоленскую область возили хлеб, то нападали жулики и вот в драке ему нагайкой выбили. Вот он с бородой с одним глазом. Я стоял с коровой за пышным кустом. Слышу выстрелы. Вот я корову за повод, высовываюсь и смотрю, что немцы окружили и кричат «Выходите!». И вот дед мой и другой дед. И как сейчас помню немец − кровавая щека. Говорит

«Идите». А он хлоп, хлоп − одного и другого. В другом шалаше были помоложе лет по 17−18. Вот он снова вывел и не разбираясь убивает. А вот нас детей, как я, женщин и старух захватили и погнали. Погнали нас а день выдался жаркий погнали до… в сторону Витебска в направлении Борисова. Не могу вспомнить. Погнали нас до Борисова… трое суток.

Как передвигались, охрана, туалет, охрана?

Полицейские и немцы шли по обочине дороги. Колонна захваченных движется и они идут через некоторое расстояние. Проходим 4−5 км − привал. Женщины и старики не могут идти. Отдохнули и дальше. Вспомнил, это населенный пункт Толочин. Туалеты на обочине у дороги.

Позволяли это делать когда привал? Там могли убить?

Но во время привала разрешали. В одном населенном пункте заходили во дворы, переночевали и пригнали в Борисов. В Борисове прожили три дня а потом пригнали вагоны.

Три дня в каких условиях?

Трое суток под открытым небом. Никакого питания. Кто с собой что нес, то тем и питался. Не помню, где брали воду. Да, вода поблизости где-то была. Брали и пили воду. А потом подогнали вагон и погрузили нас всех в один, два, двухъярусные спальни. Двери закрыли, не выйдешь и повезли. Но куда не знаем. Вот когда привезли в Германию, то конечно делали остановки. Много умерло прямо в вагонах.

Вы были свидетелями смерти?

Везли в Германию целую неделю, но остановки были. И там открывают вагон и спрашивают и смотрят полицейские и немецкий представитель с собаками − живые перед ними или мертвые. Если мертвые стаскивали. Вот с соседнего вагона вытащили и прямо на обочину, где выступ. Шлаком присыпали и все.

Вот привезли в город Зомерке в Тюрингии. Это где-то 60 км от Эрфурта. Значит, рано утром на станции выгрузили с вагонов и погнали в лагерь. Но городок был небольшой. Помню двух-трехэтажные дома и завод. Бросили к окнам и смотрят и слышим «русиш швацйне». Колонны целые. Эшелон большой. Вот собрали погнали. Видим колючая проволока. Столбы, колючая проволока и вышки и полицейские стоят. немцы и нас в бараки. Это уже октябрь месяц. Холод. В принципе в Германии теплее, но все равно холодно. В двухъярусные кровати загнали и разрешили топить печки. Мы не стриженные. Как ляжешь, а матрацы с деревянных стружек. Через щели барака ветер продувает и утро, когда подыматься надо волосы примерзают к стружке.

Через пару дней нас отправили работать. Ну что пацаны, по 23 лет. Какие они работники. Подметать, ящики убирать от снарядов или еще. Вот такая работа. Питание такое. Утром поднимают в 6 часов до столовой добежать получить паечку хлеба. Он серый, эрзац с мякиной. Хочешь съешь сразу, а хочешь оставишь. Вот его сунеш в фуфайку и пошел. Баланда, как правило, с брюквы. Не знаю, почему они нам давали так. Вот еще каплю маргарина. Ни мяса, ничего. Чай − какая-то трава-заварка. Вот удивляюсь, освободили нас в мае месяце и надо было выжить столько времени. И вспоминаешь, что у нас черный хлеб. Белого тоже у нас не было. Так порезал бы на кусочки и с шоколадом или сальцем. Так хотелось бы есть с утра и до самого вечера. Так скучали. Нас было 6 человек местных. Вот мы подметали. Ящики, которые освобождались, подносили. Обеденный перерыв немцы едят обед, а нам нечего. А нам ничего не давали. Особенно осенью или зимой, там буржуйки были такие. Так мы умудрялись − хлеба крошки оставим. Сделали типа мышеловки и воробьи прилетали, а воробья на крошки и попадались. Так быстренько мы их на проволоку и на огонь в буржуйку. Они подгорали, вот вам мясо. Но не всегда. Да.

Но кто руководил вами? Распорядок дня?

В 6 часов утра начинали. Строили в колону и под охраной полицейских с собаками гнали на завод. Там ворота. В завод заходишь. Нас собирали таких подростков 50 под сопровождением 4−6 полицейских с собаками. На завод приводят, а там выходят мастера и забирают. И до вечера. Рабочий день продолжался до 6. Так с 8 до 6. Опять нас выводили. Снова полицейские приходили и нас колонной в лагерь. Приходим в лагерь. Приходишь и бежишь в столовую. Нам выдали алюминиевые тарелки так называемые и ложки. Бежишь. Черпак раз этой бурды. Хлеб остался так с ним. Нет, значит без него. И вся еда. Да, чай − кипяток заваренный травой. Как сено, порубленный такой. Так и были там до мая месяца.

В мае нас освободили американцы. Затем приехали представители советской армии переписали все. Там и украинцы и французы и беларусы были. Такой сборный лагерь. Мы жили в разных бараках. Переписали спросили. Вы куда поедете? Куда? Но куда мы знаем куда ехать. Домой. Вот Горецкий район Могилевской области. Записали. Все, через пару дней рассортировали и подогнали вагон и погрузили и на восток.

Были ли свидетелем, что в Германии кого-то убили или кто-то умер?

Я видел, как в лагере умирали дети по 5 или 4 лет. Они как захватили семьями с детьми. Вот они пожили. детишки эти наверно неделю не больше, ведь какое им питание было. И поумирали.

Сколько таких детей?

Вот в нашем бараке, типа барака щитового посреди буржуйка стояла мы в холодное время топили по очереди. У нас был кровати двухъярусные. Койки с одной стороны и койки двухъярусные стояли с другой стороны. Барак это человек 40. Вот на это количество: 2 детей и еще один ребенок умер. Трое. Вот и все. Остальные как? Да я не сказал, что когда освободили, то мы разбежались кто куда. Но куда же побежишь? Надо ночевать, поесть. Вот побегаешь и назад в лагерь. Вот мы тогда заметили, что помещение есть и труба большая. Это был крематорий. У нас умирали в бараках, то увозили мертвецов на телеге, как землю возят. Это как у нас землю возят. И когда мы это видели лошадь поехала, то значит их возили в крематорий. Вот когда освободили, то мы заметили канал какой-то шел и течение есть, но если попробуешь щепку или другое что-нибудь, то она не тонет. Оказалось что течет жир, потому что при сжигании не все сгорало. Вот когда начали немцы платить марки и надо было доказать где был в лагере. У нас какой-то был лагерь был секретный. Начали искать в Фонде примирения, то добиться, что бы был в Германии или не был. А где был? Говорю «Нас же переписывали представители советской власти». «У нас нет». Оказывается, что было негласное указание, когда выделяли первый раз помощь, что бы меньше выдать, то представители решили минимум раздать, а максимум оставить в городе здесь. Что характерно. Запрашиваем «Нет». Как же нет, если работник фонда говорит «Он же был и рассказывает где и как». «У нас не значится». Я говорю, «Но как вы представляете. У вас должен был справочник, где кто сидел». Но так он по секрету «Смотри» Пришлось попросить, что бы показали список. Смотрю и мой лагерь есть − город Замерта − концлагерь. А он «И сноска какая-то, какой-то секретный и испытания какие-то делали». Вот так я смог добиться и тогда работник фонда позвонил в Могилевское КГБ и архив «Ну что вы гоняете, он же подтверждает». «Почему вы не даете?». А там «У нас не значится». Вот уже потом написали все. Ну что же жаловаться на них. Вот так.

Как домой попали?

Вот когда погрузили, через пару недель из Германии прямым ходом. Ну как прямым ходом. В Белостоке останавливались и Бресте. А потом на территории проверяли. Но привезли всех.

Дома же деда нет?

Враги сожгли родную хату. Приехали. Ни двора, ни кола. Деревня где-то наших 6 домов, которые в стороне. И шла дорога на сельсовет. Как рассказывают очевидцы, то дома наши разобрали немцы на дорогу, что б проходить можно было. А так это были ли не так? короче, приехали, а наших домов нет. Только труба от пожарищ. Вот так начинали жить.

Где была мама?

Мама была вместе со мной.

Почему не рассказывали о ней?

Но нас гнали, значит с матерью. Мы работали. Она уборку в лагере делала. Там же тоже должен порядок. Подметала. У них все продуманно. Что б опустошить душу человека, что не могло его обрадовать – ни одной травинки не должно быть и все должно очищаться от травинки, от деревца. Ничего. Вот она так и работала. Вот приехали ни кола ни двора. Куда? Она была с деревни Ляда. Там где не бойкое место, и немцы не приходили. И деревня, и дома там остались. Мы там остались перезимовать, а потом на старом месте выкопали погреб, поначалу в погребе до осени там мы жили. Мы сделали землянку. Это хата с глины и соломы, но на верху сделали себе комнату, чтобы перезимовать. Глина, солома. Тепло. Печку топишь, то тепло. Вот такова жизнь.

О брате ничего не сказали?

Когда спрашивали, вы куда хотите в Советский Союз, на Украину или Белоруссию или остаться в Германии? Некоторые остались. Могли остаться в Германии в Америку записаться. Мы же назад. Где же брат? Вот приехали, а в декабре приходит извещение, что умер при излечении в госпитале, номер такой-то, от ранения.

Он был в армии?

Да. Об был первоначально в партизанах. Потом, когда подошли наши войска, то его забрали.

Где погиб, известно?

Но на лечении он был в Горьковской области. Ранили в Прибалтике.

А отец?

А отец также как и мы, через некоторое время, мы уже с матерью вдвоем до Борисова добрались и он только пару недель. И он перед самым отъездом появился, как снег на голову. Оказывается вторым эшелоном, таким же как и мы, гнали. И вот его пригнали, и он с другими, таким же. Где он был?

Тоже в лесу. Он был глубже и его забрали. Когда нас первыми захватили, партизаны отошли. Силы то были неравны и мужики, которые могли соображать и бегать, тоже пошли в партизаны. И вот немцев второй раз более глубже захватили. Кого побили, а он к счастью остался живой. И вторую партию пригнали в Борисов, что эшелон загрузить. вот он успел в эшелон и он попал вместе. Он был в нашем лагере. И мы потом соединились в одном бараке.

Данные родителей?

Отец 1899 г. рождения. Влас Захарович из д. Нивищи. Мама Барковская Прасковья Спиридоновна, 1896 год рождения. Она приехала к ее родственникам д. Азаровичи Горецкого района

Когда приехали на территорию Союза, конкретно на территорию Беларуси, начали просеивать. Где были, кто может подтвердить? Несколько заслонов проходили. Но убедились, что были и списки наших представителей и компрометирующих материалов не было. Все хорошо. Идите работать на старом месте.

В семье разговаривали о прошлом?

Конечно. Кто знал нашу д. Нивищи, откуда нас вывезли. Там полдеревни были вывезены в 1943 году. Остальные, кто и где. Кто в партизан, кого не успели поймать, кто остался. Поэтому, делиться как? Все знали, что были вывезены в Германию, что многие были там. Те, которые остались, они знали, что мы были вывезены и им, по приезду, мы рассказывали. Вот молодежь просеивали страшно. Может благодаря тому, что любил труд, не хулиганил, был законопослушный парень, так смог как-то пробиться. Закончил институт один, а еще госуниверситет.

До этого, когда приехали, продолжал учебу я пошел в 7 класс. Закончил на отлично 7 класс. Директор школы говорит молодец, а жить не за что. Прихожу домой от картошки очистки приходилось использовать. Ничего не было. Вот землянка. Отец ходил на станцию и ему что-то за работу заплатят, где муки дадут пару килограмм. Закончил 7 классов с похвальной грамотой. Он спрашивает пойдешь со мной или сам. Я сказал, что сам. Узнал, что в Риге принимают в училище, где полное питание, обмундирование и дисциплина. Так как это было в сентябре, то прием окончен. С аттестатом приезжаю. А там. Все, прием закончен. Но посмотрели аттестат… Приняли. Началась учеба и трудовой путь. Получил звание лейтенанта по окончании учебы. Направили на работу в Камское речное производство. Потом Пермский государственный университет по специальности «История». Когда предложили переехать

на работу в Москву думал, что там будут просеивать, что да как. И отказался. В Минск переехал в 70 году.
Вот еще. Ни еды, ни поспасть, ни отдохнуть. Опять же в бараки загнали и питания никакого.

Когда приехали, какое положение с питанием и проживание?
Когда приехали в июне 1945 г. то уже посев произведен. Остановиться негде совершенно. Ни кола ни двора. Вынуждены поехать к брату матери. Их деревня сохранилась. И там, что дадут, то и покушаешь. Содержать надо три человека. Это было сложно. Почему я снова вспомнил, потому что эти ребятишки умирали от голода. Дети есть дети.

От бомбежки погибали?
В равной степени погибали как немцы так и мы. Специально, чтобы в лагере расстреливали − нет. Били полицейские палками, но не расстреливали. У нас был выходной в воскресенье. Мы то в выходной выходили из барака, игрались на песке. Тогда полицейские предупреждали о нарушении и наказывали. Этот как воспитание какое-то. То что с голоду умирали. Это, да. В этот день видел как вывозили умерших. Лошадь подъезжает к баркам. Их закрывали брезентом. Их наверное было 2–3 человека. Когда они останавливались у следующего барака, где надо было выносить, открывали брезент повозки, а потом закрывали. Барак от барака был на расстоянии метров 30. это было утром.

Но вы же на работе. были?
Но я видел это. В воскресенье мы не работали. Лежали. Или выйдешь на территорию барака или поиграешься. И тогда полицейский палкой даст.

Все полицейские были жестокими?
Может быть, да. Он поставлен на конкретное дело. У нас было два директора. Один главный шеф, а второй его заместитель. Вот главный был нацист, он зверь, а его заместитель − такой добряк. И когда нас погрузили в вагоны, что бы вывезти, то он приходил прощаться. Его просто любили. Вот вам и немец. В столовой кто-то попросит черпак зачерпнуть. Тот который главный был, накажет за это дело. А этот проходил. Немцы тоже по разному относились к своим обязанностям. Вот на работе, когда немцам приносили обеды жены. Немцы были пожилыми, так как вся молодежь, те которые могли воевать они были на Фронте. Им то было 60. Они пожилые люди и им приносят обед. Так бригадир, как сейчас помню, Оцарим, никогда, даже когда жена приносит, она даст нам пацанам кусочек. И как он увидел, то при нас

отругал. Другие давали, только что б не увидел мастер. Так что есть и те, которые понимают жизнь, и есть те, которые как звери. Это как в кино.

Минск, 2009
Интервьюер и транскрибирование выполнено Кузьмой Козаком

Разина Мира Алексеевна

12.01.1937, г. Псков (Россия)

Мама работа в Красном Кресте и участвовала в спасении детей. Которых вывозили из Ленинграда. Тяжелые времена были всегда, но особенно когда война приближалась к своему завершению начали вывозить молодежь. Многие попадали в тюрьму. Вот так попал и наш дедушка. Но вот что, его полуживого отпустил домой умирать. Вот он и умер в 1943 г. Была холодная зима и мы его хоронили без гроба. С нами проживал соседка, у которой два молоденьких сына попадут в ополчение и будут оба убиты. Она знала немецкий язык и вела обучение моей сестры. Время было опасным. Стояли у нас СС и финны. Вот однажды солдат легко проник через окно на первом этаже и пытался изнасиловать сестру. Или же когда мы с подружкой сидели на крылечке дома, то напротив нас останавливается солдат и открыто справляет нужду. Это так, когда не считают нас за людей. Так же бессовестно пытался изнасиловать сестру солдат, который влез в окно.

Где-то весной 1943 г. нас - бабушку Екатерину Тимофеевну, маму Марию Семеновну (1910 г.р.), сестру Раису (1929 г.р.), брата Вечеслова (1932 г.р.) и меня схватили и поместили в тюрьму г. Псков. Затем вывезли в Прибалтику. Помниться в Эстонии, сестра Раиса, знавшая немного немецкий, вступила в объяснения с немецким солдатом и тот позволил нам при распределении встать в противоположную шеренгу. Ту, которая будет отправлена в Бохум. Что с оставшимися там было я не знаю.

В г. Бохуме мы попали в лагерь для военнопленных. Колючая проволока, ограждение, бараки, нары. Бабушка, мама и брат ходили на работы. У них были нашиты знаки. Что касается меня, то только сфотографировали. Вот, правда, фотографии мы все уничтожили в первое же послевоенное время. Так как я не работала, то старалась возле пищевых остатков что-нибудь найти на пропитание. Голодали мы все. Бомбили много. То нас старались загнать в бункера. Однажды бабушку так сильно ударили. Она оказала сопротивление, когда немец из охранников пытался изнасиловать маму. Я кричала. Потом ее увезли в больницу, а я бежала за машиной рядом.

В мае 1945 г. была освобождена с лагеря. Американцы были улыбчивы. Давали кусками шоколад. Но так как многое осталось без контроля, то два мужчины объелись какой-то патоки и один умер. Второго спасли. Мама рассказывала как нам предлагали не возвращаться в Россию. Но бабушка, сестра и двое дядей первыми постарались уехать на родину. Правда некоторые оставались. Как правило это были мужчины.

Мы в Гродно предложили учиться в пединституте. Но не взяли сестру. Мы так поняли, что это по причине того, что мы из Германии приехали. Брат у нас очень хорошо знал математик, то он не стал себя искушать и поступил в физкультурный техникум. Папа вернулся с фронта. Имел звание старшины. Возил какого-то генерала из Смерша. И после этого некоторое время работал в штабе армии, но потом его внезапно перевели в гараж. Я же получила высшее инженерно-педагогическое образование.

Минск, 26.07.2011
Подготовил Кузьма Козак

Раплевич (Прусакова) Тамара Петровна

30.01.1933, д. Зайцево Витебского р-на Витебской обл.

Наша семья состояла из 13 человек: отец, мать 5 сестёр и 6 братьев. Мы жили в Витебске, когда началась война. Мне было 7 лет. Папу и старших братьев забрали на войну. С первых дней немецкие самолёты стали бомбить наш город. Мама погибла. Младшему брату Анатолию было 2,5 месяца. Он ещё не был отнят от груди.

Нам помогали соседи.

Когда в город вошли немцы, начался голод и холод. Я с младшими сестрой Верой и братом Владимиром заболели тифом, а затем чесоткой. Сестра с братом умерли, я - выжила. Меня взяла соседка и я у неё пастила корову.

В феврале 1943 г. оставшуюся нашу семью: сестёр Ольгу, Таисию, Машу, меня и трёхлетнего брата Анатолия забрали немцы в лагерь «5 полк», а в конце апреля 1944 года нас погрузили в товарные вагоны и повезли в Германию.

Впереди идущий поезд подорвали партизаны, и наш поезд остановился. Нас выгрузили и погнали пешком. Около подорвавшегося поезда валялись тряпки и хотули, но людей уже не было. Гнали нас через деревню. На обочине дороги сидела женщина и по ней ползали вши, как муравьи, но её никто не трогал. А кто отставал из колонны, немцы

пристреливали. Мы с сестрой несли по - очереди младшего брата Анатолия. Мне было очень тяжело, и я отстала от колонны.

Немец толкнул в меня прикладом и крикнул: «Шнель, киндер!». Я испугалась, и, бросив брата, побежала в колонну.

Брат громко заплакал. Подбежала сестра Таиса, и подняла брата на руки. При всей жестокости этот немец подошёл к сестре и дал брату конфет.

К вечеру нас пригнали к лесу, где были выкопаны длинные ямы. Стояли немцы с собаками и пулемётами. Возле леса нас продержали до утра. Утром всех людей начали подгонять к выкопанным ямам, и я увидела подъезжавшую военную машину с кухней. Нас накормили супом и дали По-полбуханки хлеба.

После еды нас погрузили в подъехавшие грузовые машины и повезли дальше в Германию. Но смогли довести только до деревни Углы, Ушачского района, где к вечеру разогнали по чужим хатам.

Ночью в окно нашей хаты, куда нас определили, постучал какой-то мужчина и сказал: «Уходите, будут жечь деревню».

Мы выбежали за деревню вниз за болото, спрятались за кусты.

Брат Анатолий хотел плакать, сестра затыкала ему тряпкой рот, чтобы было тихо. Вдруг загорелась деревня. Залаяли собаки, завизжали свиньи. Стало слышно, как трещат брёвна от хат. Громко голосили и плакали женщины и дети.

Через некоторое время стало рассветать, и послышался гул от идущих танков. Всё громче и громче. Я приподнялась и увидела бегущего от дороги мужчину. Размахивая руками, он кричал «Наши, наши!».

Из-за кустов постепенно стали появляться люди, всё больше и больше. Хотя мне казалось, что здесь в лесу находится только наша семья. Все побежали к дороге, по которой шли советские танки. Один танк остановился, и оттуда вылезли танкисты. Они что-то спрашивали и записывали, а люди упав на колени, целовали землю перед нашими освободителями.

Наша семья вышла на большак, и мы пошли домой в сторону города Витебска. По дороге сестра Таиса с маленьким братишкой Анатолием всё время отставали. Идти было трудно. На дороге нас догнала военная машина, и солдаты предложили подвести маленького брата и сестру. Но мы малые дети забрались на кузов все. Так и доехали до города.

Приехав в город, мы обрадовались, увидев уцелевший дом. На разбитые окна и выломанные двери мы уже не обращали внимание.

В послевоенное время тоже было очень трудно. В 10 лет пошла в 1-й класс. В школе детям - тем, у кого погиб отец давали по 50 грамм хлеба на перемене, а у меня отец остался жив. Мне и другим детям хлеба не давали, хотя очень хотелось есть и я плакала. Чтобы получить хлеб по карточкам, надо было встать в 5 часов утра. Магазин открывался в 8 часов. К открытию собиралась большая очередь. Взрослые мужики и тетки брали хлеб штурмом, а нас детей и людей послабее выталкивали из очереди. Хлеба всегда привозили мало, всем не хватало. Часто, не получив хлеба, я шла по домам, просила какой-либо еды. Кто даст 2 или 3 картошки, кто кусочек хлеба, а кто скажет - мы сами голодные. А бывали случаи: зайдешь в дом - отберут все, от страха просишь, чтоб отдали хоть торбу пустую. Идешь со слезами опять по домам, чтобы что-нибудь принести младшей сестре и брату поесть.

В 1950 г. меня приняли на фабрику «Витебский ковровый комбинат». Работали по 8 часов 6 дней в неделю. В субботу был короткий день. После работы те, кто был на первой смене, оставались на субботник, по 2 часа работали бесплатно.

В летнее время посевное и уборочное нас по очереди отправляли в колхоз на работу, там хоть кормили. Зарабатывали мало. В 1955 г. я завербовалась в Карело-Финскую Республику, в Паданский леспромхоз, поселок Янгозеро. Зимой рубили сучья после валки леса, а весной сбрасывали бревна с ярусов эстакады в озеро для связки плотов, и гнали плоты по озеру куда надо.

В 1956г. я приехала домой в Витебск, вышла замуж, воспитала 2-их детей.

Минск, 2010

Рейлян Галина Павловна

14.05.1937 г., Витебск

В ноябре 1943 г. была вывезена вместе с матерью из г. Витебска. 7 января 1944 г. была привезена в Дахау, а вскорости отправили в концлагерь в г. Липхайм (Лауптхайм). Мама в Липхайме работала на авиационном заводе, а я за колючей проволокой оставалась одна. Вечером строем и колонной водили на ужин. Там кормили бурдой из красной капусты или шпината и еще две гнилых картофелины в мундирах. На день выдавали кусочек хлеба с опилками со спичечную коробку, которую мы вечером делили в бараке. Рядом был госпиталь и

медсестра иногда выносила большую суповую миску пюре. Она ее ставила на забор и разбрасывала, а мы хватали. Выздоравливающие солдаты хохотали и фотографировали такую сцену. Во время одной из бомбежек я была ранена осколком в ногу. Лежала в лагерной больнице в гипсе. Но вот когда бомбили, то немцы бежали в бомбоубежище, а мы – дети, так как нас не охраняли, то наоборот убегали из лагеря под бомбы. После того как разбомбили лагерь и все разбежались в лес. Я с мамой спряталась в водосточную трубу. Там нас и нашли немцы. Вот тогда нас перевезли в концлагерь в г. Гюнцбург. Кормили, но и разрешали попрошайничать. Однажды я зашла к жандарму, а он спустил бульдога. Некоторые давали еду, но показывали и объясняли нам, что им самим нечего есть. Вот так в апреле 1945 г. были освобождены американцами.

Была у меня и подруга Лыскова Лилия Даниловна (1937 г.р.), так мы с ней были вместе с ноября 1943 г. по сентябрь 1945 г. Жили даже в одном бараке, ходили попрошайничать, а во время бомбежек убегали из лагеря. Знала хорошо и Зуева Игоря Даниловича (1929 г.р.). Как оказалось, это важно для того, что бы я смогла получить статус узника. О нас с мамой почему документов не сохранилось.

Прим. – *К.К.* В документах ГА Вит. обл. значится Косарева Прасковья Анисимовна (1904 г.р.), Коношенкова Галина Павловна (1937 г.р.). Увезены из Витебска (дата не указана), вернулись в Витебск, зарегистрированы 1 сентября 1945 г. В графе «*Где находились на немецкой территории и чем занимались*» записано «*Кинсбург, р.заводе*». В графе «*Откуда прибыли*» записано «*Бальзден*». См.: ГА Вит. обл. Ф. 2786. Оп. 1. *Д.* 7. *Л.* 208.

Минск, 1992
Подготовил Кузьма Козак

Ромашкевич (Кашкан) Людмила Матвеевна

7.11.1931, д. Колоницы Заславского р-на Минской обл.

Ромашкевич (Кашкан) Мария Матвеевна

24.01.1926, д. Сломоровичи Заславского р-на Минской обл.

В начале 1943 г. фашисты сожгли деревню и расстреляли родителей. Сестры Людмила и Мария остались в живых. Перебрались в Минск и стали жить у приютивших их хозяев. В конце 1943 г. вместе с хозяевами Людмила была схвачена. Находилась в тюрьме на Бакунина. Затем вывезена в Германию в г. Цвикау. Там поместили в лагерь и определили на работу в авиазавод. В мае 1945 г. освобождена американцами.

Сестра Мария была схвачена в апреле 1943 г. и вывезена в Германию. Работала на сельском хозяйстве в Паульсгофе. Освобождена в мае 1945 г. пересыльным пунктом служил Магдебург.
Трудно было выживать и не до образования было. Но и при неполном среднем образование сестры работали до получения пенсии.

Минск, 2001
Подготовил Кузьма Козак

Рысева (Азанович) Надежда Григорьевна

14.10.1937, в д. Губа Логойского р-на Минской обл.

Насильственно была вывезена в 1944 г. на территорию Германии с матерью Азанович Е. К., сестрой Красуцкой М.Д. в г. Зоммерфельд. С мая по сентябрь 1945 г. находилась в лагере № 264 г. Зоммерфельд. Окончила 7 классов.

Минск, 2006

Рычаго (Зыбина) Майя Ивановна

10.06.1928, г. Бобруйск Могилевской обл. – 07.09.2007, г. Минск

Война застала в д. Омельно Рогачевского района Гомельской области. Там в апреле 1944 г. она была схвачена фашистами и насильственно вывезена на принудительные работы. Вначале попала в город Бреслау в концлагерь оттуда была переведена (в лагере «Бурквайдэ») в город Вальденбург в лагерь Шпигельгутте, где использовалась на работах в шахте. Освобождение встретила в мае 1945 г. Возвратилась на Родину 20 мая 1945 г. Образование высшее.

Минск, 1993

Савицкая (Туранчик) Лидия Николаевна

28.09.1936, д. Осиновый мост Червеньского р-на. – 3.08.2007, г. Минск

В мае 1944 г. была схвачена фашистами по месту рождения. Ближайшие родственники Туранчик Денис Петрович и Иван Степанович были партизанами. Находилась в трудовом лагере в Марьиной Горке с 16 апреля по мая 1944 г. Получила среднее образование.

Минск, 2007

Савицкий Ростислав Фомич

15.03.1927, д. Мацки Заславльского р-на Минской обл. – 3.08.2007, г. Минск

12 апреля 1943 г. был схвачен со всеми жителями деревни. Отец Савицкий Фома Дмитриевич был партизаном. Находился в лагере возле Франкфурта-на-Майне, в 1944 г. перевезли в д. Мойшайд, что около г. Касселя. В мае 1945 г. освободили американские войска. Получил высшее образование.

Минск, 1993

Сафронова Елена Васильевна

9.11.1931, д. Мархлевка Хойникского р-на Гомельской обл.

В марте 1942 г. была схвачена в д. Кротова Славского р-на Псковской области. Находилась в Германии в г. Ферстервальд. С марта 1942 по май 1945 г. содержалась в концлагере. В 1945 г. была освобождена советскими войсками. Получила средне-специальное образование.

Минск, 1993

Секретов Виктор Алексеевич

8.09.1933, селение Горячий Ключ Краснодарского края

В г. Витебске мы в 1943 г. были схвачены фашистами. В апреле 1944 г. с матерью Екатериной Михайловной (1907 г.р.), сестрой Инной (1930 г.р.) и бабушкой Гранатович Александрой Игнатьевной (1880 г.р.) были вывезены в Пруссию. Попали в г. Кенигсберг. Лагерь располагался рядом с железнодорожным депо. Вот там мы и работали по апрель 1945 г. - нашего освобождения. Образование среднетехническое.

Минск, 1993
Подготовил Кузьма Козак

Сергеева (Веретенникова) Александра Васильевна

19.07.1941, д. Голубовка Кадиевского р-на Ворошиловградской обл. (Украина)

Нашу семью вместе с другими жителями деревни вывезли в г. Кенигсберг на принудительные работы. Вместе с отцом Василием Ивановичем (1915 г.р.) были я и сын Михаил (1944 г.р.). Отец работал у хозяина с 8 августа 1943 г. по день освобождения 25 января 1945 г. Получила среднее образование.

Минск, 2002
Подготовил Кузьма Козак

Середа (Рубахина) Леонида Александровна

10.09.1941, с/х «Большевик» Минского р-на Минской обл. – 3.06.2011, г. Минск

Была вывезена фашистами вместе с мамой Ядвигой Игнатьевной (1911 г.р.) на принудительные работы в г. Гердау с 28 июня 1944 по 28 января 1945 г. Маму в качестве рабочей принял бауэр. Освобождены частями Красной Армии. Закончила 7 классов.

Минск, 2003
Подготовил Кузьма Козак

Сидоров Филипп Карпович

15.02.1928 г., д. Желачевка Горецкого р-на Могилевской обл. – 26.12.2006, г. Минск

В сентябре 1943 г. был схвачен по месту жительства. Находился в Бремене, с октября 1943 г. по май 1945 г. работал на автомобильном заводе «Боргвард». Образование – 10 классов.

Минск, 1993

Синявская (Пасевич) Валентина Иосифовна

12.05.1939, г. Минск

Была схвачена фашистами 28 июня 1944 г. вместе с матерью Марией Семеновной Пасевич и братом Николаем Козловским (1931 г.р.) вывезена в Германию. Содержались в лагере ст. Цигенгальс. Николай выполнял обязанности чернорабочего на железной дороге. Освобождены частями Красной Армией в мае 1945 г. Возвратились домой в августе 1945 г. Имеет среднетехническое образование.

Минск, 1998
Подготовил Кузьма Козак

Слонская (Деденок) Серафима Петровна

05.10.1927, д. Трояновка Борисовского р-на – 29.07.2006, г. Минск

5 августа 1943 г. была схвачена с сестрой. В годы войны работала на сельхозработах в г. Майнц. 11 марта была освобождена американскими войсками. Окончила 7 классов.

Минск, 1998

Слука (Климко) Александра Леонтьевна

22.08. 1920, д. Пасеки Осиповичского р-на Могилевской обл.

Во время карательной операции нашу деревню26 апреля 1944 г. была схвачена и вывезена немцами в Германию. Сначала нас раздели на две части. Тех, кто был связан с партизанами − то в Германию на

принудительные работы, а остальных отпускали. Работала на фабрике. Помню, что 26 апреля 1945 г. освободила Красная Армия. Но сразу домой не попала. Пришлось участвовать в восстановлении железной дороги от Германии до Беларуси. Когда попала домой, а это 10 октября 1945 г., то из Минска пешком пошла в свою деревню. Окончила 3 класса.

Записали Валентина Кострицкая и Лариса Александренко.
Минск, 2011

Слюсарь (Туркова) Вера Матвеевна

26.10.1937, г. Псков (Россия)

Была схвачена фашистами по месту рождения. В партизанском движении не участвовала. Находилась в Литве г. Шауляй на сельхозработах с марта 1943 по май 1944 г. Имеет среднее образование.

Минск, 1993

Соколкова (Филипенко) Валентина Петровна

14.02.1924, д. Запрудье Холопеничского р-на Минской обл.

Была схвачена по месту рождения и с апреля 1944 по 5 мая 1945 г. находилась в Австрии на принудительных работах. Работала у бауэра с 10.06.1942 по 29.04.1945 г. Освобождение встретила в Баварии в г. Лансгут д. Утервахенбах 29 апреля 1945 г. Получила среднее образование.

Минск, 1993

Сорока Леонтий Иванович

6.08.1925, село Дубровное Тупичевского р-на Черниговской обл. (Украина) – 19.09.2007, г. Минск

Был схвачен фашистами в мае 1942 г. Работал на разработках торфа в г. Мепен с 22 мая 1942 г. по май 1945 г. Во время работ четыре недели находился под арестом. Домой вернулся 12 октября 1945 г. Закончил 4 класса.

Минск, 2000
Подготовил Кузьма Козак

Сорокина (Семенюкова) Ксения Ерофеевна

2.02.1925, г. Чугуев Харьковской обл. Украина

Так как я была средней среди трех сестер, то по разнарядке вместе с подружкой в товарном вагоне в 1943 г. была вывезена на принудительные

работы. Привезли в Восточную Пруссию. Из г. Кенигсберга забрали для фермерского хозяйства. Хозяева-бауэры проживали в Люцине, что в пригороде Кенигсберга и были необыкновенными. Он то – белорус, а она – немка. Для работ там находилось много людей: белорусы, русские и поляки. Работала я на поле. Там же приходилось и ночевать. Вставала рано. На ногах такие кандалы. Это деревянная обувь. Тая я ее снимала на поле. Так мне было легче. Было страшно, так мне не раз помогала полячка. Среди нас была старшая, которая контролировала старание в работе. Хозяева же относились неплохо. На праздники, в частности на Рождество, хозяйка делала мне маленькие подарки. Сошьет платьице и говорит «Ксеня, это для тебя» А я ей «Спасибо!». Нам даже выплачивали небольшие деньги. Так вот мы просили немецкого охранника, что бы купил хлеба. Он это делал, но только просил, что бы никому не говорили. Освободили нас солдаты 1-г Белорусского фронта. И вот после двух месяцев меня направили домой. Приехала. Дома родители, сестры - все живы и здоровы Окончила 8 классов.

Минск, 2011
Подготовил Кузьма Козак

Старовойтова (Антоненко) Мария Федотовна
10.10.1926, д. Комаричи Быховского р-на Могилевской обл.

До войны окончила 7 класс. В время войны жила с родителями и помогала им по хозяйству. Самое тяжелое время наступило, когда немцы стали отступать. В конце сорок третьего, в ноябре немцы нас выселили с деревни и погнали в сторону Быхова. Родителей в одну сторону, а таких как я – молодых, в другую. Там отобрали молодых и поселили в полуразрушенной больнице. Родителей поселили в другом месте. Во там каждый день нас гнали в сторону Днепра, заставляли рыть окопы. Конечно было тяжело. Кормили очень плохо.

Так продолжалось до февраля. До февраля 1944. Немцы уже отступали. И в феврале нас согнали на железнодорожную станцию, рассадили по вагонам. Тогда, конечно мы не понимали, что нас собираются везти в Германию. Условия перевозки были ужасные: по пути нас не кормили, а спали мы и вовсе на соломе, разостланной на полу.

Когда нас привезли, поселили в распределительном лагере около Берлина. Там мы проходили карантин: впервые за много дней помылись в бане. Опять же, очень плохо кормили. Через 2 или 3 недели, точно не помню, но потом нас выгнали на плац - построили на продажу.

Приехали купцы или, как мы тогда думали, люди с завода. Мы оказались правы: меня и еще несколько человек купили, увезли в Берлин. Поселили в лагере на территории с колючей проволокой, в бараках. Спали на двухъярусных кроватях. Уже через день повезли на работу, а работали мы на военном заводе, в электроцехе. Туда нас возили на пароходе. Это был лагерь на реке Шпрее. Вот недавно я там была и может быть это будет интересно. Вот снимки. Вот место где я работала.

Условия работы и проживания были ужасные: на пропускном пункте на заводе, нам на целый день давали небольшой кусок хлеба, 200 или 300 грамм. Кроме этого ещё баланду из картофельной очистки и муки. На работе надсмотрщиком над нами была женщина с Украины. Ужасная была женщина... Очень злая и жестокая. Так продолжалось до мая сорок пятого.

Что мне очень запомнилось. Запомнился вой сирен. В 1945 году Берлин бомбили. Нас выгоняли из бараков, загоняли в траншеи. Несколько раз бомбили, когда мы были на заводе. Тогда нас эвакуировали в бомбоубежище. Так вот этот вой сирены, перед бомбёжкой, запомнились на всю жизнь.

Работала я в цехе с паяльником. Там был большой стол и там было олово. Потом меня перевели в цех. Там работала на станке. Там был круг с медной проволокой. И вот с этой проволокой через катушки и надо было получить уже тонкую. Вот этим и занималась. Нас одевали. Водили на склад и отбирали себе одежду. Чувствовала ли холод. Вот я была только одну зиму и может и не почувствовала, что такое холод. Вот так и дождались освобождения.

Контролировали на работе и в лагере администрация, которая лагерное начальство контролировала как шли на работу и с работы. И по бараку была у нас старшая. В бараке сколько было точно не знаю, но в комнате человек 10 из Беларуси и Украины и России. Все молодые. Вот у меня фотография. Тут двое из Беларуси и России, а остальные с Украины. Все женщины. Детей не видела в нашем лагере. Если болели, то например, меня поместили в лазарет. Причина такая. Сыпь появилась на теле и меня положили в лазарет. Дали мазь. Я натерлась я и все прошло.

Вот когда я работала с паяльником у нас была женщина мастер. Возраст 40 лет. Это была очень хорошая женщина. И когда меня перевели в другую смену, ночную смену, то у меня пошла кровь. Я пожаловалась ей. Объяснялась как могла, но она меня понимала и снова меня отправили в первую смену. Сколько в цехе было точно не могу сказать. Может 50. В нашем цеху человек 6 и даже немцы. Симпатичные

немочки работали даже они делись своими обедами. Обычно мы ели суп из брюквы и шпината. Но вот о чем не сказала, единственно привозили к нам пиво. Наверное безалкогольное. Я впервые попробовала пиво. Выходные у нас были. Воскресенье. Тогда мы могли выходить группами. Назначался старший среди нас и время, когда мы могли выйти и прийти. Даже мы выходили за пределы лагеря. Выходили утром и должны вернуться в часам 5. Выходили к лесопарку. Там карусели. Давали нам за работу и марки. Но сколько, не смогу сказать, но купить практически не возможно было. Можно было купить, но только по талонам. На завтрак нам давали хлеб когда мы шли на работу. Но когда мы шли то по кусочку. Вроде бы экономили, но когда приходили на работу, то хлеба и не оставалась. От пристани было недалеко близко. Сейчас она показалась такая узкая, но сейчас я увидела ее широкой.

Вот сейчас я встречалась с историком и в одном лагере который они оставили для потомков можно было увидеть. Мы там остались и мы вспоминали о своем прошлом. Там было несколько женщин, которые работали в то время. Быть в тех местах было очень волнительно.

Воспоминания отражаются. Но такие воспоминания не радужные. Когда мы жили, то правда, никто не умер и не погиб. Несмотря на то, что были бомбежки. Там не далеко был госпиталь и однажды волной даже нас накрыло. Во время тревоги нас подымали старшие по бараку. Если не хочешь, то принудительно отводили или отправляли в бомбоубежища. Это была забота. На работу кроме парохода можно было ездить и трамваем. Ехали с надписью «Ост». Это надо было обязательною. В этом отличие нас от остальных. Да, вот так мы и дождались Победы.

Выживали по разному во время войны. Сначала было и у нас спокойно, но потом появилась партизанщина и стало напряженное время и тяжелое время. У моих родителей и близких никто не погиб. Но 2 дяди по маминой линии погибло. У соседей по разному. Вот у моей соседки муж с войны не вернулся. Но во время оккупации никто не погиб. Было два момента когда партизанские семьи взяли в лагеря. Немцы, пока не эвакуировали к работам не привлекали. Налоги были с каждого двора. Это все было заложено. Но что-то и оставалось. Был староста и он был организатором. Куда это все уходило - не знаю. Когда появились немцы, то они занимали лучшие дома. Все они были в деревенских домах. Сколько их? Не знаю, но не много. В школе правда стоял гарнизон.

Сложность была в том, что по нашей местности проходил фронт. Тут была недалеко нейтральная полоса. И тут погибло много и наших и немцев. Тут был фронт.

Освободили нас советские солдаты. Обратно нас везли тоже на товарниках. Возвращались по разному и на открытых платформах. Везли до Бреста. Вот в Бресте прошли проверку.

Наши люди спрашивали где вы были, где работали. Там мы целую неделю проходили проверку, а потом своим ходом добирались домой. Добирались кто как мог. Приехали, а деревня наполовину была сожжена. Хата сгорела и соседские. В деревне сгорела половина, даже больше. Но несколько домов осталось. Мы жили у дяди. Я то не дождалась пока родители ее построят. Вот мой друг вернулся из армии, то мы в 1948 г. поженились и я поехала в Минск.

Девочки, которые были вывезены и были со мной, они все вернулись. В основном не вернулись мужчины, особенно которые пошли на фронт. Это было тяжелое время и память осталась в тяжелых воспоминаниях. Это было тяжелое время. Думала все время о доме. Но писать не могла. Никто не писал. Я знала, что мои родители были эвакуированы с деревни. Когда приехали, то меня тоже спрашивали - вы радовались когда освободили? Говорила - да, мы радовались. Но никто нам не предлагал остаться здесь в Германии. Но когда наши освободили, то предлагали остаться и работать вместе с солдатами в госпитале. Но я отказалась я говорила что хочу домой.

Да, натерпелись мы всего: и горести, и страха, и боли. Не дай Бог вам, молодым, такого.

Минск, 2010
Подготовил Кузьма Козак

Стрига (Леванович) Елена Захаровна
13.12.1925, д. Бухновичи Лагойского р-на Минской обл.

Перевезли нас в Логойск и мы там ночевали на кладбище. Погрузили нас в телятники, где народу столько собрали, что можно было только стоять. Не помню в какой город попала, но это был лагерь. Затем взял нас бауэр и я доила коров вместе с немкой. После освобождения Красной Армией мне пришлось задержаться до лета 1947 г. В новые обязанности входило: собрать скот для отправки в Россию. Вместе с ними меня и отправили домой. Выгрузили в Минске.

Записала Валентина Кострицкая.

Минск, 2011

Струков Евгений Максимович

14.08.1926, д. Добрая Горецкого р-на Могилевской обл. – 18.12.2006, г. Минск

В январе 1944 г. был схвачен в Горецком районе и вывезен в Австрию в г. Грац. В мае 1945 г. был освобожден советскими войсками. Закончил 7 классов.

Минск, 1998

Сычева (Мазаник) Валентина Даниловна

22.03.1927, д. Копейно Руденского р-на Минской обл. – 25.07.2008, г.Минск

27 февраля 1943 г. была схвачена фашистами и вывезена в Руденск. Затем на принудительные работы в Германию. Попала в г. Старгард и там находилась два месяца. Затем до октября 1944 г. в д. Касхаген, что в области Затцихпом. Далее – Дрезден, Штецин, Яблонец. Была передана немецкому помещику и работала на сельхозработах. Освободила Красная Армия 25 января 1945 г. До июня 1946 г. работала при военной части, а на Родину возвратилась 7 июля 1946 г.

Минск, 2001
Подготовил Кузьма Козак

Сычик Василий Андреевич

14.06.1937, д. Здитово Березовского р-на Брестской обл.

В начале апреля 1944 г. семья в составе: отца - Андрея Антоновича, мамы – Елены Николаевной, сестер – Анны, Веры, братьев – Николая и Василия были угнаны на принудительные работы в Германию.
Имеет высшее образование. Доктор, профессор технических наук, академик НАНБ.

Минск, 2004
Подготовил Кузьма Козак

Тишкевич (Подсадник) Нина Федоровна

23.07.1940, д. Рябчики Ветринского р-на Витебской обл. (д. Вабчинки Полоцкого р-на Витебской обл.)

6 мая 1944 г. в принудительном порядке была вывезена в Германию вместе с семьей. Находилась в г. Трассенгбрацен в лагере, статус лагеря не указан. Была освобождена Красной Армией в 1945 г., дата и месяц освобождения не указаны. Окончила 7 классов.

Минск, 2001

Точилин Валентин Михайлович

13.10 1925, г. Минск – 19.04.2007, г. Минск

Когда, началась война Валентин находился в Минске в детском доме. Это не стало гарантом его безопасности. В июле 1942 г. он был насильно захвачен и вместе с ребятами из детского дома был вывезен в Германию. Вначале был в концлагере, а затем был переведен на хозяйственные работы в Майнц-Битовсхайм. Был освобожден 15 марта 1945 г. в д. Дорндирхайм. В июне 1945 г. был переведен в советскую зону оккупации, а октябре 1945 г. прибыл в Минск.

Туник (Ароцкер) Роза Борисовна

15.04.1925, г. Минск

С момента создания Минского гетто с июля 1941 г. по май 1943 г. вместе с отцом находилась там. 3 мая 1943 г. ушли в партизанский еврейский отряд № 106. Образование высшее. Проживает в США.

Минск, 1993

Тюхлова (Сутяжець) Александра Фомовна

25.01.1925, д. Великие Мацевичи Каменецкого р-на Подольской обл. (Россия) – 14.02.2003, г. Минск

Была схвачена по месту рождения в октябре 1942 г. Находилась в г. Ольдендорф, Байлюге Ибер-Амеленхаузен крайс Люнебург. После отбора 19 октября привезла на хозяйство сестры фрау Альма Пельман. Мое состояние было ужасным. Истощение, болезнь тифом. Когда меня забрали в таком состоянии, то мама не выдержав напряжения через две недели умерла. Попав к хозяйке я попробовала объясниться о болезни, так поле 9 классов учебы я все же немного знала немецкий язык. Так меня оставили, хотя как я понимаю, могли отправить назад. Что был бы – неизвестно. Она для меня была как мать. Оберегала, не обижала, кормила и одевала. Работал на таких работах как дойка коров, кормление свиней, уборка в поле. Кроме меня работали 3 пленных француза, инвалид немец и молоденькая немка Ильзе. У хозяйки еще была двухлетняя дочь Трауде. Я за ней присматривала, что мне не составляло труда. Была освобождена английскими войсками в мае 1945 г. французы, забрав трактор уехали к себе на родину. Я перед отправкой сначала попала на пересыльной пункт. В итоге моего образования остались 9 довоенных классов.

Минск, 1994

Фираго Николай Григорьевич

27.01.1936, д. Богатырево Минского р-на

В май − июне 1943 г. был схвачен в д. Волоки Бегомельского района. Отец – Фираго Григорий Илларионович. С июня 1943 по апрель 1945 г. находился в Рурском бассейне в г. Эссен, Веттен, Аахен, Дартман. В апреле 1945 г. был освобожден американскими войсками.

Минск, 1992

Харченко (Воробьева) Таиса Ивановна

26.03.1937, г. Горки Могилевской обл.

22 декабря 1943 г. участвовала в партизанском отряде. До 23.04.1945 г. находилась в Германии, г. Гредиц, находилась в концентрационном лагере под стражей за колючей проволокой под током, потом работала уборщицей на военном заводе. 23 апреля 1945 г. была освобождена советскими войсками. Получила среднее образование.

Минск, 10.04.1999 г.
Подготовила Оксана Янкович

Хлапков Александр Васильевич

06.03.1928, д. Задручье Рогачевского р-на Гомельской обл. – 26.10.2010, г. Минск

Был схвачен по месту рождения. Находился в концлагере Озаричи (февраль − март 1944 г.). Закончил 5 классов.

Минск, 1997

Хмызников Владимир Степанович

07.11.1935 г., д. Хоменки Суражского р-на Витебской обл. – 14.07.2009, г. Минск

В мае 1943 г. был схвачен по месту рождения фашистами. Находился в Польше, г. Люблин, г. Лодзь, по апрель 1945 г. После освобождения войсками Красной Армии был отправлен в Саратовскую обл. в г. Пугачев. Получил среднее техническое образование.

Минск, 09.02.2000

Ходоренко (Сорочинская) Майя Ивановна

01.02.1931, д. Большие Роги Жлобинского р-на Гомельской обл.

4 марта была схвачена по месту рождения, отец – Сорочинский Иван Митрофанович. Находилась в лагере Озаричи с 4–19 марта. После освобождения в детских домах не воспитывалась. Закончила 7 классов.

Минск, 2010

Ходоренко Майя Ивановна

01.02.1931, г. Жлобин

4 марта 1944 г. была схвачена вместе с матерью, 4 сестрами и братом. Находилась в концлагере Озаричи по 19 марта. Помню, когда пришли наши солдаты. Это было освобождение. Все начали бежать. Начались взрывы. Все было заминировано. Территория лагеря оказалось была заминирована. Много людей погибло. Солдаты разминировали небольшой проход, по которому нам пришлось с большой осторожностью идти. Привели нас в Василевичи. Расселил по хатам. С Василевичей мы самостоятельно добирались домой. Окончила 7 классов.

Записала Валентина Кострицкая.
Минск, 2011

Хорова (Савицкая) Галина Фоминична

18.08.1929, д. Мацки Заславского р-на Минской обл.

12 апреля 1943 г. была схвачен по месту рождения. Отец Фома Дмитриевич Савицкий был связным в партизанах. С 12 апреля 1943 г. по 3 апреля 1945 г. находилась в Германии. 13 апреля 1945 г. была освобождена американскими войсками.

Минск, 2002

Хороненко Павел Фадеевич

1.02.1918, г. Гомель – 7.12.2003, г.Минск

Как солдат красной Армии сражался с первых дней, попал в окружении и был пленен. С 15 июля 1941 г. по 22 февраля 1944 г. переведен в Грац (Австрия), затем перемещен в концлагеря и тюрьмы Маутхаузена и Ебензее. Освобожден 6 мая 1945 г. американскими войсками. С июня по 7 декабря проходил службу в Красной Армии.

Минск, 2011

Худякова (Исакова) Вера Ивановна

28.08.1932, д. Донец Уторгонского р-на Новгородской обл. (Россия)

Была схвачена фашистами по месту рождения. Братья Виктор Иванович (1932 г.р.), Роман Иванович (1925 г.р.) находились в партизанском отряде. Пребывали вместе в Латвии, Восточной Пруссии и г. Арнсвальд. В апреле 1945 г. была освобождена советскими войсками. Окончила 8 классов.

Минск, 1997

Черникова (Семашко) Валентина Митрофановна

17.05.1933, д. Бабичи Оршанского р-на Витебской обл. – 24.04.2008, г. Минск

Их семья состояла из семи человек. Мать умерла, когда ей было всего два года, поэтому жила она с мачехой. С началом войны отец Валентины Митрофановны Степан Васильевич Семашко ушел на фронт, и больше никаких известий о нем не было.

В 1943 г. услышав отдаленные звуки выстрелов и взрывов, стало понятно, что фронт становится все ближе и ближе. И поэтому немецкие власти принимают решения перевезти людей на территорию Германии. И уже в декабре этого же года Валентину с ее семьей и многих других людей на товарном поезде отправляют в Германию. Через четверо суток они были на месте. Это было 12 декабря 1943 г. Стояла холодная погода. Люди, одетые в то, что успели с собой захватить, два часа стояли под проливным дождем. В результате чего все грудные дети заболели корью. Затем через некоторое время их посадили в грузовые машины и повезли в лагерь. Как выяснилось позже, их везли в лагерь "Орьента", который находился в городе Дуйсбург. Лагерь представлял собой огороженную забором территорию с двумя бараками.

Условия проживания в лагере были очень тяжелые: спали на четырехъярусных кроватях, кормили очень плохо всего два раза в день. На завтрак давали кусок серого хлеба с маргарином, а на обед щи, в которых помимо кислой капусты были черви. Люди страдали от голода. А у Валентины помимо всего этого заболела маленькая сестра, которой было всего три года. И для того чтобы ее спасти Валентина стала убегать из лагеря в город, где она и еще несколько детей просили милостыню. Но не смотря на все ее старания маленькую сестренку спасти не удалось. Но делать уже было нечего, требовалось выживать дальше и с потерей сестры пришлось смириться.

Еще одной проблемой для пленных были воздушные бомбежки американцев, от которых необходимо было где-то укрываться. В таком напряжении Валентина и ее семья и другие люди жили полтора года. Начался

март. Немцы разработали простой, но в тоже время хладнокровный план. Они собрали всех военнопленных города и заставили их ходить по длинной кольцевой дороге, рассчитывая на то, что люди погибнут сами от изнурительной, постоянной ходьбы. Но через несколько дней люди, услышав странные грохочущие звуки, бросились на их источник. Перед ними показались танки и другая американская техника, а затем и пехота. Пришло долгожданное освобождение. Всех пленных перевезли на аэродром, где они жили еще месяц. После чего 12 апреля 1945 г. их перекинули на русскую зону, которая находилась на другую сторону реки Эльбы. И, наконец, наступил долгожданный момент возвращения на Родину в Беларусь. Но возвращение сильно не обрадовало: жить было негде, дома были разрушены, все домашние животные украдены. Однако положение изменилось к лучшему.

Черяк (Яцкова) Эмма Петровна

20.04.1938, пос. Суземка Брянской обл. (Россия)

Наша семья мама Прасковья Петровна, отец Петр Денисович, брат Михаил (6.08.1941) и бабушка Лукерья Тимофеевна. Отца призвали на фронт в Красную Армию. Первые дни войны встретили бомбардировками. Прятавшиеся в амбаре были немцами расстреляны. Наша зона партизанская. Брат мамы был в партизанах. Приходилось прятаться. Лес был напичкан как немцами, так и партизанами. Корова с нами, так мы ее отдали партизанам. В итоге такой жизни все жители нашего хутора, а это человек пятьсот - погибли. В таких условиях окружили прятавшихся в лесу, выгнали на дорогу и погнали в Локоть. Мы с мамой, братом и бабушкой вместе. Пешком, а потом в вагонах. Нас бомбили. Немцы даже подбили самолет. Пилот раненный. Он просил подошедших достать пистолет. Женщины помогли. Он перед тем как его окружат немцы, убил себя.

Нас всех разместили в здании комплекса бывшей конюшни. Нас было много. Передвижения ограничены. Душно, нет туалета. Женщин заставили раздеться, что бы они приняли душ. Я в это попыталась выйти на улицу, но окрик остановил. Пришлось вернуться. Строения были ветхими, что при переходе я провалилась в какую-то яму и чуть не погибла. Жидкость подступает к горлу. Спасли два молодых немецких солдата. Даже помню их сейчас. Принесли меня к душевым, там нашу маму. В таком положении при трех попытках расстрела мы находились в Локотске сентябрь 1943 г. Там же встретила освобождение. Отец оказался среди тех, кто пропал без вести, а наши пытки найти его следы, казались безуспешными.

Получила высшее экономическое образование.

Минск, 2000

Чижонок Евгения Александровна

29.04.1929,

Была схвачена фашистами и находилась в концлагере в Бобруйске с февраля по март 1944 г. Освобождение встретила в г. Бобруйске в мае 1945 г. Получила высшее экономическое образование.

Минск,

См.: Штрайт К. *«Они нам не товарищи...» С. 165.*

Шанина (Русилко) Регина Станиславовна

30.10.1939, д. Новая Руда Скидельского р-на Гродненской обл.

Была схвачена фашистами в феврале 1943 г. по месту рождения. Вместе с родителями находилась в д. Новая Руда с 23.02.1943 по 1945 гг. на принудительных работах в г. Оттобург. Получила средне-специальное образование по специальности техник почтовой связи.

Минск, 1992

Шевчук (Журавлева) Лилия Парфеновна

14.09.1939, г. Рогачев Гомельской обл.

Находилась в концлагере Озарачи. Освобождение встретила в д. Новоселки Рогачевского района. Получила среднее техническое образование.

Минск, 2002

Шибайло Сергей Федрович

08.08.1940, г. Лунинец Брестской обл.

Был схвачен в октябре 1943 г. вместе с отцом Федором Тарасовичем (1904 г.р.), мамой Клавдией Иосифовной (1908 г.р.) сестрой Людмилой (1933 г.р.) и насильно вывезен в Германию. Освободили американские войска и в сентябре 1945 г. все семейство вернулось домой.

Записала Лариса Александренко.

Минск, 2011

Школьникова (Горохова) Валентина Парфенова

5.04. 1937, д. Хрюково Дорогобужского р-на Смоленской обл.

Как вспомнить все я не знаю и, поэтому то, что помню Мой папа работал председателем сельского Совета, а мама на колхозной ферме.

Иногда я вспоминаю, что иду по двору нашего дома и плачу. Иду жаловаться маме, что меня обидели старшие братья, плачу еще громче, когда за язык меня укусила пчела.

Когда началась Великая Отечественная война – папа в 1941 г. ушел на фронт. В августе 1944 г. он погиб (о чем я узнала намного позже).

Помню, что однажды я проснулась на печи и очень испугалась − в доме были немцы. Чтобы я не кричала, мама закрыла мне рот рукой.

Весной 1943 немцы насильственно вывезли меня с мамой и братьями в концлагерь в городе Молодечно (Шталаг № 342).

Вспоминаю товарный вагон с колючей проволокой на окнах. Очень хочется посмотреть, что там за окном, какая она Белая Русь. Я потянулась к окошку, но упала и разбила нос.

В Молодечно в концлагере (Шталаг № 342) нас разместили в дощатых бараках, неприспособленных для жилья, не имеющих окон, ни потолков, не печей. Спали мы на нарах, на соломе. Кормили нас один раз в сутки, а иногда и вообще не кормили. Вокруг лагеря была натянута колючая проволока в два ряда и стояли сторожевые вышки, на которых дежурили немцы. Мы все время испытывали страх. Мы, дети, знали, что приближаться к колючей проволоке нельзя − будут стрелять. Помню, как убили женщину, когда она зачем-то направлялась к ограде, а у нее остались две девочки.

Маму выгоняли на работу, а я плакала − боялась, что она не вернется. Когда я в очередной раз заболела, меня прятали в углу верхних нар. Но меня нашли и поместили в больничный барак, но, что там со мной было, я не помню. С тех пор я всю жизнь страдаю отсутствием иммунитета. Как мне сказала одна наша врач у меня плохой костный мозг. Осенью 1943 г. нас (маму с детьми) перевели в местечко Раевка Молодеченской обл., где мама под охраной немцев работала в хозяйстве картонной фабрики.

Зимой с 1943 на 1944 г. мою маму убили немцы выстрелом в голову, я помню всю жизнь − не могу забыть ее окровавленную. Где ее похоронили, мы не знаем. После смерти мамы нас осталось четверо детей, старшему было 11, младшему 3 года, мне 6 лет, а среднему 9 лет.

После смерти, мамы я с братьями попала в детский дом в местечке Илия Молодеченской области. Он в основном состоял из детей, которых

не успели эвакуировать, и которым не было куда идти. Нас разместили в большой комнате, и спали мы на одной кровати по два человека. Кормили нас плохо, иногда на ужин нам давали по горсти свежего гороха. Мой младший брат постоянно плакал − гороха ему доставалось мало, какие горсти у трехлетнего ребенка, да еще и с растопыренными пальцами. Иногда нас вообще не кормили. Еще у нас на всех детей были одни валенки, и кто-нибудь из старших детей бегал на кухню немецких солдат, что, бы успеть раньше бездомных собак и принести нам выброшенные кости. По вечерам света в доме не было/ и мы в темноте тихонько пели песни довоенного времени.

Все мы ждали освобождения от немецко-фашистских захватчиков и очень радовались, когда это случилось в июле 1944 г. Летом 1944 г. после освобождения от захватчиков, детский дом. в котором я находилась, переехал в местечко Вязань Молодеченской области. Осенью этого же года я поступила в первый класс Вязаньской средней школы. В школе не было тетрадей, и мы писали на старых оберточных бумагах кусочками карандашей.

В этом 1944 (среди учебного года) я заболела, и меня направили в г. Вилейка в больницу, где я пробыла около трех месяцев и после выздоровления вернулась в детский дом. Старшего брата из детского дома в возрасте тринадцати лет отправили в ФЗО, после которого он работал на стройке. В мае 1947 г. наш детский дом переехал в местечко Годынаны, где я продолжала заниматься в местной школе. Все лето мы занимались заготовкой сена, пилили дрова, жали рожь, пололи огород. В группе я была самой младшей и поэтому выполняла подсобные работы.

В нашем детском доме была создана комсомольская организация и меня в 1950 г. приняли в комсомол. В 1951 г. после окончания семи классов Годынанской средней школы, я поступила в минский политехникум на строительное отделение. В нашей группе будущих строителей учились дружные ребята, которые все были старше меня, и я помню, как они мне помогали во всем в мои 14 лет после выхода из детского дома.

После окончания в 1955 г. Минского политехникума, меня направили на работу в институт «Белгоспроект». В 1958 поступила в белорусский институт инженеров железнодорожного транспорта на заочное отделение.

Минск,

Шпарло (Шкроп) Лидия Петровна

1.10.1935, д. Попелево, Шерошевского р-на, Брестской обл.

В 1942–1943 гг. вместе с мамой, братом и сестрой забрали в лагерь. Находилась в г. Шнойзберг (Германия). К сожалению, не помнит, где содержалась. В 1945 г. была освобождена русской разведкой. Кончила 8 классов.

Минск, 2009

Шпенькова (Коледянко) Валентина Алексеевна

10.02.1942, д. Комсомолец Минской обл.

В 1944 г. была схвачена фашистами и находилась в Германии. В 1945 г. была освобождена войсками Красной Армии. Имеет среднее техническое образование.

Минск, 2010

Шумович Сергей Васильевич

1.04.1929, д. Хрищеновичи Ивацевичского р-на Брестской обл.

Деревня находилась в партизанской зоне. Все родственники, в т.ч. отец, мать и брат участвовали в партизанском движении. Сам Сергей Шумович был связным. Однажды, выполняя задание, он находился в соседней деревне, но 23 марта 1943 г. и был схвачен полицаями. Под жестокими допросами он провел две недели, потом был отправлен в тюрьму в Слонима. Там в бесконечных допросах и пытках он пробыл до июня. Видимо, видя, что не добьются ничего от белорусского партизана, немцы отправляют его в концентрационный лагерь Колдычево, что около Баранович. Нечеловеческие условия, холод, голод, пытки и издевательства уже стали привычными. На спасение оставалось мало надежд.

В 1944 г. немцы, почувствовав приближающуюся грозу с востока, еще остававшихся в живых пленных начали вывозить в другие лагеря для уничтожения. Путь для Сергея Шумовича – Асвенцим. Там он получил метку-номер. Пробыл недолго. Через несколько месяцев его вывозят в Маутхаузен.

Там его освободили американцы (5 мая). В советской зоне, получив обмундирование, принят в ряды действующей армии. Участвовал в завершающих военных действиях.

После приказа об увольнении бывших военнопленных был эшелон, битком забитые вагоны, дорога, знакомые станции и... дом...

Щурик Николай Игнатьевич

15.05.1940, д. 1-я Слободка Копаткевичского р-на Полесской обл.

В январе 1944 г. был схвачен по месту рождения. С января 1944 г. находился в концлагере «Лерта» и далее до мая 1945 г. на ферме в 40 км. от Гамбурга. Был освобожден армией США. Получил высшее образование.

Минск, 1993

Южанина (Крук) Екатерина Зиновьевна

18.11.1924, д. Пережир Пуховичского р-на Минской обл.

Отец Зеновий Пархимович умер еще в 1932 г. Осталась мама Анна Петрова с тремя детьми: я, сестра Нина, Когда в д. Зазерье в 1943 г. убили зондерфюрера, то немцы сожгли д. Рыбцы. Так как и Хатынь. В сожгли и нашу деревню. Осталось только три целых дома. Так как рядом были соседи партизаны, то возможно сожгли и наш дом. Пришлось как погорельцам работать на земляных работах. Давали хоть какое-то питание. Сестра Нина вместе с соседом Валентином Князиком помогали партизанам (он стал партизаном отряда им. Калинина, а после войны они поженились и жили счастливо). Мама также готовила для них еду. Один раз ей пришлось вывезти в деревню Залесье раненого партизана. Завернула она его в одежды и на постах говорила, что болен тифом. Привезла она в деревню, а там немцы. Так местные жители знали этого партизана Сашку Черного, так они что бы отвлечь стали приносить немцам продукты. Во время карательной операции всех, кто работал 26 марта 1943 г. в д. Зазерье нас с мамой схватили и вывезли в товарных вагонах на принудительные работы. Находилась в г. Регенсбург, а оттуда в д. Кальмюнц. Это в Баварии. Бауэр Михэль Шперл и его жена Тереза имели 5 км угодий. Их то и надо было обрабатывать. У них работал еще поляк. Нам выделили отдельную комнату, но без электрического освещения. Дали нашивки. Поляки носили с буквой «Р», а мы «Ост». Работала в доме как прислуга. Думаю, что мне с хозяевами повезло. Я даже помогала обучать маленького их сына Михэля , который пошел в первый класс. Это наверное потому, что у меня была очень хорошая учительница немецкого языка по фамилии Рудковская. Мама, ей как не имеющей коровы, заворачивала масло в лист капусты, а я приносила ей. Мы с ней и подружились.

Вот еще несколько историй о хозяевах. Я попа вместе с землячкой Синявской Марией Ивановной из соседней деревни Токарная. Она была

маленькая и ее никто не брал. Так мой хозяин искал место, что она была рядом со мной. Однажды она мне сообщила, что очень тяжело и хочет бежать вместе с парнями. Я же возразила. Для девушки это очень опасное мероприятие. Она, слава Богу послушалась. Вот когда я потеряла сознание, то они пригласили врача. Слышала как они говорили «Нах хаузе». Я то думала, что опять в лагерь. Врач рекомендовал им дать яйцо всмятку и чай. Они так и сделали. А я утром им и говорю, что «Их арбайте вайтер». Еще один пленный француз иногда приносил кусочек хлеба. Еще сестра хозяйки из Мюнхена приновила свои платья, а я их перешивала и одевалась. Так и выживали. Но всегда страх оставался. Особенно, когда ходила на очистку леса видела я и наших военнопленных, которых гнали как скот. Те которые падали закапывали. От них только руки и ноги торчали.

Освободили американцы. Перевезли нас австрийский город Шремс. Там в мае-июле сборно-пересыльном пункте № 128 прошла фильтрацию. Там же просили помочь раненым и больным. Вот я и сталась еще на два месяца. 10 августа 1945 г. нас посадили на поезд и отправили в г. Львов. Здесь остановились, но дальше нам никто не помогал. Сели на платформу с машинами. Вот тут один офицер сначала проявил внимание, а потом пытался проявить насилие. Слава Богу, я была сильной и сильнее. Вот так.

По приезду узнала, что мама умерла от удара приклада винтовки литовского солдата. Так как дом был сожжен, то мама переселись в небольшую бревенчатую кладовку. Немцы же отступая хотели бревна использовать для своих целей, а мама кричала, что ей негде будет жить. Вот за это ее и ударили. Она долго лежала без сознания и потеряла много крови. От этого 26 марта 1945 г. она и умерла.

Я же окончила 7 классов, но смогла закончить курсы медсестер.

На справке Управление комитета государственной безопасности по Минской области, досланной от 29 августа 1991 г. в адрес Е.З. Южаниной имеется рукописная запись «Я благодарна органам УКГБ. Что они работали и все регистрировали всю войну». (Прим.- К.К.).

Минск, 2011
Подготовил Кузьма Козак

Янович (Латышева) Валентина Дмитриевна

25.08.1935, г. Минск

В начале войны наша семья: отец Дмитрий Антонович, мамам Полина Адамовна и трое детей я, Тамара (1937) и Виталий (1939) проживали в г. Ломже (14 км от немецкой границы, что недалеко от Белостока). Мне было тогда почти 6 лет. Мой отец был майором (ветврач 2-го ранга). Только он вернулся домой на обед с совещания − прозвучал сигнал тревоги, и ему пришлось бежать обратно. Больше я его не видела, «пропал без вести». Скорее всего, погиб. Началась война, наехали немецкие танки, а нас с матерью и младшими погрузили и вывезли в Минск.

В 1943 г. из Минска немцы вывезли нас на товарном поезде в немецкий город Гомь (Гоме). Оттуда на набитых людьми машинах в первый лагерь. Потом всем лагерем ездили с одного места (Лицманштадт) на другое - Бергцаберн. Последний лагерь в Фиссене был далеко, в глубинке. Он был размером как Червенский рынок, находился возле скал, речки. Это было хозяйство фермеров − «бауэров», которые выращивали кукурузу. Нам, детям, хотелось сорвать, но боялись. Сам лагерь был окружен колючей проволокой под электричеством. Вокруг него ходили патрули с овчарками. Хотели еще слазить в горы, поискать что-нибудь съедобное, сделать подкоп под забор, но было страшно.

Жили в бараках, в комнате на 10 человек. С нами жили старики и дети. Было много больных, умирающих. Мама не работала¸ так как болела астмой. Так как детей на работы не привлекали, то мы бегали босые, ловили майских жуков. Кормили маринованным чесноком, турнепсом, улитками (черненькие такие). Один раз кто-то дал три вареные картошины с шелухой, но мама почти все отдавала нам. Очень голодали. В поисках еды сестра отравилась ягодами акации, чуть не умерла. На работу (сбор хмеля) брали мужчин, женщин. За полную корзину давали 50 пфеннигов. Еды, конечно, в концлагере не продавали, но вроде какой-то напиток (газировку) можно было купить. Мы ее хотели, но у нас не было денег. Меня, видимо, полюбила медсестра, молоденькая немка, и давала какого-то компота, сока.

Я не знаю, проводили ли в этом лагере опыты, брали ли кровь у доноров? Рассказывали, что несколько раз немцы подкладывали мины и хотели взорвать, но кто-то их обнаруживал и разминировал.

Нас освободили американцы, в 1945 г. Перед их приходом немцы собрались и быстро покинули лагерь. Я помню, как американцы ехали к лагерю по дороге между скал. Причем в каждой машине: что ни шофер − то негр, а сами солдаты − белые. Все ехали, свесив ноги с машин. Сразу после освобождения всех собрали на поляне, развернули полевую кухню, стали кормить, давали суп гороховый, белый хлеб, кашу.

Потом было обычное разбирательство, сидели советский офицер и американец, спрашивали, куда везти: в Америку или на Родину. Мать сказала: «Откуда взяли, туда и везите». Мы думали, может, отец жив, хотели его найти. Потом узнали, что он пропал без вести. Так мы на поезде вернулись в Минск, где и остались жить. В комсомол пробовала вступить, но мне отказали. Так вот пришлось закончить только 8 классов.

Минск, 2010
Записано учащимися СШ № 47 г. Минска

Ярмолович Владимир Матвеевич

27.03.1937, д. Пережери Воложинского р-на Минской обл. – 26.09.2007, г. Минск

В 1943 г. деревню захватили немцы. Половину жителей деревни захватили и вывезли на принудительные работы в Германию, в том числе и Владимира с его родителями и младшей сестрой Ниной (1933 г.р.). В Германии они попали в г. Штакен, где два года родители работали на заводе. Владимир был с сестрой Ниной. Освободила Советская Армия.

Список членов Ленинской районной организации Белорусской ассоциации бывших несовершеннолетних узников фашизма

	Ф. И. О.	*адрес*	*дата рожд.*
1.	Абакунчик Евгения Ивановна	220095, ул. Якубова, 66–3–100	15.05.1924
2.	Автушкова Антонина Николаевна	220101, пр-т Рокоссовского, 114–135	12.05.1936
3.	Автюхович Евгения Васильевна	220085, пр-т Рокоссовского, 87–53	11.06.1927
4.	Акуленок Александр Николаевич	221101, ул. Плеханова, 101–36	15.01.1943
5.	Акулич Семен Андреевич	221085, пр-т Рокоссовского, 145–358	08.08.1934
6.	Александрович Тамара Викторовна	220094, пр-т Рокоссовского, 19–3	09.02.1936
7.	Амосова Мария Тимофеевна	221095, ул. Плеханова, 56–2–284	02.05.1937
8.	Ананич Анастасия Евгеньевна	220101, пр-т Рокоссовского, 104–39	04.04.1931
9.	Андросик Ядвига Александровна	220101, пр-т Рокоссовского, 106–26	05.06.1937
10.	Аношко Казимир Людвигович	220101, пр-т Рокоссовского, 114–159	01.05.1924
11.	Антилевская Валентина Павловна	221095, пр-т Рокоссовского, 50–28	19.08.1934
12.	Антоневич Вера Дмитриевна	221085, ул. Плеханова, 63–68	27.02.1927
13.	Антонов Владимир Филиппович	220094, пр-т Рокоссовского, 43–7	10.05.1926
14.	Артюшевский Михаил Павлович	220094, пр-т Рокоссовского, 12–1–770	22.10.1925
15.	Астапенкова Елена Платоновна	220101, пр-т Рокоссовского, 84–11	07.01.1935
16.	Афанасьева Вера Иосифовна	220094, пр-т Рокоссовского, 19–54	30.05.1926
17.	Балабкина Татьяна Ивановна	220085, ул. Плеханова, 81–29	24.04.1925
18.	Баранова Варвара Арсентьева	220094, пр-т Рокоссовского, 55–131	18.05.1922
19.	Барановская Ванда Адамовна	220094, ул. Горовца, 2–187	20.05.1929
20.	Баркова Мария Тимофеевна	220085, пр-т Рокоссовского, 85–184	22.01.1921
21.	Барченко Алла Яковлевна	220094, пр-т Рокоссовского, 77–423	09.04.1937
22.	Басалай Тамара Васильевна	221094, пр-т Рокоссовского, 69–20	26.07.1928
23.	Бедулина Любовь Ивановна	221085, ул. Плеханова, 71–327	16.05.1927
24.	Беззубов Анатолий Иванович	220101, пр-т Рокоссовского, 110–86	03.02.1936
25.	Белохвостик Полина Васильевна	220094, пр-т Рокоссовского, 4–1–319	15.02.1924
26.	Белый Евгений Владимирович	220085, пр-т Рокоссовского, 87–112	18.05.1932
27.	Бельская Вера Михайловна	220095, ул. Плеханова, 56–3–108	30.07.1934
28.	Бирюкова Екатерина Прохоровна	220094, пр-т Рокоссовского, 12–1–360	18.07.1926
29.	Бобкова Ольга Павловна	220095, пр-т Рокоссовского, 50–154	04.04.1929
30.	Бондарик Александр Федорович	221085, ул. Плеханова, 85–137	06.10.1939
31.	Бондарик Елена Ивановна	221085, ул. Плеханова, 85–137	17.07.1940
32.	Борисик Зинаида Иосифовна	220101, пр-т Рокоссовского, 98–105	12.01.1926
33.	Боровой Евгений Алексеевич	221094, пр-т Рокоссовского, 55–65	10.02.1936
34.	Борода Павел Кузьмич	220101, пр-т Рокоссовского, 84–271	11.03.1925
35.	Бородич Алефтина Сергеевна	220095, ул. Плеханова, 52–1–51	24.07.1926
36.	Борщевская Анна Адамовна	220094, ул. Плеханова, 28–2–18	30.03.1933
37.	Бражевский Станислав Феликсович	221101, ул. Якубова, 30–237	26.04.1923
38.	Бровкин Александр Федорович	220101, пр-т Рокоссовского, 106–78	10.06.1937
39.	Бублис Мария Антоновна	221094, пр-т Рокоссовского, 12–1–557	26.07.1927
40.	Бураковский Георгий Иванович	221094, пр-т Рокоссовского, 12–1–511	01.06.1934
41.	Бутько Надежда Потаповна	220101, пр-т Рокоссовского, 84–267	18.01.1922
42.	Васильцова Анна Леонтьевна	220094, пр-т Рокоссовского, 12–1–580	13.10.1924
43.	Вашкевич Викентий Антонович	220095, пр-т Рокоссовского, 50–117	05.01.1929
44.	Вашко Анатолий Владимирович	221085, пр-т Рокоссовского, 101–11	22.05.1930
45.	Вересковская Александра	221101, пр-т Рокоссовского, 110–115	20.04.1938
	Владимировна	221101, пр-т Рокоссовского, 170–286	28.08.1941
46.	Виниченко Жанна Михайловна	221101, пр-т Рокоссовского, 152–45	10.10.1939
47.	Вихрова Галина Павловна	220101, пр-т Рокоссовского, 154–30	07.05.1928

48.	Господарик Татьяна Стефановна	220101, пр-т Рокоссовского,156–174	10.12.1925
49.	Граблевский Мечислав Иванович	220101, Малявки, 51–1	01.11.1925
50.	Камоцкая Мария Николаевна	220094, ул. Плеханова, 40–53	28.04.1924
51.	Летецкий Гвидон Степанович	221095, ул. Плеханова, 111–134	06.06.1925
52.	Литвиненко Василий Григорьевич	220094, пр-т Рокоссовского, 15–57	10.11.1923
53.	Ложкина Анна Александровна	220085, ул. Плеханова, 69–69	20.09.1933
54.	Ломако Федор Савельевич	221095, пр-т Рокоссовского, 40–1	03.06.1937
55.	Лубко Евгения Павловна	221095, пр-т Рокоссовского, 60-1-102	20.07.1938
56.	Лыч Нина Антоновна	220085, пр-т Рокоссовского, 153-104	23.02.1944
57.	Ляпина Лариса Александровна	220095, пр-т Рокоссовского, 50-85	20.07.1931
58.	Максимович Галина Антоновна	220101, ул. Плеханова, 103–64	11.08.1932
59.	Максимович Мария Ивановна	220112, ул. Шпилевского, 55–85	15.05.1932
60.	Матылевич Алимпиада Васильевна	220085, ул. Плеханова, 53–91	02.05.1927
61.	Мацкевич Александра Никифоровна	220095, пр-т Рокоссовского, 50–57	23.09.1927
62.	Мацкевич Любовь Петровна	220085, ул. Плеханова 63–27	06.11.1934
63.	Мацкевич Николай Григорьевич	220085, пр-т Рокоссовского, 153–244	01.07.1922
64.	Мацыгуд Софья Борисовна	221085, пр-т Рокоссовского, 113–3–43	05.05.1944
65.	Мацыральник Иван Никифорович	221094, пр-т Рокоссовского, 12–1–532	02.09.1929
66.	Москаленко Валентина	220101, пр-т Рокоссовского, 158–83	01.12.1936
	Митрофановна	220101, пр-т Рокоссовского, 170–74	01.01.1939
67.	Мычко Любовь Петровна	220085, пр-т Рокоссовского, 117–24	11.02.1943
68.	Мышковская Лариса Александровна	221085, пр-т Рокоссовского, 125–50	10.10.1939
69.	Подобед Надежда Александровна	220095, пр-т Рокоссовского, 50–67	07.06.1933
70.	Подоляко Тамара Антоновна	220095, пр-т Рокоссовского, 50–141	16.06.1935
71.	Прилуцкая Валентина Яковлевна	221095, пр-т Рокоссовского, 50–150	01.03.1935
72.	Процко Валентина Алексеевна	220101, пр-т Рокоссовского, 100–105	01.01.1940
73.	Прошкина Антонина Андреевна	221094, пр-т Рокоссовского, 18–1–160	10.02.1940
74.	Садыкова Тамара Михайловна	220085, пр-т Рокоссовского, 101–23	20.03.1930
75.	Сазонов Григорий Степанович	220094, ул. Горовца, 2–435	28.05.1941
76.	Салобутина Зинаида Васильевна	220094, пр-т Рокоссовского, 49–335	23.10.1936
77.	Самулис Лидия Ивановна	221094, пр-т Рокоссовского, 43–89	10.10.1926
78.	Саранчина Любовь Николаевна	220095, ул. Якубова, 56–1–496	01.07.1921
79.	Старовойтова Мария Федотовна	221101, ул. Якубова, 18–38	27.05.1937
80.	Фалей София Устиновна	220085, пр-т Рокоссовского, 127–1	20.10.1928
81.	Федоринчик Валентина Яковлевна	221094, пр-т Рокоссовского, 25–2–138	22.07.1926
82.	Федорович Михаил Ефимович	221085, пр-т Рокоссовского, 115–86	27.01.1936
83.	Феньк Мария Лукьяновна	220028, ул. Маяковского, 20–92	22.01.1924
84.	Фираго Николай Григорьевич	220094, пр-т Рокоссовского, 12–1–231	12.03.1925
85.	Фролов Александр Федорович	221094, пр-т Рокоссовского, 47–66	01.02.1944
86.	Харитонова Евдокия Кузьминична	220085, пр-т Рокоссовского, 101–51	.26.03.1937
87.	Харлап Николай Иванович	220101, ул. Плеханова, 97–4–28	01.07.1926
88.	Харченко Таиса Ивановна	220101, ул. Плеханова, 97–2–54	06.03.1928
89.	Хващевская Ольга Владимировна	220094, пр-т Рокоссовского, 7–75	07.11.1935
90.	Хлапков Александр Васильевич	220094, пр-т Рокоссовского, 77–11	28.01.1925
91.	Хмызников Владимир Степанович	220094, пр-т Рокоссовского, 18–1–430	15.08.1929
92.	Цалко Феликс Адамович	220094, пр-т Рокоссовского,73–33	15.02.1928
93.	Цурко Владимир Федосович	220094, пр-т Рокоссовского, 4–1–362	17.05.1933
94.	Черенкова Валентина Елисеевна	220101, пр-т Рокоссовского, 88–55	28.05.1923
95.	Черникова Валентина	221085, пр-т Рокоссовского, 145–115	14.09.1939
	Митрофановна	220101, ул. Якубова, 30–168	01.04.1929
96.	Шевчук Ирина Онуфриевна	220094, ул. Горовца, 2–159	29.11.1926
97.	Шевчук Лилия Парфеновна	220095, пр-т Рокоссовского, 50–183	28.11.1924
98.	Шумович Сергей Васильевич	221085, пр-т Рокоссовского, 153–174	29.02.1944
99.	Шумская Лидия Корнеевна	220094, пр-т Рокоссовского, 75–41	15.05.1940
100.	Шутко Агриппина Ивановна	220095, пр-т Рокоссовского, 74–14	20.11.1934

101. Шухов Анатолий Анатольевич	220085, пр-т Рокоссовского, 115–52	09.10.1936
102. Щурик Николай Игнатьевич	221094, пр-т Рокоссовского, 43–57	27.03.1937
103. Яглейская Глафира Сергеевна	220085, ул. Малинина, 8–65	17.10.1912
104. Ядловский Виталий Станиславович	220085, пр-т Рокоссовского, 97–44	27.01.1927
105. Ярмолович Владимир Матвеевич	220085, ул. Плеханова, 67–66	18.03.1942
106. Яроц Лидия Кирилловна	220085, ул. Плеханова, 63–53	24.08.1925
107. Яроцкий Иван Григорьевич		
108. Ярошевич Лидия Даниловна		
109. Ясинская Станислава Адольфовна		

Председатель общественного объединения
бывших малолетних узников Ленинского района г. Минска
Лариса Алексеевна Александренко

Список изданий бывших узников концентрационных лагерей, гетто, принудительных рабочих

1. Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское сопротивление, репатриация детей из Германии / сост.: З.Д. **Никодимова**; под ред. К.И. Козака. Минск, 2010. −150 с.
2. **Борисова**, А.В. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / А.В **Борисова**, К.И.Козак, Г.Л. **Стучинская**. −Минск: И.П. Логвинов, 2009. − 380 с.
3. **Борисова**, А.В. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / А.В **Борисова**, К.И.Козак, Г.Л. **Стучинская**. −2-е изд. испр. и доп. −Минск: И.П. Логвинов, 2010. − 444 с.
4. Война и украденные годы: живые свидетельства остарбайтеров Беларуси / сост. Е.И. **Люлькина**; под ред. К.И. Козака. − Минск: И.П. Логвинов, 2009. −264 с.
5. Война и украденные годы: живые свидетельства остарбайтеров Беларуси. Вып. 2. Доп. и перераб. / сост. Е.И. **Люлькина**; под ред. К.И. Козака. 2-е изд. Испр. и доп. −Минск: И.П. Логвинов, 2010. −214 с.
6. Воспоминания климовчан-остарбайтеров / Общественная организация "Могилевская областная ассоциация малолетних узников фашистской неволи", Климовичское районное объединение краеведов "Спадчына"; [авторы-составители: Л.И. **Андрюшкова**, Н.В. **Банышевская**, А.М. **Кожемяко**]. −Могилев, 2005. −182 с.
7. **Гальбурт**, А. Выживший в аду. Незабываемое / А. **Гальбурт**. –Минск: Энциклопедикс, 2003. –140 с.
8. **Гальперина**, Р. Как это было… Выживание. Жизнь. Надежда / Р. **Гальперина**. Выпуск третий. −Минск: Историческая мастерская, 2006. –129 с.
9. **Грыбаў**, М. Запіскі остарбайтэра / М. **Грыбаў**. −Брэст: Акадэмія, 2005. −227 с.
10. **Гурин**, Н. Пуховщина помнит: Воспоминания о войне / Н. **Гурин**. –Минск: Технопринт, 2005. −317 с.
11. **Гурин**, Н.А. Пуховщина помнит: Воспоминания о войне и последующих годах / Н.**А Гурин,** И.И. **Грудинский**. –Минск: А.Н. Вараксин, 2006. –279 с.
12. **Гурин**, Н.А Пуховщина помнит: Воспоминания о войне и последующих годах / Н.А. **Гурин,** А.И. **Злобич**. –Минск: А.Н. Вараксин, 2006. −312 с.
13.
14. **Давыдова**, Г.Р. От Минска до Ла–Манша или дорогами Холокоста: Док. повесть / Г.Р. **Давыдова**. 2-е изд. −Минск, 2001. −232 с.
15. **Даган**, Б–Ц. Мы из восставшей Лахвы / Б–Ц. **Даган**. −Тель–Авив, 2001. –160 с.
16. **Денисевич**, Н.И. В финском концлагере. Воспоминания и размышления / Н.И. **Денисевич**. Выпуск пятый. Минск: Историческая мастерская, 2007. −244 с.
17.
18. **Драпезо**, П. Этого забыть нельзя / П. **Драпезо**. –Минск: Змицер Колас, 2006. –68 с.
19. Жива… Да, я жива! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман. Материалы и док. / сост. М.И. **Крапина**, Ф.В. **Рейзман**. Выпуск второй. −Минск: Историческая мастерская, 2005. −258 с. +26 с ил.

20. **Жукова**, М.И. Война причиняет мне боль / М.И. **Жукова**. Под ред. К.И. Козака Минск: И.П. Логвинов, 2010. – 212 с.

21. **Завольнер**, Г. Жизнь дарованная судьбой. Книга воспоминаний бывшей узницы Минского гетто / Г. **Завольнер**. –Минск: Энциклопедикс, 2004. –92 с.
22. **Завольнер**, Г. Спасенные из ада. Жизнь и судьба / Г. **Завольнер**, Р. **Гальперина** Выпуск первый. −Минск: Историческая мастерская, 2004. −136 с.
23. **Завольнер**, Г. Судьбой написанные строки / Г. **Завольнер**, С. **Каплинский**. – Минск: Энциклопедикс, 2007. −152 с.

24. **Краснаперка**, Г. Пісьмы маей памяці / Г. **Краснаперка**. −Мінск, 1984.
25. **Кроз**, В. Навечно в памяти: Минское гетто − и жизнь, и слезы, и любовь…. / В. **Кроз**, З. **Чаусская-Ильяшова** Выпуск шестой. −Минск: Историческая мастерская, 2007. −70 с.
26. **Кузнецов**, М.Т. Это тоже наша история. Национал-социализм глазами малолетнего узника: исповедь о пережитом / М.Т. **Кузнецов**. −Могилев: МГУ, 2004. −384 с.
27. **Кузнецов**, М.Т. Послание времени: обретение смысла пережитого / М.Т. Кузнецов. −Минск, Право и экономика, 2007. −409 с., [18] с. ил.

28. ***Левина-Крапина***, М.И. Трижды рожденная. Воспоминания бывшей узницы Минского гетто / М.И. ***Левина-Крапина***. –Минск: Змицер Колас, 2008. –148 с.

29. **Марголина**, С.М. Остаться жить / С.М. **Марголина**. −Минск: Натако, 1997. − 67с.
30. **Марголина**, С.М. Остаться жить / С.М. **Марголина**. −Минск: И.П. Логвинов, 2010. −117с.

31. **Нехай**, О. Ради жизни на земле / О. **Нехай**. −Минск, 2004.

32. Очищение: сборник статей / сост. Н. **Полякова**. −Минск, 2008. –144 с.

33. Пуховщина помнит... Сборник воспоминаний о детях войны / сост. Н.А. **Гурин**. – Минск: Голиафы, Энциклопедикс, 2009. –282 с.

34. **Родзинский**, Г. Дети гетто / Г. **Родзинский**. −Тель-Авив, 2004.
35. **Рубенчик**, А. Правда о Минском гетто: Док. повесть узника гетто и малолет. Партизана / А. **Рубенчик**. −Тель-Авив, 1999. −192 с.

36. **Смоляр**, Г. Мстители гетто / Г. **Смоляр**. Перевод М. **Шамбадал**. −М.: Дер Эмес, 1947. −128 с.
37. **Сотников**, Е. Страшно вспомнить / Е. **Сотников**. −Могилев, 2004.

38. **Трейстер**, М. Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Schimmer vom Gedächtnis… Erinnerungen, Überlegungen und Bublikationen / М. **Трейстер**. Отв. ред. К.И. Козак. Выпуск четвертый. −Минск : Историческая мастерская, 2007. –242 с.

39. **Цветкова**, Н.Т. В фашистких застенках. Записки / Н.Т. **Цветкова**, З.М. ***Лишакова***, А.Ф. **Тринда**. −Минск, 1958. –278 с.
40. **Шепетинский**, Я. Приговор / Я. **Шепетинский**. –Тель-Авив: Кругозор, 2002. – 175 с.

41. **Gavi**, J. Young hero of the Minsk Ghetto / J. **Gavi**. −Paducah, 2000.

42. **Krasnoperko**, A. Briefe meiner Erinnerung. Mein Überleben im jüdischen Ghetto von Minsk 1941/42 / A. **Krasnoperko**. −Schwerte, 1991.
43. **Krasnoperko**, A. Briefe meiner Erinnerung: Mein Überleben von Minsk 1941/42. −Dortmund, 1998
44. **Loewenstein**, K. Minsk, im Lager der deutschen Juden / K. **Loewenstein**. −Bonn, 1961.
45. **Nechai**, O. Gedanken in Erinnerung an mein Leben / O. **Nechai**. Oranienburg, 2006. −239 s.
46. **Shepetinski**, J. Die Jacobsleiter / J. **Shepetinski**. Zurich, 2005. –204 s.
47. **Smolar**, H. The Minsk Ghetto. Soviet–Jewich Partisans Against the Nazis / H. **Smolar**. −New York, 1989.
48. **Rosenberg**, H. Jahre des Schreckens. ...und ich blieb übrig, das ich Dir's ansage / H. **Rosenberg**. −Göttingen 1985.
49. Wenn Worte schreien und weinen. Tagebucher der Ljalja und Berta **Bruk**. −Dortmund, 2008.

Подготовил к печати К.И. Козак

Приложение

Жизнь до войны

Война

Sowjetische Zwangsarbeiterinnen bei der Ankunft in Berlin, Dezember 1942.
(Deutsches Historisches Museum, Berlin)

Фотографии на память

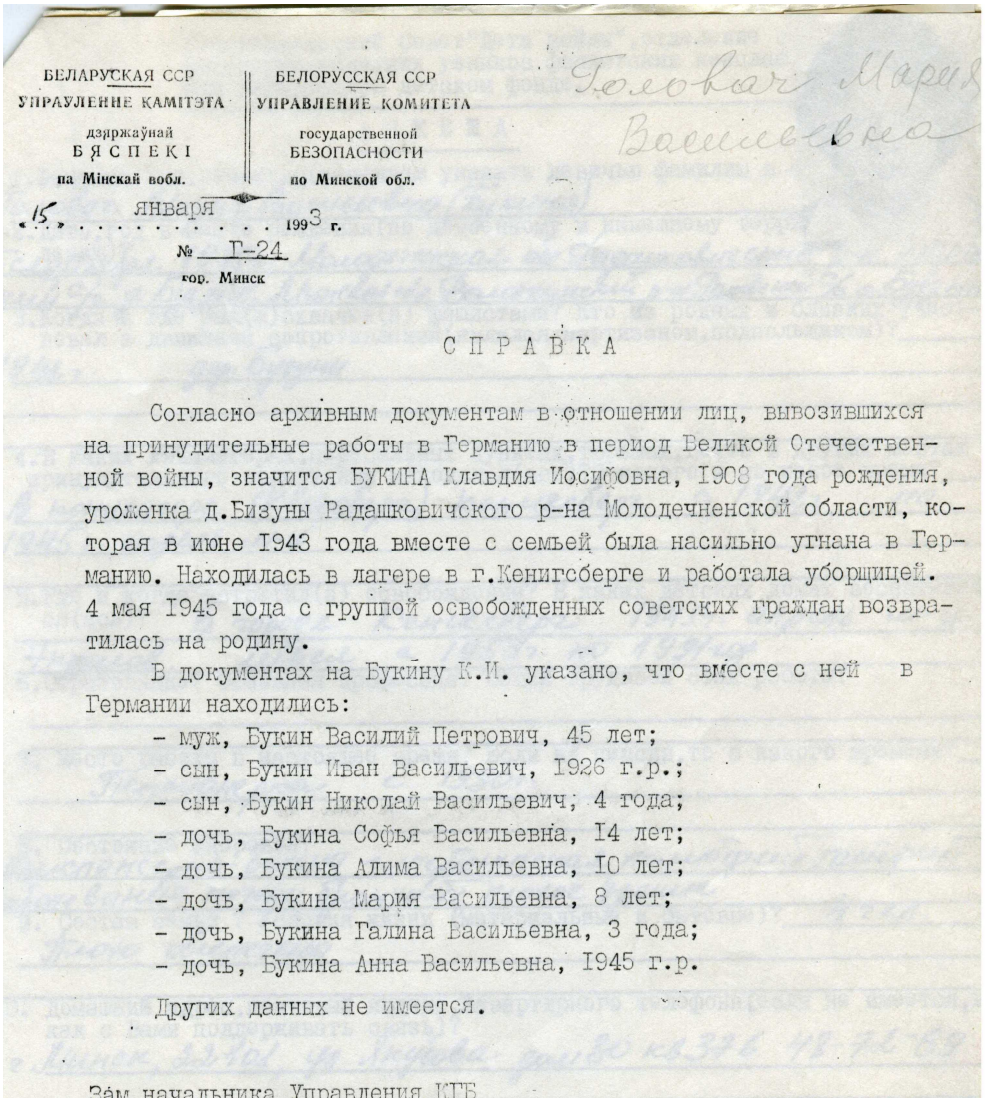

3646

131
R

3926

Документы и материалы

БЕЛАРУСКАЯ ССР
УПРАЎЛЕННЕ КАМІТЭТА
дзяржаўнай
БЯСПЕКІ
па Мінскай вобл.

БЕЛОРУССКАЯ ССР
УПРАВЛЕНИЕ КОМИТЕТА
государственной
БЕЗОПАСНОСТИ
по Минской обл.

«15» января 1993 г.

№ Г-24

гор. Минск

Головач Мария Васильевна

СПРАВКА

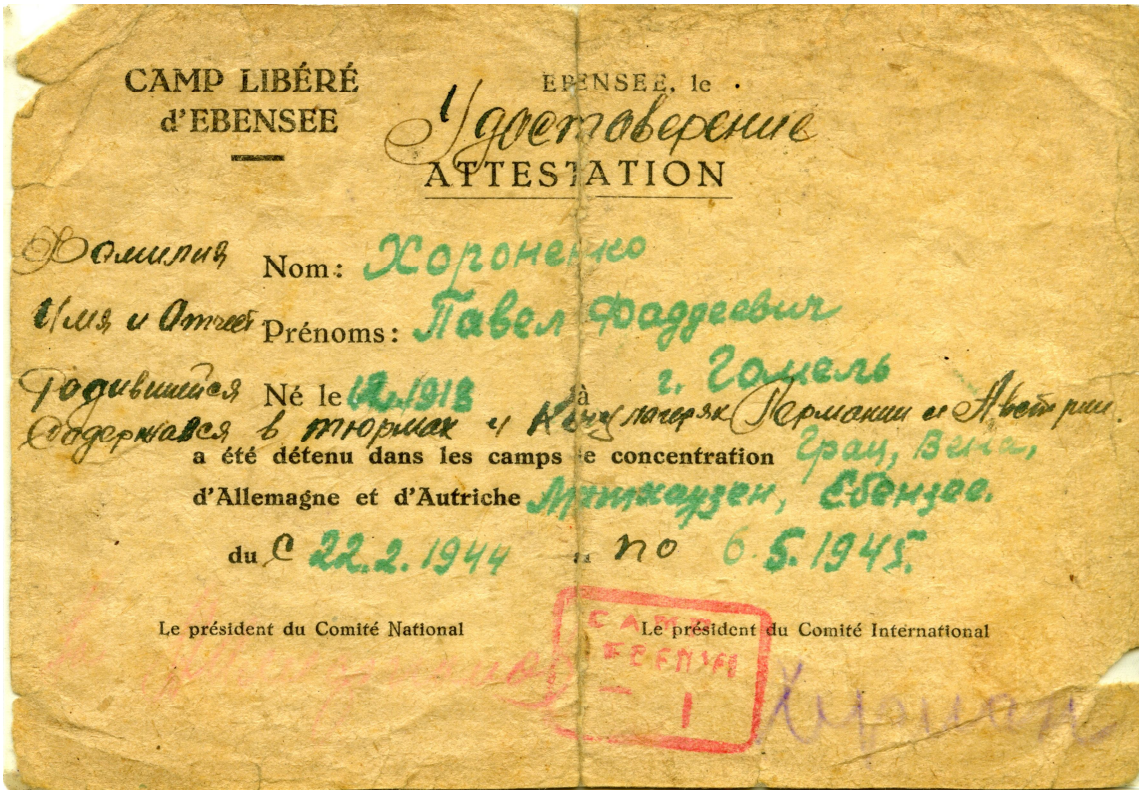
Согласно архивным документам в отношении лиц, вывозившихся на принудительные работы в Германию в период Великой Отечественной войны, значится БУКИНА Клавдия Иосифовна, 1908 года рождения, уроженка д.Бизуны Радашковичского р-на Молодечненской области, которая в июне 1943 года вместе с семьей была насильно угнана в Германию. Находилась в лагере в г.Кенигсберге и работала уборщицей. 4 мая 1945 года с группой освобожденных советских граждан возвратилась на родину.

В документах на Букину К.И. указано, что вместе с ней в Германии находились:

- муж, Букин Василий Петрович, 45 лет;
- сын, Букин Иван Васильевич, 1926 г.р.;
- сын, Букин Николай Васильевич, 4 года;
- дочь, Букина Софья Васильевна, 14 лет;
- дочь, Букина Алима Васильевна, 10 лет;
- дочь, Букина Мария Васильевна, 8 лет;
- дочь, Букина Галина Васильевна, 3 года;
- дочь, Букина Анна Васильевна, 1945 г.р.

Других данных не имеется.

Зам. начальника Управления КГБ

CAMP LIBÉRÉ
d'EBENSEE

EBENSEE, le

Удостоверение
ATTESTATION

Nom: Хоронько

Prénoms: Павел Фадеевич

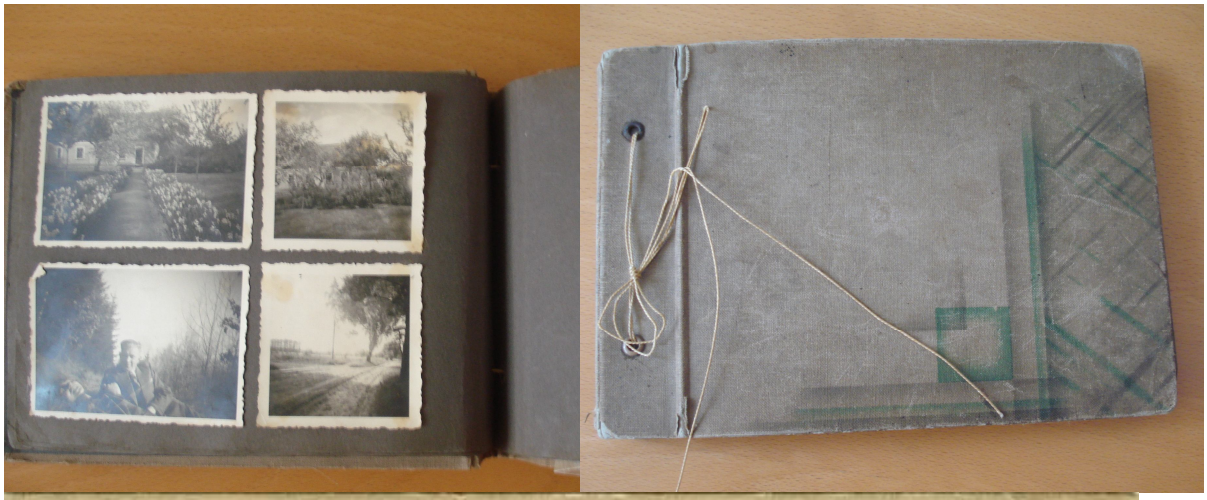
Né le 12.1918 à г. Гомель

a été détenu dans les camps de concentration d'Allemagne et d'Autriche Германии и Австрии Грац, Вена, Маутхаузен, Эбензее.

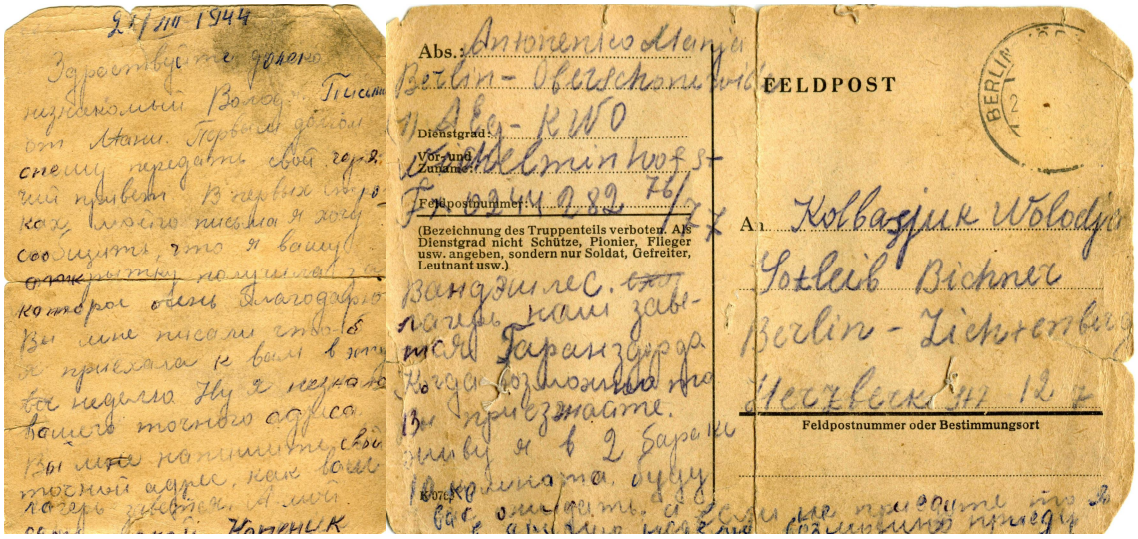
du 22.2.1944 au 6.5.1945

Le président du Comité National

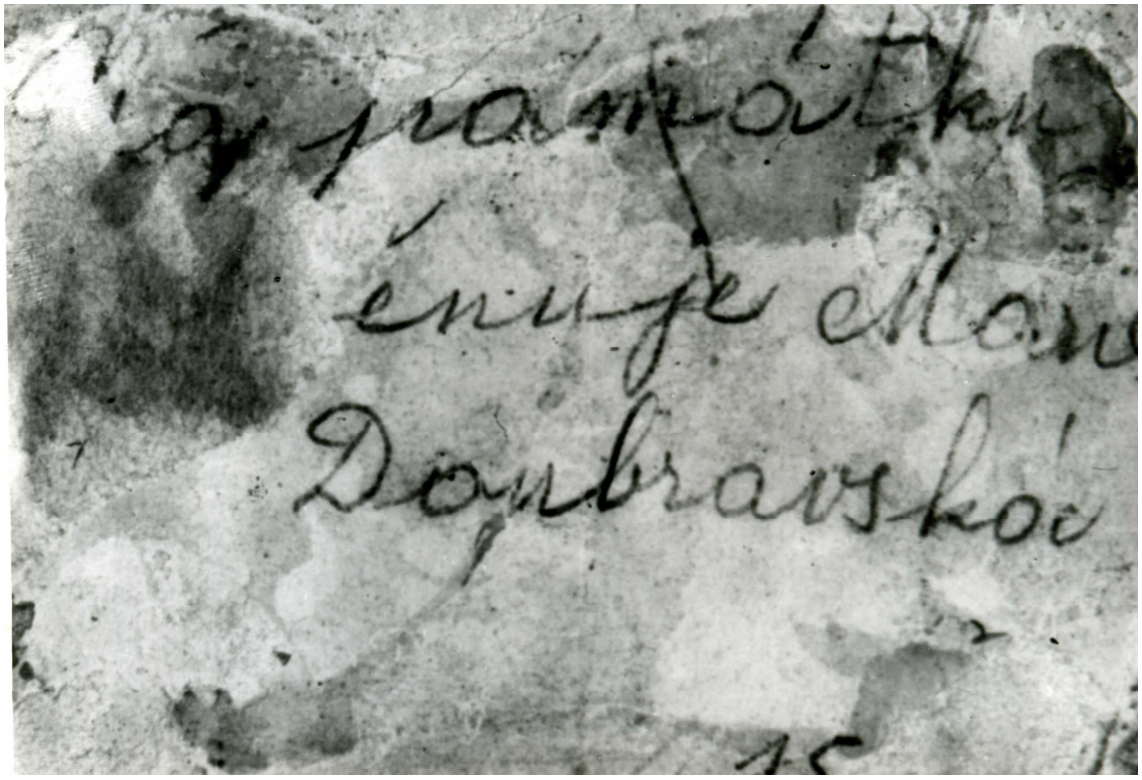
Le président du Comité International

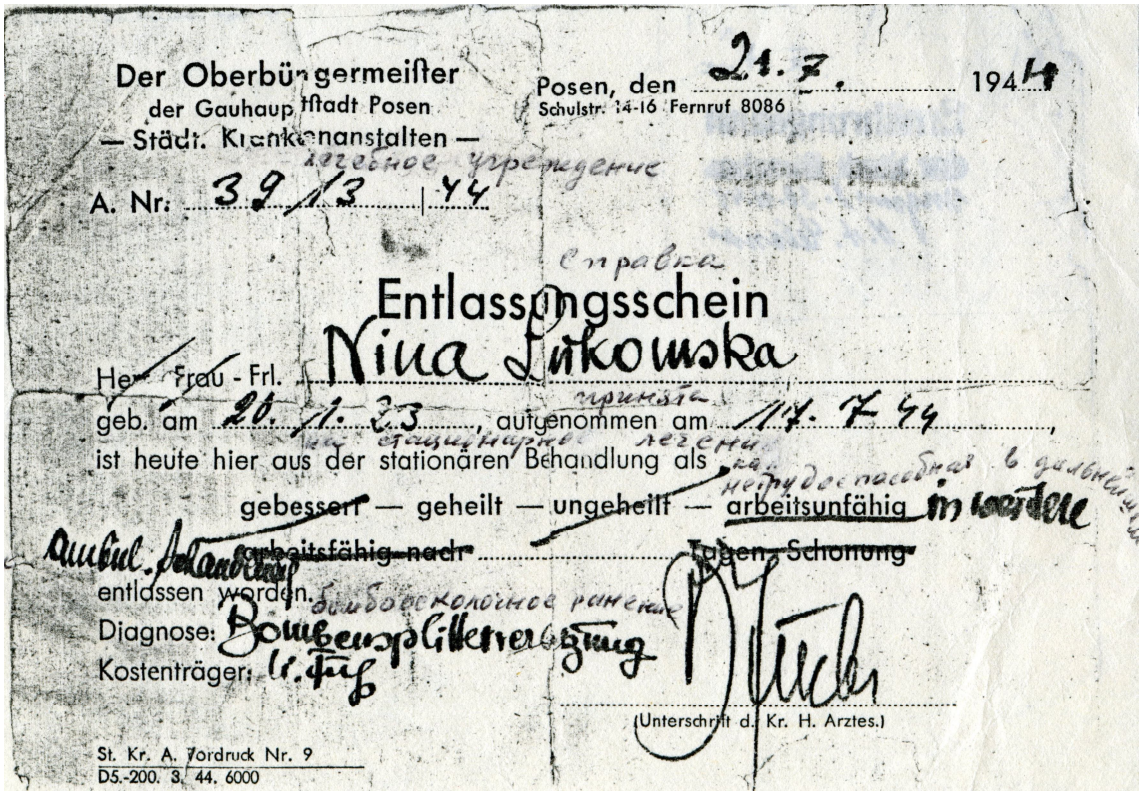

rbeitskarte für russische Arbeitskräfte
67294 aus dem Sowjetruss. Gebiet
er Zeigefinger
Raum für Fingerabdruck
hter Zeigefinger
A. OD. VIII. 43. mf weiß Karton 150 g/qm 25000/10
0278 3629-43
Dia A 6
67294

Abs.:
Dienstgrad:
Vor- und Zuname:
Feldpostnummer:
(Bezeichnung des Truppenteils verboten. Als Dienstgrad nicht Schütze, Pionier, Flieger usw. angeben, sondern nur Soldat, Gefreiter, Leutnant usw.)
FELDPOST
BERLIN
An
Feldpostnummer oder Bestimmungsort

43201

Der Oberbürgermeister
der Gauhauptstadt Posen
— Städt. Krankenanstalten —

Posen, den 21.7. 1944
Schulstr. 14-16 Fernruf 8086

A. Nr: 3913 | 44

Entlassungsschein

Herr / Frau - Frl. Nina Jakowska

geb. am 26.11.23, aufgenommen am 11.7.44,

ist heute hier aus der stationären Behandlung als

gebessert — geheilt — ungeheilt — arbeitsunfähig

arbeitsfähig nach ..... Tagen Schonung

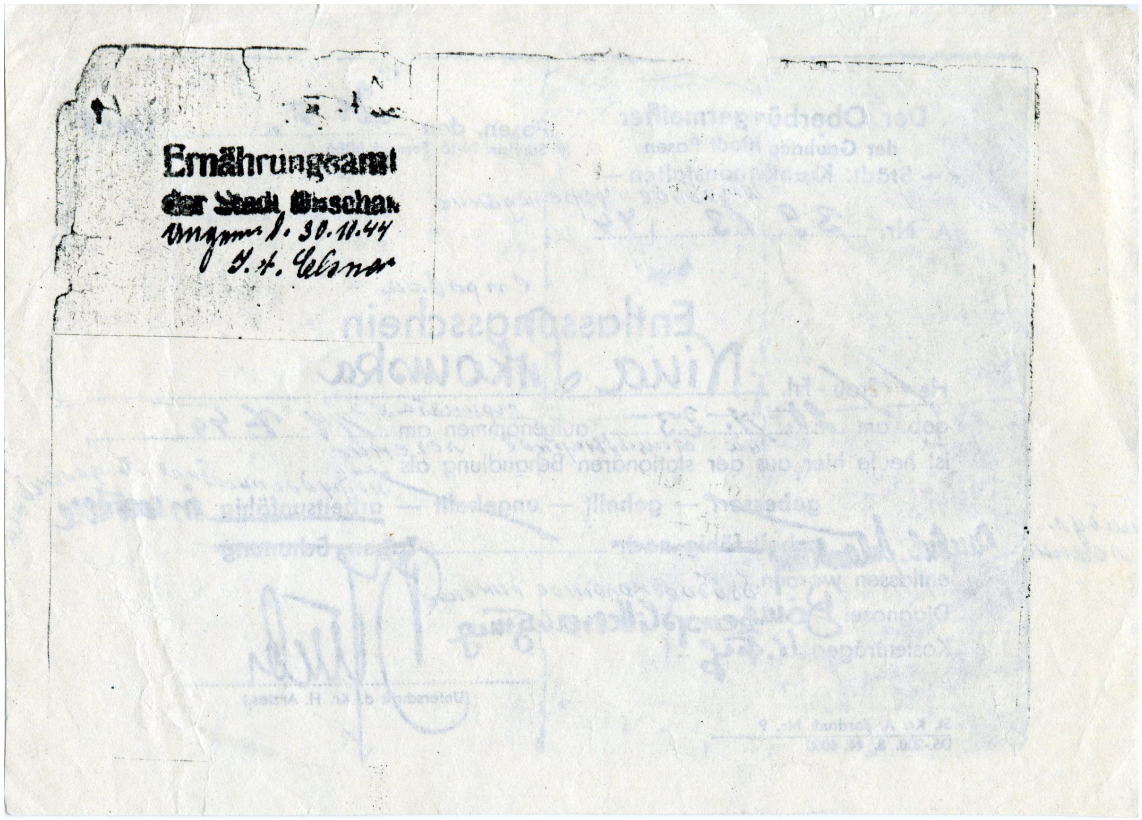
entlassen worden.

Diagnose: Bombensplitterverletzung

Kostenträger: U. Amt

(Unterschrift d. Kr. H. Arztes.)

St. Kr. A. Vordruck Nr. 9
D5.-200. 3. 44. 6000

Ernährungsamt
der Stadt Posen
Ausgabe 1. 30.11.44
Z. A. Gelmar

Бывшие узники Ленинского района г. Минска

Участие в общественной работе

OST

Книга издана при финансировании:
Дортмундского международного образовательного центра
Минского международного образовательного центра
имени Йоханнуса Рау

Научное издание

Детство войны 1941–1945: живые свидетельства Беларуси

Составители:
Лариса Алексеевна Александренко,
Кузьма Иванович Козак,
Таиса Адамовна Кузьмичева

Под редакцией К.И. Козака

В авторской редакции

Напечатано с оригинал-макета заказчика

Фармат 60х84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать афсетны.
Усл. печ. стр. 18,5. Уч.-изд. стр. 19,7.
Тираж 100 экз.